

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№1(67)
2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
(Категория журнала - К2).**

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№1(67)
2026

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (67) 2026:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2026. 128 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блахин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блудману Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдук Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаже – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Лицтов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** **Абинякин Р.М.**
ОБЛИК НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.
- 23** **Варганын Э.Г.**
ВКЛАД ДОБРИ ВОЙНИКОВА В ДЕЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ
- 32** **Красноперов А. А., Камалеев Э. В.**
ПОГРЕБЕНИЯ С МАЗУНИНСКИМИ «БАБОЧКОВИДНЫМИ» ФИБУЛАМИ НА ЮГОМАШЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ
- 42** **Курманов Р.Г., Гиззатов Д.З.,**
ЛАНДШАФТЫ И КЛИМАТ ЮГО-ВОСТОКА ЮЖНОГО УРАЛА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ПО ДАННЫМ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТУЛЬКУЛЕТАУ-5
- 53** **Сагимбаев А.В.**
ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ СУДАНОМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АНГЛО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ 1910-Х – 1920-Х ГГ.
- 62** **Тулянов В.А.**
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX В.: АЛЕКСАНДР ДЮМА И ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ
- 75** **Турьгин А.А.**
ЛЮДВИГ ШЕМАН И ПАНГЕРМАНЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ)
- 86** **Чувардин Г.С., Гончарова И.В.**
ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ КАК ЭЛИТООБРАЗУЮЩАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
- 97** **Якутина Е.Н.**
ФАШИСТСКАЯ ЦЕНзуРА В ИТАЛИИ: ОТ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ К ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ ДАВЛЕНИЮ

РЕЦЕНЗИИ

- 116** **Измозик В.С.**
РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЦЕНЗУРЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «ЦЕНзуРА В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ» (СПБ.: РНБ, 2025. ВЫП. 12. 544 С.)

Меза Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитаг, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сазимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 1(67) 2026: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2026. 128 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.1 – No.67
Scientific
peer-reviewed journal
MARCH
ISSN 2072-2087
ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Abinyakin R.M.**
THE APPEARANCE OF THE COMMANDING STAFF OF THE RED ARMY IN THE 1920S AND EARLY 1930S.
- 23 Vartanyan E.G.**
DOBRI VOYNIKOV'S CONTRIBUTION TO THE NATIONAL REVIVAL OF BULGARIA
- 32 Krasnopeorov A.A., Kamaleev E. V.**
BURIALS WITH MAZUNINO-TYPE «BUTTERFLY-SHAPED» FIBULAE AT THE YUGOMASHEVO BURIAL GROUND
- 42 Kurmanov R.G., Gizzatov D.Z.**
LANDSCAPES AND CLIMATE OF THE SOUTH-EAST OF THE SOUTHERN URALS IN THE EARLY IRON AGE ACCORDING TO THE DATA OF THE TULKULETAU BURIAL MOUND-5
- 53 Sagimbaev A.V.**
THE PROBLEM OF SUDAN'S GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ANGLO-EGYPTIAN RELATIONS AT THE TURN OF THE 1910S- 1920S.
- 62 Tulyanov V.A.**
THE TRINITY-SERGIUS MONASTERY THROUGH THE EYES OF 19TH-CENTURY FRENCH TRAVELERS: ALEXANDRE DUMA AND THÉOPHILE GAUTIER
- 75 Turygin A.A.**
LUDWIG SCHEMANN AND THE PAN-GERMANS (BASED ON MEMORIES)
- 86 Chuvardin G.S., Goncharova I.V.**
THE IMPERIAL GUARD AS AN ELITE-FORMING STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES
- 97 Yakutina E.N.**
FASCIST CENSORSHIP IN ITALY: FROM A SYSTEM OF CONTROL TO IDEOLOGICAL PRESSURE

REVIEWS

- 116 Izmozik V.S.**
RUSSIAN SCHOLARS ON CENSORSHIP. REVIEW OF THE COLLECTION "CENSORSHIP IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY. A COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS". VOL. 12. ST. PETERSBURG: RUSSIAN NATIONAL LIBRARY, 2025. 544 P.

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

УДК 94(47).091

Абинякин Р.М., кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия)

ОБЛИК НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В статье исследуются особенности морально-бытового облика и повседневности лиц начальствующего состава Красной Армии в 1920-е – начале 1930-х гг. как проявление деформации старого и складывания нового общества в целом и формирования его военно-корпоративной структуры в частности. Эта проблема является одним из характерных и малоизученных показателей социальных и морально-нравственных особенностей и настроений командиров и прочих начальствующих лиц РККА, прежде всего из числа бывших офицеров старой армии, в условиях военных психотравм, радикальных общественных преобразований, политической борьбы, новой экономической политики и ее последствий в условиях «военной реформы СССР» 1920-х гг. Выявлены, систематизированы и проанализированы причины, мотивы и специфика служебного, финансового, повседневно-бытового и эмоционального их состояния. Официальный и внеслужебный психологический микроклимат в изучаемый период отличался серьезными лабильностью и деформациями, негативно влияя как на внутреннюю ситуацию в армии, так и на общее социально-политическое благополучие. Изживание этого стало одной из главных задач военно-организационных преобразований тех лет и было на приоритетном контроле у высшего руководства страны. Основная масса использованных источников представлена официальными документами, часть из которых находится на архивном хранении и вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Красная Армия, начальствующий состав, бывшие офицеры, морально-нравственный облик, повседневность, военная реформа 1920-х гг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-07-22

Введение. Морально-бытовой облик начальствующего состава Красной Армии первых двух послереволюционных десятилетий представляет несомненный научный интерес. Во-первых, глубокие социальные изменения наиболее остро проходили по армии и особенно по начальствующему составу, прежде принадлежавшему к особой социально-профессиональной корпорации, и потому испытывавшему наиболее острые меры новой власти. Во-вторых, именно материальные и прочие бытовые механизмы, начиная с получения пайка и чисто биологического выживания в условиях продовольственной диктатуры времен «военного коммунизма» активно использовались в качестве мощного позитивного «бонуса», наряду с пропагандой и политическим воспитанием. Наступление относительно благополучного и мирного нэпа не снижало остроту данного фактора, так как сопровождалось грандиозной демобилизацией, то есть массовыми увольнениями, в том

числе и командиров. В-третьих, резкое усиление исходной сословной, социокультурной и политической разнородности начальствующего состава РККА, усугубленное поствоенным психическим травматизмом и возрастными диспропорциями, делали неизбежными серьезные мировоззренческие и поведенческие трансформации.

Особенности служебного и внеслужебного быта как отражения морально-психологического состояния Красной Армии периодически рассматриваются современными исследователями. В 1990-е гг. и 2000-е В.П. Булдаков [2; 3] и С.Т. Минаков [17; 18] затрагивали специфику повседневно-бытовых проявлений как существенного фактора изучения социальной и военно-корпоративной психологии, формирующей или, по меньшей мере, обеспечивающей определенное поведение масс, социальных групп и отдельных личностей. Затем следует упомянуть представителей

военной антропологии во главе с Е.С. Сеньявской [31; 32], которые рассматривают быт и нравы армейской среды в качестве основного предмета исследования. Немалая часть публикаций этого направления посвящена военно-психологическим деформациям [16; 41], однако имеются и повседневно-бытовые сюжеты [21]. По сути, это стало рождением нового направления в отечественной историографии.

К сожалению, не все работы, касающиеся Красной Армии, отличаются профессионализмом. В книге израильского автора В.В. Каминского социально-бытовые мотивации вступления в РККА не только заявлены как единственные, то есть исключительно корыстные, но и рассмотрены крайне поверхностно, на менее чем восьми страницах [15, с. 98–106], что исключает сколь-нибудь серьезную репрезентативность. В сочетании с многочисленными фактическими неточностями данное издание вряд ли может быть отнесено к серьезным историческим работам.

Наконец, в последние годы наблюдается наиболее взвешенный подход к изучению повседневности как перехода от субъективных и индивидуальных реакций отдельных личностей к объективным проявлениям, позволяющим через частные и обыденные проблемы расширить анализ взаимодействия социальных групп с обществом в целом. Этот подход олицетворяют исследования А.В. Ганина, в которых присутствует максимально гармоничное сочетание объективных фактов и закономерностей службы бывших офицеров большевикам – и анализ настроений, партийности, семейного положения и даже участия в продовольственных спекуляциях [7]. Материально-бытовые обстоятельства жизни крупных генштабистов рассматриваются данным автором в неразрывной связи с их служебной и общественной деятельностью [6]. Повседневной специфике бывших офицеров А.В. Ганин посвятил специальную монографию, затрагивающую, правда, только

бывших лиц Генерального Штаба и только в годы Гражданской войны, но зато досконально – рассмотрены настроения, обусловившие переход к большевикам, режим рабочего дня и отдыха, жалованье, питание, жилищные условия, досуг, состояние здоровья и болезни [8]. Помимо собственно исследовательского содержания, данная работа является образцом методологии изучения обозначенной проблематики. Однако генштабисты и у красных были, как прежде в старой армии, несомненной военной элитой, несмотря на существенное упрощение быта, поэтому судить по ним о всей массе красных командиров и даже о бывших офицерах не вполне корректно. Более широких же исследований на настоящий момент нет.

Целью исследования является выявление и анализ специфики служебного, материального, повседневно-бытового, эмоционального состояния и поведения начальствующего состава Красной Армии в условиях политической и экономической нестабильности переходного периода развития Советской России и СССР после Гражданской войны.

Объекты и методы исследования. Объектом изучения является начальствующий состав РККА, предметом – его морально-бытовой облик, в совокупности причин, мотивов и условий.

Методологической основой исследования служат принципы объективности и историзма: непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений на базе осмысления совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Используются приемы статистического анализа: методика абсолютных и относительных статистических величин, сводки, корреляции. Применен метод историко-психологической реконструкции, основанный на воссоздании целостной картины процесса, явления, ситуации путем детального и комплексного анализа его составляющих.

Результаты и их обсуждение. Мас-совое, почти десятикратное сокращение Красной Армии в 1921–1922 гг. руководствовало в отношении начальствующего, и в первую очередь командного состава тремя главными критериями: военно-профессиональный уровень, лояльность и общее омоложение. Однако уже в первые месяцы после перехода на режим и штаты мирного времени выяснилось, что весьма важным, но практически не учтенным является такой критерий, как морально-бытовой уровень. Поначалу он действительно практически не рассматривался. Обширные и подробные (хотя и достаточно хаотические) ежеквартальные обзоры внутреннего положения в стране, составлявшие в ГПУ и позднее в ОГПУ для высшего политического руководства, отличаются специфическим «рейтингом» освещавшихся вопросов.

Так, раздел, посвященный РККА, именовался «Красноармейцы» и в первой половине 1922 г. состоял всего из двух–трех абзацев; затем постепенно расширялся и содержал в разных сводках от шести до 23 (!) тематических подзаголовков, таких, как «Настроение, боеспособность и дисциплина», «Продснабжение», «Сансостояние», «Обмундирование», «Обувь», «Казармы», «Перегруженность нарядами», «Пьянство», «Политработа», «Демобилизационные настроения», «Дезертирство», «Преступления» и т.п. – но порой дан сплошным текстом, без рубрикаций [33, с. 248, 488; 34, с. 871–875, 914–916]. При этом рубрика «Комсостав» (или «Командный и админхозсостав») входила в общий перечень и рассматривалась как частный случай общей красноармейской массы. Лишь в 1924 г. появился отдельный раздел «Командный и политический состав» [35, с. 80] и стало выражаться понимание, что от состояния начальствующего состава зависит благополучие армии в целом. В то же время часть обзоров вообще не упоминают начсостав: например, материалы за октябрь–декабрь 1924 г. посвящены только

красноармейцам [34, с. 965–969].

Тем не менее, морально-политический облик командиров отражался в документах достаточно подробно, причем не только в смысле лояльности, но и в отношении нравственного состояния и поведенческих отклонений на бытовом уровне. Со второй половины 1920-х гг. факты морально-бытового разложения становятся частыми основаниями для увольнения из армии и отражаются в многочисленных приказах военного ведомства. Учитывая внутренний, секретный характер данных материалов ОГПУ и НКВМ, они могут быть оценены как достаточно объективные.

Особенности повседневно-поведенческих проявлений начальствующего состава Красной Армии можно разделить на две большие группы: служебно-корпоративные и морально-бытовые.

К первой группе относятся все неофициальные факторы военной службы.

Еще в разгар Гражданской войны, зимой 1919–1920 г., очевидцы описывали отношения красноармейцев и командиров отнюдь не демократично: «солдаты называют офицеров “товарищами”, но трепещут их не меньше “вашего благородия”» [4, с. 197]. Конечно, надо делать поправку на стороннее, штатское восприятие мемуаристики, но, думается, именно «старорезимный» командирский стиль подмечен и передан точно.

На протяжении 1920-х и даже первой половины 1930-х гг. одним из наиболее часто встречающихся оснований для претензий командования и особенно политработников к командирам было обвинение в грубом и несправедливом обращении с красноармейцами. Данные факты, хотя иногда подчеркивались как нечастые, имели место как в начале, так и в конце десятилетия. Более того, сводки свидетельствуют об их росте и усилении. Так, в первой половине 1922 г. утверждалось, что «взаимоотношения красноармейцев с комсоставом также поведение

последнего почти повсеместно продолжает оставаться вполне нормальным. Исключения составляют некоторые гарнизоны Сибири, Архангельской, Калужской и Владимирской губерний» [33, с. 189], но без конкретизации ненормальностей, за исключением «мордобоя» во владимирских гарнизонах. Вероятно, благополучное поведение командиров в 1922 г. было обусловлено массовыми демобилизациями и стремлением избежать их за счет образцового поведения. Но уже через год обзоры фиксируют расширение отрицательных случаев.

В 1923 г. отмечалось некоторое изменение отношений – местами с «нормальных» на «официальные» (то есть формальные), и распространение грубого отношения командиров на части Западного фронта, Карелию, Крым и Новониколаевскую губернию. Вопиющим фактом стало объявление голодовки младшим комсоставом 20-й дивизии Петроградского военного округа, протестующим против грубости комбата [34, с. 897]. Обобщая, чекисты отмечали, что «после чисток возродилось проявление староофицерских замашек: рукоприкладство, брань, денщикество и т.п.» [33, с. 209]. Таким образом, под грубостью понимались не только случаи рукоприкладства или оскорблений, но и хозяйственно-бытовые неуставные отношения. Особенно распространены они были в столичном округе, где красноармейцев широко использовали «в качестве денщиков, нянек, поломоек» [34, с. 943].

В 1924 г. обзоры пронизаны уже нешуточной тревогой: «Грубость комсостава увеличивается с каждым месяцем, принимая формы полнейшего пренебрежения к красноармейской массе, предпочтения репрессивных мер вместо морального воздействия на красноармейцев и подчиненных, также эксплуатации красноармейцев... В частях 21-й и 12-й дивизий Западно-Сибирского военного округа

имели место случаи ареста красноармейцев за то, что они не брали «под козырек» или не вставали при входе командира... часто слышны в частях покрикивания вроде: «замолчать», «не разговаривать» и т.п.» [35, с. 80–81]. Следующая сводка констатирует, что «грубое отношение комсостава с красноармейцами сделалось обычным явлением» [35, с. 129].

Документы первой половины 1925 г. указывают уже последствия – отрыв старшего и среднего комсостава от красноармейцев и младших командиров и связывают именно с этим падение дисциплины; «Грубость часто выражалась в форме таких выкриков, как «держи морду», «бараны» [35, с. 132, 169].

При этом подчеркивалось, что то же самое наблюдается и «в отношениях к красноармейцам значительной части краскомов» [34, с. 209]. В кавалерийских частях именно краскомы широко практиковали рукоприкладство – как красноречиво сказано в документе, «заражаясь» [35, с. 152] им от старших командиров. Особую тревогу вызывало вовлечение в процесс даже политработников. Неоднократно отмечалось проявление «староофицерских замашек» у никакого отношения к бывшим офицерам не имевших комиссаров. Например, комиссар продовольственной базы ВХУ Западного фронта, как и командир, требовал «стоять навтыжку и отвечать «так точно» и «никак нет» [34, с. 943], а комиссар кавалерийского эскадрона 1-й дивизии Московского военного округа заставлял становиться во фронт, приветствуя его. Комиссар артполка 2-й дивизии использовал красноармейцев в личных целях, в качестве денщиков [35, с. 293]. В 1-й кавалерийской дивизии Петроградского военного округа именно комиссар своим грубым обращением довел красноармейца до самоубийства [34, с. 967].

В августе 1926 г. была издана директива РВС СССР, которая требовала иско-

ренишь грубость начсостава и недопустимость «дисциплинарных искривлений, доходящих иногда до прямого издевательства над красноармейцем» [14, с. 225]. Однако постановление РВС СССР «О политико-моральном состоянии Красной Армии» от 27 июня 1928 г. констатировало не только сохранение, но и усугубление проблем: «сейчас они разрослись и кое-где обнаруживаются в таких фактах, которые требуют самых резких карательных мер к виновным и попустителям» [14, с. 225]. Поразительно, что только через пять лет высшее военное руководство дозрело до выправления ситуации административными методами.

Основными причинами грубости можно назвать общий невысокий культурный уровень значительной части начсостава, перманентный стресс на фоне материальных неурядиц, политической неоднозначности в условиях борьбы группировок в руководстве партии и армии и служебной неопределенности в ходе демобилизаций и чисток при проведении военной реформы; для бывших офицеров добавлялся социально-мировоззренческий дискомфорт вступления в новое общество.

Разумеется, столь пристальное отслеживание грубости комсостава диктовалось не соображениями этикета или даже усиления уставных отношений (так как уставы еще предстояло составить и написать). Серьезное беспокойство вызывала перспектива обострения отношений между красноармейцами и командирами, спровоцированного поведением последних. Подобные последствия даже в мирное время были чреватые серьезными конфликтами, а в условиях частых военных тревог и общей напряженности международных отношений СССР в 1920-е гг. могли обернуться катастрофическими последствиями. Обзоры ОГПУ отмечали нечастое, но постоянно присутствующее «недоверчивое, а иногда и враждебное отношение к комсоставу. Такие отношения

вызываются грубостью комсостава и эксплуатацией красноармейцев в качестве денщиков и личной прислуги» [34, с. 916; 35, с. 65, 81, 152]22. Следует подчеркнуть, что данные проявления, упорно называемые «староофицерскими замашками», далеко не всегда были присущи бывшим офицерам. Характерно, что краскомы из числа бывших солдат и даже из молодых послевоенных пополнений склонны были воспроизводить стереотип «старорежимного офицера», несмотря на всю политработу комиссаров. Такое морально-классовое перерождение отмечалось с возмущением и недоумением, но в действительности лишь развивало психологический феномен «офицера военного времени», подмеченный генералом В.И. Гурко на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего еще в мае 1917 г.: «Новое офицерство, вышедшее из среды банщиков и приказчиков, восприняло от старого самые нехорошие стороны... В пехоте, где много офицеров, вышедших из солдатской среды и далее всего стоящих от солдат, хуже всего обстоит дело» [22, л. 507].

Другой стороной морально-психологического состояния начсостава было то, что в документах именовалось «казенщиной» или «апатией». После того, как ажиотаж с демобилизациями (и с реальной перспективой оказаться безработным) поутихла, начальствующий состав довольно быстро начал понимать, что служба оборачивается целым рядом проблем.

В условиях «угара» нэпа, частной торговли и неизбежных при этом колебаний цен все больше раскрывалась сильная материальная необеспеченность военных. Последствия были двоякими. Меньшая, наиболее предприимчивая и беззастенчивая часть командиров начала искать источники дополнительного дохода, от хозяйственных преступлений (хищения, подлоги и растраты) до попыток встраивания в нэпманские структуры. Так, в «комсостав 3-й кавалерийской бригады Приволжского военного округа обзавелся хозяйством и

связан с сызранскими спекулянтами, некоторые состоят членами биржи» [34, с. 915]. Исключительным по размаху был пример инспектора пехоты Киевского района войск Украины и Крыма, бывшего генерала В.А. Ольдерогте, который открыто занимался игорным бизнесом и злоупотреблениями: «арендовал» городской ипподром и устроил не только скачки с тотализатором, но и вполне современную схему «распила», проводя выездку лошадей для кавалерийских корпусов и конной милиции и получая за это большие суммы казенных денег. Даже антисоветски настроенные авторы называют его «крупнейший киевским эппаном и дельцом 20-х гг.» [40, с. 169].

Большая же часть начсостава была морально подавлена и собственно низким жалованьем, и «особенно по сравнению со служащими советских и хозяйственных учреждений» [34, с. 873, 915]. Дело не ограничивалось абстрактным недовольством и «демобилизационными настроениями», а доходило до одновременных рапортов об увольнении сразу 20% командиров части; анонимные анкеты фиксировали нежелание служить в армии и вовсе до 65% комсостава (как имело место в 18-й милиционной дивизии) [34, с. 915].

Это представляется весьма важным аспектом, выходящим за рамки примитивной корыстности. В настроениях командиров, прежде всего кадровых, то есть бывших офицеров, возникало противоречие между стремлением к военной службе как к призванию и любимому делу – и серьезными материальными трудностями, мешавшими полноценно отдаваться службе. Более того, бывшие офицеры вольно или невольно сравнивали уровень обеспеченности и социальной востребованности военного профессионала до революции и в советское время, что было явно не в пользу современной им действительности. Не стоит забывать и то, что подавляющая часть бывших офицеров в РККА была представлена

офицерами военного времени и простонародного происхождения, которые ощущали обретение офицерского чина как серьезное повышение своего социального статуса. Теперь же, в условиях небольшой по численности армии и огромного количества уволенного комсостава, они постоянно отмечали невнимательное отношение к себе со стороны государства: «Необходимо поднять комсостав в глазах общества, чтобы на командиров не смотрели как на элемент *никуда не годный и потому служащий в армии* [Курсив наш. – Р.А.], а чтобы им гордились и его службе завидовали» [19, с. 39].

Следует особо подчеркнуть, что причины недовольства были проявлением не враждебности, истерики или каприза, а вполне объективным. Малейшая задержка выплата жалованья ставило командира на грань физического выживания в буквальном смысле. Отмечены случаи заболевания от истощения из-за невыплаты командировочных, а также участие в грабеже по причине крайней нужды [35, с. 152].

Неудивительно, что сводки фиксировали «большой частью казенно-формальное» отношение к повседневностям службы: «Почти везде отмечается слабый интерес к занятиям, отсутствие проявления инициативы и сваливание своих обязанностей на младший комсостав» [35, с. 48]; «командиры по несколько дней не посещают занятий» [35, с. 81].

Произведенная 1 июня 1924 г. прибавка к жалованью была недостаточной (например, у комроты с 40 руб. до 42 руб. [38, с. 293], то есть всего 5%), и не привела к изменению настроений. Только после неоднократных повышений жалованья в 1925–1926, 1927 и 1929 гг. каждый раз на 25–40% [13, с. 189–190; 39, с. 256] недовольство материальной необеспеченностью сошла на нет.

Следующим фактором морально-психологического напряжения являлись чистки – прежде всего, проводившаяся в

1924 г. по циркуляру заместителя председателя РВС СССР М.В. Фрунзе № 151701сс с целью «тщательного отбора как в политическом, так и в служебно-качественном отношении». Документы отмечают «нервность и расхлябанность, что неблагоприятно отражается на работе» [35, с. 152], но одновременно отмечают и положительный эффект: «наблюдается неустойчивое настроение и волнение. Из боязни быть вычищенными комсостав старается повысить интенсивность своей работы» [35, с. 129]. Однако чистка дала лишь временный эффект, и в дальнейшем снова отмечалась «пассивность» командиров, причем как одна из форм «возрождения староофицерских замашек» [35, с. 209].

Весьма специфической причиной этого является особенность отношения к службе кадрового русского офицерства начала XX в., тонко подмеченная и обоснованная И.Н. Гребенкиным. Действительно, устойчивое представление о военной службе как об образе жизни и поведения, но не как о профессиональном труде, требующем напряжения и саморазвития, «обусловило весьма скромный уровень их подготовки» [11, с. 34, 42]. Вполне естественно, что бывшие офицеры в Красной Армии не могли хотя бы отчасти не воспроизводить это отношение к службе. Более того, это создавало нежелательный поведенческий образец для подчиненных, в первую очередь краскомов. Не случайно сутью чистки 1924 г. была не антиофицерская направленность, а профессиональное совершенствование армии, – но именно поэтому те бывшие офицеры, которые воспринимали службу лишь как форму жизненного уклада, оказывались в уязвимом положении, и политика тут роли не играла.

Вторую большую группу составляли морально-бытовые отклонения, на первый взгляд менее опасные для политической надежности. Но часть из них была связана если не со служебной, то с повседневной армейской действительностью и,

судя по все более усиливавшейся борьбе с ними, рассматривались они как не меньшая угроза.

Как уже отмечалось, следующим по важности фактором морально-бытового разложения после грубости указывалось пьянство. Употребление алкоголя вообще было традиционным для офицерства, особенно в мирное время и в обстановке гарнизонной рутины. Поэтому не удивительно, что это становилось одной из основных форм досуга, а в неформальных группировках начсостава процветало. Не стоит забывать и два внешних катализатора ситуации: отмену сухого закона, введенного еще в 1914 г., и общую нравственную расслабленность послевоенного периода в сочетании с расширением возможностей для развлечений и удовлетворения низменных потребностей. В одном из документов использовано весьма точное и образное определение – «соблазны нэпа» [12, с. 93].

Сначала пьянство отмечалось как отдельные безобразные, но нетипичные и достаточно редкие факты. Материалы 1922 г. вообще не содержат упоминаний о нем [33, с. 248, 261, 288–290, 478–480, 488]. В 1923 г. случаи пьянства представлены как заметные и возмутительные, но еще не типичные явления, с использованием таких речевых оборотов, как «там, где в Красной Армии существует пьянство», а среди приводимых примеров подчеркивался их преимущественно индивидуальных характер: «Командиры нередко появляются в пьяном виде на строевые занятия» [34, с. 873] – то есть напивались частным образом и поодиночке. Вместе с тем отмечалось и «массовое пьянство», но опять же как сумма отдельных случаев, к тому же характерная для отдельных регионов, в основном приграничных. Названы Петроград, Карелия, Витебская, Красноярская, Забайкальская, Амурская губернии, Самаркандская и Ферганская области. Однако упоминание Западного и Туркестанского фронтов – обоих существующих на тот момент в СССР – а

также внутренних губерний, вроде Самарской, Уральской и Акмолинской [34, с. 873, 897, 915], указывает на гораздо большее распространение алкоголизма, чем это изображается в выводах обзоров ОГПУ.

Информация 1923 г. подробно перечисляет воинские части и подразделения, охваченные пьянством, вплоть до ротного уровня (например, кавалерийский эскадрон 11-й стрелковой дивизии), а также подчеркивает сторонний для армии характер происходящего: «высший комсостав 20-й дивизии пьет в ресторанах Петрограда» [34, с. 915], иначе говоря – не на службе. Отчасти это подтверждается материалами по другим регионам. Так, согласно срочному отчету комиссара 6-го артиллерийского полка, накануне праздника 23 февраля три командира напились, смешивая пиво с коньяком, и вызывающе себя вели в клубе «Броневик» г. Орла [9, л. 31]. Однако к концу года признавалось уже «чрезвычайно сильное развитие среди комсостава пьянства» [35, с. 915] как общеармейского явления.

Следующий год внес серьезные коррективы даже в эти представления. Новым стало возникновение «группировок на почве совместного пьянства и совместной службы в старой армии» [35, с. 65, 152]. Почвой для них названы дружеские отношения и сословно-корпоративные связи по офицерскому прошлому и совместный «старорежимный» досуг в форме попок. Весьма показательны при этом ностальгические тосты вроде «Я пью за Казанскую школу прапорщиков!» [29, л. 38 об.].

По 1924 г. имеется уже выборочная статистика случаев пьянства по всей армии, которая демонстрирует устойчивый рост: начало года – «до 200» случаев в месяц, август – 290, сентябрь – 491, ноябрь – «600 с лишним случаев», декабрь – «свыше 700» [35, с. 176, 239; 36, с. 132]. Во 2 квартале 1925 г. их количество выросло до 2359 [36, с. 243]. То есть в среднем на апрель, май и июнь 1925 г. приходилось

786 случаев в месяц, что за восемь месяцев составило увеличение в 2,7 раза, или на 171%. Следует обратить особое внимание, что речь идет не об индивидуальном алкоголизме (который в статистику не попадал), а исключительно о коллективных, организованных попойках. Не стоит исключать и вероятность наличия и не выявленных или сокрытых фактов.

Помимо прямых угроз от пьянства, которые заключались в моральном разложении либо неконтролируемом сплочении комсостава, отмечались и другие, не менее объективные. Во-первых, это падение дисциплины, причем не только самих командиров, но и подчиненных. Во-вторых, грубость или халатность, которые вызывали возмущение красноармейской массы: «пьянство подрывает всякий авторитет комсостава. Во всех частях УкрВО пьянство усиливается, и происходит на глазах красноармейцев, вызывая их сильнейшее возбуждение» [34, с. 81]. В-третьих, пьянство подрывало авторитет командиров Красной Армии среди населения [35, с. 81; 36, с. 169]. В-четвертых, активизировались злоупотребления и преступления служебного, хозяйственного и в целом корыстного характера: азартные игры, подлоги, растраты шефских и казенных денег «на громадные суммы», взятки, хищения, торговля снаряжением, а в приграничной полосе и контрабанда [34, с. 873, 898–899, 915; 35, с. 49, 65, 177; 36, с. 167]. И вызвано это было не только общей материальной необеспеченностью начсостава, но прежде всего изысканием средств для «достойного обеспечения досуга», который отождествлялся в первую очередь с застольем. В-пятых, создавалась потенциальная возможность для вовлечения командиров в шпионаж [34, с. 873].

Борьба с алкогольной опасностью долгое время практически не велась. Только весной 1925 г. в обзорах ОГПУ появились первые единичные упоминания о наказаниях: «Все виновные в этой попойке привлечены к ответственности» [36,

с. 170] – но без уточнения, как именно, к какого рода ответственности (дисциплинарной, партийной и т. п.).

Наиболее нетерпимые факты морально-бытового разложения были чреватые увольнением. Сводных данных по увольнениям начсостава с указанием причин за 1920-е гг. не выявлено – имеются только общие цифры уволенных по годам, и то относятся они к рубежу десятилетий. Поэтому приходится оперировать разрозненными материалами, отложившимися в архивах крайне хаотично. Так, в 1925 г. среди лиц начальствующего состава Московского военного округа от комполка и соответствующих и выше окружной комиссией по пересмотру личного состава был уволен 51 человек, из них за алкоголизм всего двое, в том числе один бывший офицер [26, л. 85–86 об.]. Казалось бы, всего 3,9% увольнений по данному основанию указывает на благополучное положение. Но следует учитывать, что сведения касаются наиболее высокопоставленной и благополучной части начсостава, к тому же столичного, а также они не отражают количество избежавших увольнения.

Судя по региональным документам, работа велась и с командирами запаса. Среди 41 бывшего белого офицера, лишённого звания командира запаса РККА и избирательных прав по Орловскому окружному военкомату ЦЧО в 1929 г., для 13 человек (31,7%) причина была в пьянстве и моральном разложении [10, л. 44–46]. Разумеется, они не состояли на службе, не были связаны дисциплиной и потому стремительно опускались, но как мобилизационный резерв были в удручающем состоянии.

Выявлены сводные данные по общему количеству проступков командного состава в 1927–1929 гг. Статистика охватывала «отчетные» годы, которые не совпадали с календарными. За отчетный 1927/1928 г. «пьянство, хулиганство» стали причинами 3,7% из 36384 нарушений, что дает 1346 случаев; за 1928/1929

г. этих же проступков насчитывалось 3,3% от 35506 [24, л. 11 об.], то есть всего 1172. Причины, как видим, объединены по две, и выделить их порознь невозможно. В то же время это указывает на равнозначно негативное отношение к пьянству и хулиганству как к часто взаимосвязанным фактам.

С одной стороны, эти цифры указывают на серьезное сокращение пьянства: если раньше имело место до 700 пьянок ежемесячно, то теперь речь шла о менее чем полутора тысячах случаев за год, и имелось их снижение. Однако одновременно наблюдалось обострение аморальности и грубости проявлений. Вопиющим, но не единичным примером может служить бывший подпоручик Э.Я. Дервоед, характеризованный в январе 1933 г. так: «морально разложившийся элемент. Систематически пьянствует, завлекая своих подчиненных. Устраивает пьяные оргии в обществе проституток. Использовал свое положение, склоняя к сожительству жен красноармейцев» [27, л. 47]. Данный пример трудно связать с «угнетенным» положением бывшего офицера в РККА: кавалер ордена Красного Знамени с 1919 г., он прошел все чистки и благополучно продолжал службу и в 1930-е гг., причем никаких обвинений в политической неблагонадежности в тот момент не выдвигалось. Однако то, что Дервоед в 1938 г. был приговорен к расстрелу [20], указывает на тесную связь «аполитичного» беспутства с возможностью быть втянутым в репрессии, ибо фигурирует он как «жертва политического террора».

В июне 1929 г. доклад РВС СССР «Состояние и перспективы строительства Вооруженных Сил СССР», направленный в Политбюро ЦК ВКП(б), констатировал распространение среди начсостава «бытового загнивания (пьянство офицерского пошиба, разврат), упадочнических настроений (самоубийства на почве «есенищины»), смыкания с классово чуж-

дыми элементами (женитьба на лишенках, связь с нэпманами и кулаками) [13, с. 196]. При этом никаких конкретных данных по количеству перечисленных случаев вновь не приводилось. Единственная развернутая информация давалась по суицидам, которые с середины 1920-х гг. оценивались еще М.В. Фрунзе как форменная «эпидемия» в Красной Армии.

Действительно, статистика причин суицидов может быть оригинальным, но достаточно представительным срезом морально-нравственного облика начсостава Красной Армии в конце 1920-х гг. Будучи крайностью, самоубийства наиболее остро и отчетливо выявляли самые неблагоприятные проблемы социального и нравственно-бытового состояния и рассматривались как чрезвычайное происшествие исключительного порядка, поэтому расследовались и анализировались предельно внимательно. Поэтому в архивных документах это отражено достаточно объективно. Скрупулезная и подробная градация причин самоубийств является, по сути, перечнем наиболее серьезных и распространенных повседневных и особенно внеслужебных проблем начсостава.

В 1927–1930 гг. причины морально-бытового характера выстраивались следующим образом в порядке убывания: «нервные болезни и наркотики» (рост с 12,4% до 15,5%), «разлад в семье» (снижение с 11,2% до 9,3%), «романтические (любовь, ревность)» (снижение с 8,2% до 7,8%), «физические» болезни (рост с 3,8% до 5,8%), «моральное разложение» (рост с 3,5% до 5,3%), «разочарование в жизни» (рост с 4,6% до 5,1%), венерические болезни (снижение с 4,8% до 3,6%), «алкоголизм и наследственность» (рост с 2,9% до 3,2%) [Подсчитано по: 24, л. 44–46; 25, л. 31–31 об.]. Характерно, что понятие «моральное разложение» аналитики ГУ РККА расшифровывали крайне узко, как «беспорядочно запутанная семейная жизнь (двоеженство, алименты, связь с несколькими женщинами)» – и

сюда же относили «русскую рулетку» [24, л. 50 об. – 51 об.]. Необходимо также подчеркнуть, что в обзорах ОГПУ полностью отсутствовали психические отклонения и наркомания, тогда как среди причин суицидов они почти в пять раз опережали алкогольные. Подробному исследованию суицидов начсостава РККА посвящена специальная публикация [1].

В 1928–1929 г. была подготовлена нормативная база для решительного оздоровления начальствующего состава. Принятое 27 июня 1928 г. Постановление РВС СССР указывало, что, несмотря на все принимаемые меры, на первом месте в своеобразном антирейтинге «отдельные случаи безобразного пьянства при общем росте явления» [14, с. 225]. На основании него появилось Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 октября 1928 г. «О политико-моральном состоянии Красной Армии» [5, с. 248], которое фактически узаконило жесткий курс на оздоровление армии.

Приказ РВС СССР № 225–1928 г. установил и систематизировал все основания для увольнения из армии. Все случаи внеслужебного нравственного и бытового разложения признавались «несоответствием службе» и регулировались статьей 679: «По несоответствию увольняются лица начальствующего состава, признанные подлежащими увольнению по моральным и политическим причинам» [23, л. 50]. Более того, «аморалка» уравнивалась с политической неблагонадежностью, что означало признание ее первоочередной опасности и важности очищения армии. Одновременно устанавливалось, что любое увольнение по этим основаниям «производится каждый раз по особому распоряжению Наркомвоенмора» [23, л. 50], то есть эти деликатные решения переводились не просто в ведение центрального аппарата военного ведомства, но брались на личный контроль наркома. С одной стороны, это указывало на глубину проблемы, которую фактически переводили в ручной режим решения;

с другой же – серьезно повышалась объективность увольнений, которые освобождались от возможных местных злоупотреблений.

Только в начале 1930-х гг. ситуация с морально-бытовым разложением была заметно улучшена. В результате работы Комиссии по рассмотрению начальствующего состава (так называемой «комиссии Фельдмана») в октябре 1932 – апреле 1933 гг. было уволено 597 человек (из них 12 бывших офицеров и 14 бывших белых офицеров), в том числе за пьянство 45 человек и за «половую распущенность и извращения» трое [Подсчитано по: Подсчитано по: 27, л. 8–88; 28, л. 52–132 об.]. Это составило 8,0% по всей РККА, что можно расценить как зачистку последних неисправимых. (Разумеется, факты морально-бытового разложения имели место и в дальнейшем, однако в условиях жесткого и непримиримого противодействия им были незначительными.) Подтверждением служит изданный в октябре 1933 г. приказ начальника Политуправления РККА Я.Б. Гамарника о безусловном увольнении из армии исключенных из партии «при чистке армейских организаций» морально разложившихся наравне с «классово-чуждыми, скрывшими свою службу в белой армии, двурушниками, перерожденцами, карьеристами, шкурниками и сознательно срывающими боевую подготовку и дисциплину» [30, л. 18]. Уравнивание любого морального разложения, вредящего службе, с контрреволюционными проявлениями ознаменовало окончательное ужесточение борьбы с ними. Несколько мягче было требование в отношении бытовых проступков и апатичности – вопрос увольнения или сохранения следовало решать индивидуально, в зависимости от ценности каждого. Приказ Гамарника в равной степени касался и беспартийного начсостава, так как исключенные из ВКП(б) приравнивались к нему.

Заключение (выводы). Изначально социально разнородный, социально маргинализированный и охваченный поствоенным психологическим травматизмом начальствующий состав РККА в начале 1920-х гг. отличался невысоким морально-бытовым уровнем и, соответственно, не мог обеспечить полноценное развитие вооруженных сил. Первое межвоенное десятилетие стало временем изживания негативным факторов, которое начиналось с выявления проблем и поиска путей их решения.

С одной стороны, усталость от Первой Мировой и Гражданской войн и материальные проблемы мирного времени усугубляли такие традиционные негативные черты офицерской гарнизонной повседневности начала XX в., как пассивное отношение к обязанностям, бытовая примитивность, алкоголизм, половая распущенность, и т.д. Их преодоление достигалось долго и трудно и сочетало как воспитательную работу, так и жесткую очистку армии от неисправимого элемента. С другой стороны, сокращение представительства бывших офицеров в начальствующем составе серьезного эффекта не давало, так как курсанты и краскомы на эмоционально-подражательном уровне нередко были склонны усваивать староофицерские традиции, как достойные, так и девиантные.

Таким образом, 1920-е гг. стали не только временем интенсивного военного строительства и реформирования, но и началом серьезного морального оздоровления РККА. Вышедшая из Гражданской войны в полупартизанском и слабо дисциплинированном состоянии, Красная Армия в ходе широких демобилизаций и чисток начала превращение в образцовую армию мирного времени. Важнейшую роль в этом играл начальствующий состав, морально-бытовой облик которого требовал дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Абинякин Р.М. Девиации облика начальствующего состава РККА во второй половине 1920-х гг. // Вестник Брянского государственного университета: исторические науки. 2024. № 2 (60). С. 7–15.
2. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.
3. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 967 с.
4. Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных: Дневники / Сост. М. Грин, предисл. Ю. Мальцева. В 3 т. Т. 1. М., 2004. 303 с.
5. Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. 270 с.
6. Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022.
7. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М.: Русский путь, 2013. 880 с.
8. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2017. 680 с.
9. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П–1542. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАОО. Ф. Р–3. Оп. 2. Д. 50.
11. Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг.: Монография. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2010. 400 с.
12. Доклад Бюро ячеек Военной Академии. 18 февраля 1924 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 92–96.
13. Доклад РВС СССР. [Не позднее 27 июня 1929 г.] // Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 175–226.
14. Из постановления РВС СССР «О политико-моральном состоянии Красной Армии. 27 июня 1928 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 2. М.: Летний сад, 2006. С. 223–231.
15. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 736 с.
16. Кочепасова Т.Ю. Психоневрозы войны в начале 1920-х годов. // Военно-историческая антропология. 2003/2004: Новые научные направления. / Ред.-сост. Е.С. Сеньявская. М.: РОССПЭН, 2005. С. 399–410.
17. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М.: Русское слово, 2004. 504 с.
18. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. 560 с.
19. Обращение группы командиров Красной Армии к XII съезду РКП(б). 15 апреля 1923 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. С. 39.
20. Офицеры русской императорской армии. База данных. // https://www.ria1914.info/index.php/Дервоед_Эдмунд_Яковлевич. Дата обращения: 19.08.2024 г.
21. Рожков А.Ю. «Казарма хуже тюрьмы». Жизненный мир красноармейца 1920-х годов. // Военно-историческая антропология. 2005/2006: Новые научные направления. / Ред.-сост. Е.С. Сеньявская. М.: РОССПЭН, 2006. С. 257–284.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 69. Оп. 1. Д. 74.

23. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 15 «а». Д. 252.
24. РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 65.
25. РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 69.
26. РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 241.
27. РГВА. Ф. 37837. Оп. 10. Д. 12.
28. РГВА. Ф. 37837. Оп. 10. Д. 14.
29. РГВА. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 4.
30. РГВА. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 21.
31. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.
32. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 226 с.
33. Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 1. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2001. 500 с.
34. Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 1. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2001. 630 с.
35. Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. 510 с.
36. Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 3. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2002. 495 с.
37. Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 3. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. 966 с.
38. Справка заместителя Председателя РВС СССР М.В. Фрунзе о состоянии Красной Армии. 2 августа 1924 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 117–122.
39. Тезисы доклада начальника снабжений РККА и РККФ о бюджете НКВМ СССР в 1924/1925 бюджетном году. 2 ноября 1924 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1. М.: Летний сад, 2006. С. 253–258.
40. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы: Монография. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.
41. Тяжелникова В.С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов. // Военно-историческая антропология. 2002: Новые научные направления. / Ред.-сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. С. 291–305.

THE APPEARANCE OF THE COMMANDING STAFF OF THE RED ARMY IN THE 1920S AND EARLY 1930S.

The article examines the features of the moral and everyday appearance and everyday life of the Red Army commanders in the 1920s and early 1930s as a manifestation of the deformation of the old and the formation of a new society in general and the formation of its military-corporate structure in particular. This problem is one of the characteristic and poorly studied indicators of the social and moral characteristics and moods of the commanders and other commanding officers of the Red Army, primarily from among the former officers of the old army, in the context of military psychological trauma, radical social transformations, political struggle, new economic policy and its consequences in the context of the «military reform of the USSR» 1920-the 1980s

The causes, motives, and specifics of their official, financial, everyday, and emotional state have been identified, systematized, and analyzed. The official and off-duty psychological microclimate in the period under study was characterized by serious lability and deformations, negatively affecting both the internal situation in the army and the overall socio-political well-being. Overcoming this became one of the main tasks of the military-organizational transformations of those years and was under the priority control of the country's top leadership. The bulk of the sources used are represented by official documents, some of which are in archival storage and are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Red Army, commanding staff, former officers, moral character, everyday life, military reform of the 1920s.

References

1. Abinyakin R.M. Deviacii oblika nachal'stvuyushchego sostava RKKA vo vtoroj polovine 1920-kh gg. [Deviations in the appearance of the commanding staff of the Red Army in the second half of the 1920s.] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta: istoricheskie nauki*. 2024. № 2 (60). S. 7–15.
2. Buldakov V.P. (1997) *Krasnaya Smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya*. [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence.] M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN), 1997. 376 s.
3. Buldakov V.P. (2010) *Krasnaya Smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya*. [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence.] M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN), 2010. 967 s.
4. Bunin I.A., Bunina V.N. (2004) *Ustami Buninykh: Dnevnik*. [Through the mouth of the Bunins: Diaries.] / Sost. M. Grin, predisl. YU. Mal'ceva. V 3 t. T. 1. M., 2004. 303 s.
5. *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody*. (2007) [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M.: Arkhiv Prezidenta Rossijskoj Federacii, 2007. 270 s.
6. Ganin A.V. (2022) *Voenspecy. Ocherki o byvshih oficerah, stoyavshih u istokov Krasnoj armii* [Military experts. Essays on former officers who stood at the origins of the Red Army]. M.: Kuchkovo pole, 2022. 768 s.
7. Ganin A.V. (2013) «Mozg armii» v period «Russkoj Smuty». [The «brain of the army» during the «Russian Troubles»]. M.: Russkij put', 2013. 880 s.
8. Ganin A.V. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [The daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. 2-e izd., ispr. M.: Kuchkovo pole, 2017. 680 s.
9. Gosudarstvennyj arkhiv Orlovskoj oblasti (GAOO) [The State Archive of the Orel region]. F. P–1542. Op. 1. D. 1.
10. GAOO. F. R–3. Op. 2. D. 50.
11. Grebenkin I.N. (2010) *Russkij oficer v gody mirovoj vojny i revolyucii: 1914-1918 gg.: Monografiya*. [A Russian officer during the World War and the Revolution: 1914-1918.] Ryazan': Ryazanskij gos. un-t, 2010. 400 s.
12. Doklad Byuro yacheek Voennoj Akademii. 18 fevralya 1924 g. (2007) [Report of the Bureau of Cells of the Military Academy. February 18, 1924] // *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody*. [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M., 2007. S. 92–96.
13. Doklad RVS SSSR. (2007) [Ne pozdnee 27 iyunya 1929 g.] [The report of the RVS of the USSR. No later than June 27, 1929] // *Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody* [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M.: Arkhiv Prezidenta Rossijskoj Federacii, 2007. S. 175–226.
14. *Iz postanovleniya RVS SSSR «O politiko-moral'nom sostoyanii Krasnoj Armii»*. (2006) 27 iyunya 1928 g. [From the decree of the RVS of the USSR «On the political and

moral state of the Red Army». June 27, 1928] // *Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg.* [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 2. M.: Letnij sad, 2006. S. 223–231.

15. Kaminskij V.V. (2011) *Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii.* [Graduates of the Nikolai's Academy of the General Staff in the service of the Red Army.] SPb.: Aletejya, 2011. 736 s.

16. Kochepasova T.YU. (2005) *Psikhonevrozy vojny v nachale 1920-kh godov.* [Психоневрозы войны в начале 1920-х годов.] // *Voенно-istoricheskaya antropologiya. 2003/2004: Novye nauchnye napravleniya.* / Red.-sost. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2005. S. 399–410.

17. Minakov S.T. (2004) *Voennaya elita 20–30-h godov XX veka* [The military elite of the 20–30s of the twentieth century]. M.: Russkoe slovo, 2004. 504 s.

18. Minakov S.T. (2000) *Sovetskaya voennaya elita 20-kh godov (Sostav, ehvolyuciya, sociokul'turnye osobennosti i politicheskaya rol').* [The Soviet military elite of the 1920s (Composition, evolution, socio-cultural characteristics and political role)] Orel, 2000. 560 s.

19. *Obrashchenie gruppy komandirov Krasnoj Armii k XII s'ezdu RKP(b).* 15 aprelya 1923 g. [Address of a group of Red Army commanders to the XII Congress of the Russian Communist Party(b). April 15, 1923] // *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody.* [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M.: Arkhiv Prezidenta Rossijskoj Federacii, 2007. S. 39.

20. *Oficery russkoj imperatorskoj armii. Baza dannykh.* [Officers of the Russian Imperial Army. The database.] // https://www.ria1914.info/index.php/Derved_Ehdmund_Yakovlevich. Data obrashcheniya: 19.08.2024 g.

21. Rozhkov A.YU. (2005) «Kazarma khuzhe tyur'my». *Zhiznennyj mir krasnoarmejca 1920-kh godov.* [«A barracks is worse than a prison.» The life world of a Red Army soldier of the 1920s.] // *Voенно-istoricheskaya antropologiya. 2005/2006: Novye nauchnye napravleniya.* / Red.-sost. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2006. S. 257–284.

22. Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 69. Op. 1. D. 74.

23. Rossijskij gosudarstvennyj voенnyj arhiv (RGVA) [The Russian State Military Archive]. F. 4. Op. 15 «A». D. 252.

24. RGVA. F. 54. Op. 17. D. 241.

25. RGVA. F. 54. Op. 4. D. 65.

26. RGVA. F. 54. Op. 4. D. 69.

27. RGVA. F. 37837. Op. 10. D. 12.

28. RGVA. F. 37837. Op. 10. D. 14.

29. RGVA. F. 37837. Op. 21. D. 4.

30. RGVA. F. 37837. Op. 21. D. 21.

31. Senyavskaya E.S. *Psikhologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii.* [Psychology of War in the 20th century: the historical experience of Russia] M.: ROSSPEHN, 1999. 382 s.

32. Senyavskaya E.S. *Chelovek na vojne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki.* [A man at war. Historical and psychological essays] M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1997. 226 s.

33. *Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* (2001) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Sakharova i dr. Sost. N.M. Peremyslennikova, A.I. Shishkin i dr. V 10 t. T. 1. CH. 10. M.: IRI RAN, 2001. 500 s.

34. *Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*

(2001) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Sakharova i dr. Sost. N.M. Peremyshlennikova, A.I. SHishkin i dr. V 10 t. T. 1. CH. 2. M.: IRI RAN, 2001. 630 s.

35. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) (2001) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Saharova i dr. Sost. N.M. Peremyshlennikova, A.I. SHishkin i dr. V 10 t. T. 2. M.: IRI RAN, 2001. 516 s.

36. Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) (2002) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Sakharova i dr. Sost. N.M. Peremyshlennikova, A.I. SHishkin i dr. V 10 t. T. 3. CH. 1. M.: IRI RAN, 2002. 495 s.

37. Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) (2002) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Sakharova i dr. Sost. N.M. Peremyshlennikova, A.I. SHishkin i dr. V 10 t. T. 3. CH. 2. M.: IRI RAN, 2002. 966 s.

38. Spravka zamestitelya Predsedatelya RVS SSSR M.V. Frunze o sostoyanii Krasnoj Armii. 2 avgusta 1924 g. [Reference of the Deputy Chairman of the USSR Strategic Missile Forces, M.V. Frunze, on the state of the Red Army. August 2, 1924] // Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody. [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M., 2007. S. 117–122.

39. Tezisy doklada nachal'nika snabzhenij RKKA i RKKF o byudzhete NKVM SSSR v 1924/1925 byudzhetnom godu. (2006) 2 noyabrya 1924 g. [Abstracts of the report of the Chief of Supplies of the Red Army and the Red Fleet on the budget of the NKVM of the USSR in the 1924/1925 budget year. November 2, 1924] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 1. S. 253–258.

40. Tinchenko YA.YU. (2000) Golgofa russkogo oficerstva v SSSR. 1930–1931 gody: Monografiya [Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931]. M.: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2000. 496 s.

41. Tyazhel'nikova V.S. «Voennyj sindrom» v povedenii kommunistov 1920-kh godov. [The «war syndrome» in the behavior of the Communists of the 1920s] // Voenno-istoricheskaya antropologiya. 2002: Novye nauchnye napravleniya. / Red.-sost. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2002. S. 291–305.

Об авторе

Абинякин Роман Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

Abinyakin Roman Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University (Russia). E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

УДК 94:792(497.2)

Вартаньян Э.Г., доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (Россия)

ВКЛАД ДОБРИ ВОЙНИКОВА В ДЕЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ

В статье рассматривается деятельность известного болгарского педагога, драматурга, публициста, режиссера, композитора, театрального деятеля Добри Войникова (1833–1878). Цель статьи – показать вклад Д. Войникова в дело Болгарского национального возрождения. Подчеркивается, что в своей педагогической деятельности Д. Войников делал все для формирования у учащихся чувства патриотизма, достоинства, гордости за свою родину, любви к родной истории и культуре, составил учебники по болгарской истории и грамматике, ввел эти дисциплины в учебный процесс, организовывал литературно-музыкальные программы для школьников, писал пьесы. Показано, что главным принципом деятельности Д. Войникова было распространение основной идеи европейского гуманизма – свободы во всех её формах: личной, религиозной, социальной и политической. Д. Войников издавал газету «Дунавска Зора», проявив себя как публицист, у которого будущий национальный герой Болгарии Христо Ботев получал первые уроки журналистики. Рассматривается общественная, театральная деятельность Д. Войникова, его литературное творчество: как писатель он поднимал вопросы политической эмансипации народа, признавал, что язык, общее историческое прошлое и религиозная принадлежность являются главными отличительными чертами нации. Делается вывод о том, что с развитием просвещения и появлением народного театра болгарское население все более охватывало чувство национальной гордости, стремление к независимости, а объединяющим принципом многогранной деятельности Д. Войникова являлось убеждение в том, что главной предпосылкой достижения политической свободы является развитие образования и национального самосознания. Отмечается, что вся его деятельность носила национально-просветительский характер. В статье использованы принципы историзма и объективности, а также историко-хронологический, историко-типологический, историко-системный методы исторического анализа.

Ключевые слова: Войников, возрождение, писатель, педагог, драматург, дирижер, композитор, создатель болгарского театра.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-23-31

Введение. Статья посвящена известному болгарскому писателю, педагогу, драматургу, публицисту, дирижеру, композитору, создателю болгарского национального театра Добри Войникову (1833–1878). Автор подходит к изучению личности Добри Войникова как к деятелю Болгарского национального возрождения, обогатившего эпоху историческими, публицистическими, педагогическими трудами, воспитавшему в болгарском народе чувство национальной гордости, способствовавшему формированию национального самосознания, внесшему вклад в развитие театра и драматургии, получившему неофициальный титул «Отца» болгарского национального театра.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования является деятельность Добри Войникова в контексте идей Национального возрождения Болгарии. Эмпирической базой работы являются труды Добри Войникова [8, 9], «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского [13] и т. д. Научной основой исследования являются статьи болгарских авторов о Добри Войникове – Н. Пътовой, Е. Налбантовой, С. Чилингарова, Ц. Минкова, а также отечественных авторов М. Г. Смольяниновой, М. Т. Терзиевой, И.В. Федосова. Следует отметить, что комплексные исследования по деятельности Добри Войникова в научной исторической литературе отсутствуют. О

Добри Войникове в основном написано в контексте его театральной деятельности. Автор же данной статьи задается целью показать многогранность творчества Д. Войникова и тем самым его вклад в дело Болгарского национального возрождения.

Статья основана на принципах историзма и объективности, а также историко-хронологическом, историко-типологическом, историко-системном методах исторического анализа.

Добри Войников родился в Шумене, одном из процветающих болгарских городов периода Национального возрождения, в семье священника. Отец его имел хорошие музыкальные способности, пел в церковном хоре, играл на народных инструментах. Сын унаследовал этот дар от отца, освоив кроме народных инструментов и классические – флейту и скрипку.

Рано потеряв отца, Добри остался на попечении матери, получил начальное образование в шуменском училище у выдающихся педагогов Болгарского национального возрождения – писателей и поэтов Стефана Изворского, Савы Филаретова, драматурга Савы Доброплодни, редактора первой болгарской газеты Ивана Богорова.

Большое влияние на жизнь Д. Войникова оказали польские и венгерские революционные эмигранты в Шумене, среди которых были Лайош Кошут, генералы Юзеф Бем, Генрик Дембинский и другие, вынужденные покинуть родину из-за преследований властей [16, с. 117]. В Шумене эмигранты прожили всего год (с сентября 1849 по сентябрь 1850 г.), но их пребывание оказало большое влияние на политическую и культурную жизнь города, они привнесли в городскую жизнь европейские обычаи и менталитет. В Шумене преобладало турецкое население. Свободолюбие, смелость эмигрантов, особенно в отношениях с турками без оглядки на их служебное и материальное положение, восхищало шуменцев. Эми-

гранты одевались в европейские костюмы, принимали гостей, проводили литературно-музыкальные вечера, балы, на которых танцевали польские мазурки и венгерский чардаш. Организатором этих мероприятий был венгерский эмигрант Михай Шафран, который создал в городе первый музыкальный оркестр и обучал музыкальной грамоте местное население [16, с. 117]. Среди болгарских учащихся музыкальной грамоте у М. Шафрана учились Добри Войников и в будущем известный болгарский писатель Васил Друмев. М. Шафран научил Добри игре на скрипке и с 1851 г. он участвовал в организованном М. Шафраном оркестре в качестве скрипача, играл также на флейте, гитаре и фортепиано. Осенью 1856 г. в Шумене состоялась первая театральная постановка в Болгарии – комедия Савы Доброплодного «Михал» [12].

Добри Войников понимал необходимость получения высшего образования для своей дальнейшей деятельности. В 1856 г. преподаватель по училищу Андрей Стоянов помог ему поступить во французский католический колледж «Святой Бенуа» в Константинополе. Это было учебное заведение, обеспечивавшее систематическое гуманитарное образование и воспитавшее нескольких реформаторов болгарского образования. Д. Войников проучился в колледже около трех лет. За время обучения укрепились его творческие интересы, а культурная и интеллектуальная среда позволила ему развить умения и навыки, заложенные в Шумене. Знакомство с французской культурой, в частности, с литературой, драматургией, музыкой воспитало в нем благородство характера, любовь к прекрасному и возвышенному, а также преданность идеям демократии и гуманизма. В колледже он приобрел известность как хороший музыкант и основатель первого ученического оркестра. Однако после смерти А. Стоянова в 1858 г. Добри вынужден был поки-

нуть колледж (по финансовым соображениям), не завершив обучения [16, с. 118].

В Константинополе Д. Войников имел возможность наблюдать за активизацией борьбы за церковную независимость Болгарии и внимательно следил за деятельностью её лидеров. Турецкая столица предоставила ему богатый социальный опыт, который впоследствии он использовал как общественный деятель.

Вернувшись в 1858 г. в Шумен Добри был назначен учителем Преславско-Шуменской прогимназии, а в 1859 г. – директором. Первым делом он переименовал прогимназию в Шуменское народное училище. В родном городе он учительствовал с 1858 по 1864 г., занимался общественной деятельностью, направленной, в частности, на независимость болгарской церкви.

Д. Войников ввел в учебную программу новые предметы: «История Болгарии», «Словесность», «Музыкальное пение», составил учебники по болгарской грамматике, истории, подготовил хрестоматию по этим дисциплинам, считал, что учащиеся должны знать историю своего народа. Деятельность Д. Войникова в этом направлении была поддержана болгарской интеллигенцией. В 1859 г. он сформировал школьный хор, руководил оркестром и давал частные уроки игры на скрипке, флейте и гитаре. В 1861 г. Д. Войников написал популярный учебник «Краткая болгарская история», опубликованная в Вене [8]. В том же году он сменил Михая Шафрана на посту дирижера оркестра. На период школьных каникул Д. Войников составлял литературно-музыкальные программы. Для этого он написал популярные «Беседы», которые по жанру были близки к диалогам. В 1862 г. ежегодная церемония в Шуменском училище, помимо ставших традицией «Бесед», включала также постановку пьесы – Д. Войников переработал и поставил комедию Мольера «Мнимый боль-

ной». В следующем году Д. Войников организовал внеклассное представление с сюжетом, построенном на «Беседах» [14].

Но не всем нравилась деятельность Добри Войникова на посту директора Шуменского народного училища. Первыми выступили против него влиятельные чорбаджии (зажиточные социальные слои, нередко связанные с османской администрацией), которые ставили под сомнение способности болгар к педагогической и научной деятельности и предпочитали для своих детей иностранных учителей. Кроме того, им не нравилось то, что Д. Войников руководит оркестром, критикует греческое духовенство (фанариотов) в их стремлении духовно поработить болгарский народ и т. д. [2]. Так, греческий владыка Вениамин в 1861 г. продал имущество и покинул свою епархию [16, с. 120–121]. Д. Войников также боролся с суевериями и невежеством болгар.

Главным принципом многогранной деятельности Д. Войникова было распространение основной идеи европейского гуманизма – идеи свободы во всех её формах: личной, религиозной, социальной и политической. Он прививал своим ученикам чувство достоинства, растил их свободомыслящими личностями. В марте 1864 г. Д. Войников был уволен с поста директора училища и уехал в румынский город Браилу, а позже, с 1871 по 1873 гг. проживал в г. Гюргево (административный центр румынского округа Джурджу) [5, с. 407].

Браила был одним из культурных центров периода Болгарского национального возрождения. В Румынии Д. Войников попал в благоприятную общественно-политическую и культурную среду, стал там директором болгарской школы, продолжал прививать учащимся любовь к родной истории, литературе, культуре. Болгарская колония в Браиле составляла около 1000 семей, среди которых учащихся было 80 человек [15, с. 122]. В Браиле Д. Войников, Васил Друмев и Тодор

Пеев (в будущем видные деятели Болгарского национального возрождения) сформировали облик болгарской школы.

В болгарском общинном центре было создано несколько культурных обществ, выпускалось значительное количество книг на болгарском языке. В 1867–1878 гг. Д. Войников издавал газету «Дунавска Зора», проявив себя как публицист, у которого будущий национальный герой Болгарии Христо Ботев получал первые уроки журналистики [12]. В 1865 г. Д. Войников организовал в Браиле первую любительскую театральную труппу с оркестром [10, с. 138–150]. В 1869 г. Д. Войников опубликовал антологию французской литературы, в том же году участвовал в основании Болгарского литературного общества, преемником которого стала в 1911 г. Болгарская академия наук.

Любовь к театру все более охватывала его, он понимал, что театр является мощным орудием пробуждения народа. В этом смысле ни в Турции, ни в других Балканских странах театру не уделяли должного внимания. Имя Д. Войникова чаще всего ассоциируется с его деятельностью как создателя болгарского театра и первого болгарского драматурга. Открыв в юности очарование театра, магию сцены, на которой оживают тени прошлого и неожиданно обретают смысл конфликты настоящего, Д. Войников поставил перед собой задачу создания национального репертуара для болгарской публики. Он понимал, что нужно ставить на сцене спектакли на историко-патриотические темы и тем самым формировать среди болгар чувства патриотизма, национального самосознания, любви к родине, что его современнику прежде всего нужна собственная национальная литература, которая с помощью искусства помогла бы открыть истины и задачи новой эпохи. Д. Войников понял необходимость новой формы национального воспитания. Параллельно с историей он также использовал театр как средство патриотической

пропаганды. Именно поэтому он обратился не к переводу выдающихся произведений европейского театра, а к созданию болгарских пьес, несмотря на риски, связанные с отсутствием отечественной драматической традиции [9]. Д. Войников считал, что театр выполняет следующие главные задачи: 1) пробуждение самосознания соотечественников; 2) благотворительные цели; 3) выявление способной и талантливой болгарской молодежи.

Д. Войников сам писал пьесы и музыку к ним. Первое представление болгарской театральной труппы Браилы состоялось 29 января 1866 г. постановкой драмы «Стоян-Воевода», которая была принята публикой с большим успехом. Средства от театральных представлений в основном направлялись на благотворительные цели (в помощь нуждающимся, бедствующим, сиротам и т. д.). В частности, вырученные от первого спектакля средства были переданы болгарскому училищу Браилы. 10 апреля 1866 г. была поставлена драма «Княгиня Райна», средства от постановки которой были переданы голодающему населению Молдавии. 17 апреля 1966 г. драма «Княгиня Райна» была поставлена в большом театре Бухареста, на спектакле присутствовал румынский король Кароль I, который был восхищен игрой актеров и подарил театру 250 лей [16, с. 123]. В антрактах спектаклей исполнялись музыкальные произведения по мотивам болгарской истории, композиции на чешские темы и т.д.

Д. Войников утвердил жанр исторической пьесы в болгарской драматургии. Помимо драм «Стоян-воевода» и «Княгиня Райна», он написал пьесы «Крещение Преславского двора» (1868), «Велислава, болгарская княгиня» (1870), «Восшествие на престол Крума Грозного» (1871), «Десислава» (1874), которые обращали зрителей к важнейшим периодам истории Болгарии [4, с. 253].

С появлением театра болгарское население все более охватывало чувство

национальной гордости, стремление к национальной независимости. Национальное самосознание искало прочную опору в формирующейся исторической памяти народа. Интерес к собственному прошлому пробуждался уже сложившейся историографической традицией в болгарском обществе, начатой Паисием Хилендарским в «Истории славяноболгарской» [13]. Деятели Болгарского национального возрождения, жившие после отца Паисия, повторяли в своих работах необходимые факторы формирования и развития народа, а позже – нации: прочно укоренившаяся общая территория, язык, религия и государство. Историография обеспечивала устойчивую историческую память о прошлом народа [1]. А историческая драматургия – это художественная историография, которая приводит народ к естественному выводу о том, что, поскольку Болгария когда-то была независимым государством, она имеет историческое право снова им стать. Историческая драма, разыгрываемая на сцене, развлекает зрителя, но также побуждает его взглянуть на себя за пределами зала так же, как он видел себя в художественном мире прошлого. Драмы на историческую тематику способствовали формированию художественных представлений о болгарцах как нации и помогали укрепить идею об их уникальности, отличии от других народов. Д. Войников считал, что необходимо прививать основные гражданские и национальные добродетели, культивировать болгарский менталитет в городской среде. Именно поэтому для национально-нравственного воздействия утвердилась драматическая форма [11, с. 48].

Как общественный деятель и писатель Д. Войников поднимал вопросы политической эмансипации своего народа. Следуя учению П. Хилендарского, он признавал, что язык, общее историческое прошлое и религиозная принадлежность являются главными отличительными чер-

тами нации. При этом он понимал, что реформы танзимата (1839–1876) в Османской империи, ставили под угрозу сохранение национальной идентичности контексте создания смешанных с турецкими школ и создания единой османской нации [6, с. 48]. Поэтому Д. Войников был одним из ярких противников этой реформы. На страницах «Дунавской зоры» он объяснял своим читателям эту опасность.

Чешский историк Мирослав Грох выделяет три фазы в развитии национального самосознания народа. Первую М. Грох называет «периодом научного интереса», когда так называемая элита обретает национальное самосознание для себя и для своего народа. Если соотносить эти фазы с историей Болгарии эпохи Национального возрождения, то это период с конца XVIII до первых десятилетий XIX в. Вторая фаза по М. Гроху – «патриотической агитации» («активизации национального самосознания») – в истории Болгарии охватывает первые десятилетия XIX в. – 1850-е гг. Последняя фаза – «период наступления массового националистического движения», в котором уже можно говорить о массовом характере национального самосознания – в Болгарии это 1850-е – 1870-е гг. (вплоть до Освобождения в 1878 г.) [17, с. 64–65].

Исследователь Д. Ангелов отмечает, что национальное самосознание формируется в двух основных направлениях: 1) через самопознание; 2) через дифференциацию от других сообществ [7, с. 7–18]. Через богатую галерею драматических персонажей Д. Войников предоставляет народу возможность познакомиться с болгарскими национальными особенностями, а также распознать и оценить Другого. Необходимость построения собственной идентичности влечет за собой неизбежное присутствие инаковости на «сцене». С другой стороны, героизированные персонажи драматургии Д. Войникова находятся где-то между характе-

ристиками мифологизированного и национального героя. В действительности герои имеют свои символические функции, хотя сами по себе не становятся явными символами. Вне контекста они воспринимаются как образцы добродетелей группы, носители «национального духа», их личные качества интерпретируются как национальные особенности. Они сами и ситуации, в которые они попадают, являются поучительным примером, который, если и не достоин подражания, то, по крайней мере, должен внушать уважение или служить уроком. Не случайно историк Д. Войников помогал драматургу Д. Войникову в выборе тем и сюжетов из болгарского прошлого. Д. Войников создал серию исторических драм, в которых воскресил былое величие и славу Болгарии, вывел на сцену болгарских царей, «излучающих, – по выражению В. Стефанова, – уверенность и силу» [15, с. 128].

Д. Войников был автором и режиссером не только исторических, но и сатирических пьес. Самая известная из них – «Непонятая цивилизация» («Криворазбраната цивилизация») [9], опубликованная автором в 1871 г. в Бухаресте и считавшаяся лучшей болгарской комедией до начала XX в. Это сатирическая пьеса с фольклорными мотивами в пяти актах высмеивала восприятие болгарами зарубежных веяний. Благодаря актуальности затрагиваемых тем, она продолжает ставиться на болгарской сцене и сегодня.

Д. Войников был одним из пионеров современной болгарской музыки – играл в оркестре, организовывал хоровое пение, создавал студенческие инструментальные коллективы. Он был первым болгарским дирижером и композитором, написал ряд музыкальных произведений, в которые вплетал фольклорные мотивы.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Д. Войников был управляющим детского дома в Тырново. Он дожил до освобождения Болгарии от турецкого

ига 3 марта 1878 г. (Сан-Стефанский мирный договор [3]). Умер от тифа 27 марта 1878 г. в возрасте 45 лет.

Результаты и их обсуждение.

Можно констатировать, что Д. Войников сыграл огромную роль в культурно-историческом, духовном и эстетическом развитии болгарского народа и внес тем самым большой вклад в дело Национального возрождения Болгарии. Дидактизм – основная черта его характера как человека, занимавшегося всю жизнь педагогической деятельностью. Д. Войников стремился максимально просвещать всеми возможными средствами учащихся и народ в целом.

Д. Войников, несомненно, внес значительный вклад в патриотическое воспитание болгарского народа, в формирование его театральной культуры, в пробуждение интереса к родной истории, не случайно его называют «Отцом» болгарского национального театра. Хотя, болгарский исследователь Николетта Пьтова считает, что это не совсем точное определение, поскольку первым драматическим произведением в Болгарии была комедия Феодосия Икономова «Ловченский владыка», написанная в 1857 г., а опубликованная в 1863 г. Первыми театральными постановками на болгарской сцене были комедия «Михал», переведенная с греческого и адаптированная для болгарской публики Савой Доброплодни, который организовал ее показ в городе Шумен, драмы «Многострадална Геновева» и «Белизарий», поставленные Крастю С. Пишуркой в городе Лом, поставленные в 1856 г. [14].

Можно удивляться не только многообразию интересов Д. Войникова, но и последовательному и добросовестному отношению ко всему, к чему он прикасался. Помимо исторического прошлого, драматург Д. Войников также проявлял интерес к конфликтам своего времени. Они находили отражение в многочисленных диалогах, ставившихся на школьных каникулах и неизменно проповедовавших

пользу знаний. Д. Войников затрагивает их в своей социальной драме «Диманка» (осталась в рукописи), которая демонстрирует наибольшую творческую зрелость писателя. Таким образом, благодаря поднимаемым Д. Войниковым темам и жанровому разнообразию, его произведения создают устойчивую тенденцию в развитии болгарской драматургии.

Заключение. Деятельность Д. Войникова не создает впечатления фрагментарности и разобщенности, рассеянности в разных направлениях, а демонстрирует

синкретическое отношение к различным областям культуры, характерное для интеллектуалов-энциклопедистов. Объединяющим принципом его многогранной деятельности является убеждение, что главной предпосылкой достижения Болгарией политической свободы является развитие образования и национального самосознания. Вся его деятельность носит национально-просветительский характер и нет сомнения в огромном вкладе Д. Войникова в дело Болгарского национального возрождения.

Список литературы

1. Вартаньян Э.Г. «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского как отправная точка болгарской историографии эпохи раннего Возрождения (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 158–167.
2. Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. 220 с.
3. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля /3 марта 1878 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm> (дата обращения: 24. 12. 2025).
4. Смольянинова М.Г. «Отец» болгарского национального театра Добри Войников. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_voynikov.pdf (дата обращения: 3.01. 2026). С. 251–254.
5. Терзиева М. Т. Педагогическая и театральная деятельность Добри Войникова в Румынии // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 405–414.
6. Федосов И. В. Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 44–49.
7. Ангелов Д. Българската народност през вековете. София: Стара Загора, 1994. 303 с.
8. Войников Д. Кратка българска история. Виена: Книгопечатница Л. Соммера, 1861. 184 с.
9. Войников Д. Кривообразната цивилизация. URL: <https://liternet.bg/publish8/dvoynikov/krivo/1.htm> (дата обращения: 15.11.2025).
10. Леков Д. Български възрожденски литературни и културни средища в чужбина. София: Ун-т «Св. Климент Охридски», 1999. 297 с.
11. Минков Ц. Добри Войников. Живот и творчество. София: Изд-во. «Игнатова А. Д.», 1941. 94 с.
12. Налбантова Е. Добри Войников // Бележити българи. Българското Възраждане – пътят к свобода. Том VI. София: Световна библиотека, 2012. 160 с. URL: <https://elenanalbantova.blog.bg/lichni-dnevnic/2017/05/11/dobri-voynikov.1546296> (дата обращения 5.01.2026).
13. Паисий Хилендарски. История славянобългарска. София: Св. Климент Охридски, 1998. 330 с.

14. Пътова Н. Войниковата драматургия в търсене на българската самоличност. URL: <https://litenet.bg/publish7/npytova/voynikovata.htm> (дата обращения 4.01.2026).
15. Стефанов М. История на българския театър. Т. I. София: «Марин Дринов», 1997. 235 с.
16. Чилингиров Ст. Добри П. Войников // Български писатели. Живот – творчество – идеи / под ред. на проф. М. Арнаудов. Том 3. София: Факелъ, 1929. 278 с.
17. Hroch M. Evropska narodni hnuti v 19 stoletvi_ spolecenske predpokladu vzniku novodobych narodu. Praha_ 1984. 397s.

DOBRI VOYNIKOV'S CONTRIBUTION TO THE NATIONAL REVIVAL OF BULGARIA

This article examines the work of the renowned Bulgarian educator, playwright, publicist, director, composer, and theater figure Dobri Voynikov (1833–1878). The article aims to highlight Voynikov's contribution to the Bulgarian National Revival. It emphasizes that in his teaching career, Voynikov did everything possible to instill in students a sense of patriotism, human dignity, pride in their homeland, and a love for their history and culture. He compiled textbooks on Bulgarian history and grammar, introduced these subjects into the curriculum, organized literary and musical programs for schoolchildren, and wrote plays. It is shown that the main principle of Voynikov's work was the dissemination of the fundamental idea of European humanism—freedom in all its forms: personal, religious, social, and political. D. Voynikov published the newspaper "Dunavska Zora," establishing himself as a publicist and teaching the future Bulgarian national hero Hristo Botev his first journalism lessons. This article examines D. Voynikov's social and theatrical activities, as well as his literary work. As a writer, he raised questions of people's political emancipation, recognizing that language, a common historical past, and religious affiliation are the main distinguishing characteristics of a nation. It concludes that with the development of education and the emergence of folk theater, the Bulgarian population increasingly embraced a sense of national pride and a desire for independence. The unifying principle of D. Voynikov's multifaceted work was the conviction that the main prerequisite for achieving political freedom is the development of education and national self-awareness. It is noted that all of his activities were national and educational in nature. The article uses the principles of historicism and objectivity, as well as historical-chronological, historical-typological, and historical-systemic methods of historical analysis.

Keywords: Voynikov, revival, writer, teacher, playwright, conductor, composer, founder of the Bulgarian theatre.

References

1. Vartan'yan E.G. (2023) "Istoriya slavyanobolgarskaya" Paisiya Khilendarskogo kak otpravnyaya tochka bolgarskoy istoriografii epokhi rannego Vozrozhdeniya (KhVIII – pervaya polovina KhIX v.) ["Slavic-Bulgarian History" by Paisius of Hilendar as a starting point for Bulgarian historiography of the early Renaissance (18th – first half of the 19th century)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. № 85. S. 158–167.
2. Liliashvili K.S. (1978) Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba bolgarskogo naroda protiv fanariotskogo iga i Rossiya [The national liberation struggle of the Bulgarian people against the Phanariot yoke and Russia]. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta. 220 s.
3. San-Stefanskiy preliminarnyy mirnyy dogovor. San-Stefano, 19 fevralya /3 marta 1878 g. [Preliminary Peace Treaty of San Stefano. San Stefano, February 19/March 3, 1878]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm> (data obrascheniya: 24. 12. 2025).
4. Smol'yaninova M.G. «Otets» bolgarskogo natsional'nogo teatra Dobri Voynikov [The "father" of the Bulgarian National Theatre, Dobri Voynikov]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_voynikov.pdf (data obrascheniya: 3.01. 2026). S. 251–254.
5. Terzieva M. T. (2019) Pedagogicheskaya i teatral'naya deyatelnost' Dobri Voynikva v Rumynii [Pedagogical and theatrical activities of Dobri Voynikva in Romania] // Prospects of Science and Education] // Perspektivy nauki i obrazovaniya. № 4 (40). S. 405–414.

6. Fedosov I. V. (2023) *Izmenenie pravovogo polozheniya nemusulmanskogo nasele-niya Osmanskoi imperii v kontekste reform Tanzimata* [The changing legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms] // Severo-Kavkazskits yuridicheskii vestnik. № 4. S. 44–49.
7. Angelov D. (1994) *B"lgarskata narodnost prez vekovete* [The Bulgarian people through the centuries]. Sofiya: Stara Zagora. 303 s.
8. Voynikov D. (1861) *Kratka b"lgarska istoriya* [A brief Bulgarian history]. Viena: Kni-gopechatnitsa L. Sommera. 184 s.
9. Voynikov D. *Krivoobraznata tsivilizatsiya* [The crooked civilization]. URL: <https://litternet.bg/publish8/dvoynikov/krivo/1.htm> (data obrascheniya: 15.11.2025).
10. Lekov D. (1999) *B"lgarski v"zrozhdenski literaturni i kulturni sredischa v chuzhbina* [Bulgarian Revival literary and cultural centers abroad]. Sofiya: Un-t «Sv. Kliment Okhrid-ski». 297 s.
11. Minkov Ts. (1941) *Dobri Voynikov. Zhivot i tvorchestvo* [Dobri Voynikov. Life and work]. Sofiya: Izd-vo. «Ignatov A. D.». 94 s.
12. Nalbantova E. *Dobri Voynikov* [Dobri Voynikov] // *Belezhiti b"lgari. B"lgarskoto V"zrazhdane – p"tyat k Svoboda / Tom VI*. Sofiya: Svetovna biblioteka, 2012. 160 s.]. URL: <https://elenanalbantova.blog.bg/lichni-dnevnic/2017/05/11/dobri-voynikov.1546296> (data obrascheniya 5.01.2026).
13. Paisii Hilendarski (1998). *Istoriya slavyanob`lgarska* [Slav-Bulgarian history]. So-fia: SV. Kliment Ohridski. 330 s.
14. Ptova N. *Voynikovata dramaturgiya v t"rsene na b"lgarskata samolichnost* [Soldier's dramaturgy in search of Bulgarian identity]. URL: <https://litternet.bg/publish7/npytova/voynikovata.htm> (data obrascheniya 4.01.2026).
15. Stefanov M. (1997) *Istoriya na b"lgarskiya teat"r* [History of Bulgarian theater]. T. I. Sofiya: «Marin Drinov». 235 s.
16. Chilingirov St. (1929) *Dobri P. Voynikov* [Good P. Voynikov] // *B"lgarski pisateli. Zhivot – tvorchestvo – idei / pod red. na prof. M. Arnaudov. Tom 3*. Sofiya: Fakel". 278 s.
17. Hroch M. (1984) *Evropska narodni hnuti v 19 stoletvi: spolecenske predpokladu vzniku novodobych narodu* [European national movements in the 19th century - social pre-conditions for the emergence of modern nations]. Praha. 397s.

Об авторе

Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. E-mail: vartaneg@yandex.ru

Vartanyan Egnara Gaikovna – professor, doctor of historical sciences, professor of the department of modern contemporary history and international relations Kuban State University. Krasnodar, Russia. E-mail: vartaneg@yandex.ru

УДК 902/904, 902.01, 903.25

Красноперов А.А., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия),

Камалеев Э.В., кандидат исторических наук, и.о. старшего научного сотрудника, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия)

ПОГРЕБЕНИЯ С МАЗУНИНСКИМИ «БАБОЧКОВИДНЫМИ» ФИБУЛАМИ НА ЮГОМАШЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

В статье публикуются комплексы трех погребений Югомашевского могильника в северной Башкирии. Памятник традиционно относят к мазунинской культуре, что подтверждается находками специфических «этнографических» предметов: височных подвесок и «бабочковидных» фибул. Такие фибулы найдены всего в двух могилах: II/6 и II/10. Обработка коллекции при внесении в Госкаталог выявила несоответствия между коллекционной описью и отчетом, которые подробно рассмотрены в представляемой статье. Комплекс находок из этих погребений в целом характерен для мазунинской культуры, при этом отражает локальную специфику. Височные кольца с напускными бусами встречаются только на трех могильниках в Башкирии, шейные подвески из раковины также преимущественно представлены на левом берегу Камы. Ряд деталей (пронизки в виде медведей с выступающей втулкой) показывает контакты мазунинского населения с гляденовским. Датировка погребений опирается на находки пряжек, являющихся вариантом группы Малашев-II-10. Публикуемые могилы относятся ко 2 пол. IV в. Среди находок встречаются предметы, характерные для соседних культур: специфические бляшки, встречающиеся только в гляденовской культуре, поясные накладки кара-абызской культуры. Памятник определенно отражает процессы взаимодействия населения в контактной зоне.

Ключевые слова: типология, пряжки, фибулы, бусы, мазунинская культура, гляденовская культура, контактная зона, взаимодействие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-32-41

Введение. Югомашевский могильник расположен в д.Югомашево Янаульского р-на Республики Башкортостан [3, № 534]. Был выявлен в ходе разведочных работ Н.А. Мажитова 1967 г. [10], которым раскопана одна могила [11, с. 109]. Участки, свободные от застройки (улица, огород) раскапывались С.М. Васюткиным и В.К. Калининым в 1975 году в рамках археологической практики студентов БГУ [7]. Тремя раскопами было вскрыто 656 кв.м с 81 погребением. Нумерация могил и участков самостоятельная для каждого раскопа. Далее для удобства вводится цифровой индекс – номер раскопа/номер погребения: раскоп I – 4; раскоп II – 67; раскоп III – 10 могил.

Результаты раскопок не опубликованы, кроме крупной бабочковидной фи-

булы, арочной и нескольких мелких подвесок, попавших еще в информационное сообщение о проведенных работах [8, рис. на с. 165], в том числе фибула из погребения 6. Позднее Т.И. Останина использовала материалы для разработки хронологии мазунинской культуры и издала несколько комплексов: пп. II/7, 10, 16, 24, III/4 [15, рис. 35, 36]. Поясную гарнитуру привлекла к своим исследованиям О.С. Белявская (Белявская, 2018; 2023д), коллекцию бус обработала Р.Р. Русланова [17; 18]. Авторами этой статьи готовится полная публикация памятника, в рамках подготовки которой отдельные комплексы [9] заслуживают большего внимания.

На могильнике найдены бабочковидные фибулы и височные подвески ма-

зунинских типов. В литературе прочно закрепилось определение могильника как «мазунинского». В представленной работе рассматривается вещевой инвентарь из трех погребений: II/6, II/9 и II/10.

Всего на могильнике найдено 2 экземпляра бабочковидных фибул. Одна из них происходит из погребения II/6. В процессе разбора коллекции № 323 при внесении в госкаталог выявились расхождения между отчетными материалами и коллекционной описью относительно состава погребений 9 и 10. По отчету, в погребении II/9 найдена только бронзовая пряжка, все остальные (из рассматриваемых) находки относятся к погребению II/10.

В коллекционной описи к погребению II/10 отнесены шифры 5372–5376, а к погребению II/9 шифры 3698–5371, включая 2 фрагмента пряжки, упомянутой в отчете (№ 3698–3699). Учитывая обстоятельства, здесь публикуются оба спорных комплекса.

Объекты и методы исследования. Погребение № 6¹ (кв. 6-7/И). В могильной яме неправильной формы длиной 1,58 м, шириной 0,55 м (в юго-западном конце), 0,6 м (в северо-восточном конце), 0,75 м (в середине), глубиной 0,8 м лежал костяк подростка в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток (рис. 25). Около левой бедренной кости, с внешней стороны находились две бронзовые пряжки, височная подвеска, браслет, кольцо, пастовые подвески, бабочковидная фибула, бусы, железный браслет в обломках. Пряжки небольшие, типа обувных, с круглой утолщенной спереди дужкой, прямым язычком с загнутым за дужку концом, треугольным щитком с одним шпеньком для крепления к ремешку (рис. 1: 31,32). Височная подвеска типа бахмутинских, в обломках (рис. 1: 30).

Браслет² сделан из круглой проволоки толщиной 0,2 см, один конец его расположен и намотан на другой. Диаметр его 3,5 см (рис. 1: 34). Кольцо³ также сделано из круглой проволоки толщиной 0,8 см, один конец (рис. 1: 33) его сломан, другой слегка заострен, диаметр кольца 2,5 см. Пастовых⁴ подвесок всего 7 штук, по форме они не отличаются от тех, которые найдены в погребении № 1, только размерами меньше (диаметр 1,5–1,9 см) (рис. 1: 1–7). Бабочковидная фабула (рис. 1: 28) имеет форму овала с диаметрами 12 и 9,5 см. Основу ее составляют железные пластины толщиной 0,1 см (нижняя пластина) и 0,2 см (верхняя пластина). Нижняя пластина имеет меньшие размеры (малый диаметр её равен 7,5 см). К верхней пластине по её краю прикреплена бронзовая пластина шириной 1,2 см, толщиной 0,5 мм с тремя рядами выдавленных с обратной стороны маленьких выпуклин. На расстоянии 0,5 см от внешней пластины прикреплена вторая шириной 1 см, также с тремя рядами выпуклин. Между бронзовыми пластинами расположены бронзовые полугорошины диаметром 0,5 см. Выше этих овальных пластин, поперек их по малому диаметру расположена бронзовая пластина шириной 2,7 см. По краям её выдавлены с обратной стороны по 2 ряда маленьких полугорошин. Между ней и внутренней овальной пластиной с двух сторон расположены по 7 крупных полугорошин. На обратной стороне фибулы имелась железная игла со спиралью. Бус всего 1188, среди них имеются стеклянные, пастовые⁵, цилиндрические, круглые, плоские, желтого, синего, голубого цветов (рис. 1: 8–27). Браслет сделан из железного прута овальной формы толщиной 0,3–0,5 см с уплощенными концами (рис. 1: 29).

¹ Описания приводятся по отчету без купюр.

² В действительности: Височное кольцо.

³ В действительности: Височное кольцо.

⁴ В действительности: из Раковины.

⁵ В действительности: деградировавшее Стекло.

Погребение № 9 (кв.9/3-И). Могильная яма подпрямоугольной формы, длиной 2,04 м, шириной 0,5 м (в юго-западном конце) и 0,45 м (в северо-восточном конце), глубиной 0,75 м, ориентирована длинными сторонами с юго-запада на северо-восток. В середине могилы лежали зубы младенца, в юго-западной половине ее бронзовая пряжка в обломках. У пряжки была овальная утолщенная спереди дужка и овальный щиток (рис. 2: 1).

Погребение № 10

Погребение № 10 (кв.8/3-И). В могильной яме подпрямоугольной формы длиной 1,93 м, шириной 0,45 м (в юго-западном конце), 0,5 м (в северо-восточном конце), 0,53 (в середине) и глубиной 0,75 м обнаружен плохой сохранности костяк взрослого человека, лежавший в вытянутом положении, головой на С с незначительным отклонением на СВ. Умерший был обернут в древесную кору, тлен которой прослежен в северо-восточной половине могилы. В области головы, справа лежали бусы и четыре маленькие бронзовые фигурки медведей. Бус всего 1527 экземпляров, среди них большинство мелких пастовых¹ круглых, плоских, цилиндрических. Четыре бусины крупных размеров, округлой и цилиндрической формы, стеклянные голубого цвета (рис. 2: 25–55,64–72). Четыре маленькие фигурки медведей имеют на спине невысокий выступ с отверстием (рис. 2: 21–24), через которые продевался тонкий ремешок, обмотанный узкой тонкой бронзовой проволокой (рис. 2: 17–20). Под бусами найдена бронзовая трубочка, нижний конец которой оформлен в виде полого шара с вертикальными прорезями (рис. 2: 14) Немного ниже описанного комплекса украшений найдены пять круглых, одна цилиндрическая, одна 14-гранная (рис. 2: 61a) стеклянные бусины синего и голубого цветов. Между бусинами, надетыми на железную проволоку, висели

короткие бронзовые цепочки (рис. 2: 61). В области грудной клетки в куче лежали отдельные украшения и железный нож в обломках (рис. 2: 60). Среди украшений имеются четыре крупных и три маленьких бронзовых фигурок медведей. У каждой фигурки сверху имеется отверстие, через которое продевался ремешок для подвешивания. (рис. 2: 5–9,10–13). Внутри одной маленькой фигурки имеется маленькое бронзовое кольцо, которое привязано к ремешку, обмотанному круглой бронзовой проволокой (рис. 2: 8). Ремешок пропущен через отверстие в фигурке. В отверстие второй маленькой фигурки пропущен узкий и тонкий ремешок, связанный с аналогичным ремешком с помощью маленьких бронзовых восьмеркообразных накладок с узкой перемычкой на обратной стороне (рис. 2: 2,3).

Ко второму ремешку (рис. 2: 4), видимо, была прикреплена вторая фигура. Ремешки с накладками пришивались или к одежде в области груди или к головному убору, а фигурки висели свободно. К ремешкам и бронзовым накладкам прилипли кусочки грубой ткани. К одежде в области груди были прикреплены также накладки в виде треугольника (рис. 2: 16) и шестиугольные накладки (рис. 2: 15), аналогичные описанным выше. Сохранился кусочек ткани с отпечатками накладок в виде треугольников. Среди украшений в области груди имелись также три бляхи. Одна из них, самая большая (диаметр ее 8,0–8,5 см) Слегка выпукло-вогнутая, с неровными краями, с овальным отверстием в центре (рис. 2: 57). Сделана из бронзы. Под ней² находилась маленькая (диаметр 3,8 см) круглая слегка выпукло-вогнутая бляха с ушком на обратной стороне (рис. 2: 58). Третья бляха плоская, неправильной формы, с круглым отверстием в середине (рис. 2: 59) Диаметр ее равен 6,0–6,5 см. Немного ниже этих вещей с правой стороны находились

¹ В действительности: деградировавшее Стекло.

² Найдены перевернутыми; малая бляшка налегала на большую.

красные пастовые бусы в области тазовых костей также найдены бусы: шесть цилиндрической, одна бочонковидной формы. Около 30 экз. круглые, плоские, цилиндрические из светлого, зеленого стекла. Некоторые из них позолочены (рис. 2: 32-36)). Около правой тазовой кости лежала бронзовая овальная пряжка средних размеров, с утолщенной спереди дужкой, с прямым загнутым концом (рис. 2: 62). Щиток сломан, форму его невозможно восстановить. Около левого бедра лежал узкий (1 см) и длинный (7,3 см) наконечник пояса (рис. 2: 63).

Около левой ступни в берестяной коробке находился жертвенный комплекс. От коробки сохранились кусочки. В состав комплекса входили бабочковидная фибула (рис. 2: 77), бронзовая квадратная в сечении с заостренными и загнутыми концами (рис. 2: 74) гривна, бронзовое пластинчатое кольцо с расширением в середине (рис. 2: 73), две заржавевшие височные подвески бахмутинского типа (рис. 2: 75,76).

При разборке костяка под левой берцовой костью найдена маленькая обувная бронзовая пряжка с прямым загнутым в конце язычком и треугольным щитком с одним шпеньком для (рис. 2: 56) крепления к ремешку¹. Так же при разборке костяка в области правого колена обнаружено 1062 мелких пастовых и стеклянных бус желтого, синего и голубого цветов круглой и цилиндрической формы.

Результаты и их обсуждение. Рассматриваемые бабочковидные фибулы (рис. 1: 28, 2: 77) относятся к самому позднему, пятому, варианту по Т.И. Останиной [15, с. 43–44, рис. 35: 21] и по Т.М. Сабировой [19, с. 22, № 438, рис. 68]. Первоначально они были датированы V в. (Останина Т.И., 1997, с. 107), но в настоя-

щий момент основания датировок пересмотрены, и столь поздняя дата принята быть не может.

В Югомашево, п. II/10 найдены детали височного кольца специфической формы, представленной кроме Югомашевского на Бирском и Старо-Муштинском [20, рис. 57: 5,6] могильниках, – кольцо с нанизанными бусинами и фрагментами цепочек (рис. 2: 61).

Височные подвески с железной основой, обвитой бронзовой проволокой (рис. 1: 30, 2: 75,76), – один из поздних вариантов мазунинских подвесок [6] (если считать самым поздним чисто железные).

Типичны для мазунинской культуры единичные в погребениях пронизки с прорезными вздутиями («бутылчатые») (рис. 2: 14). Они определенно связаны с поясными наборами, но сохранность органической основы ни разу не позволила точно установить конкретную функцию. Такая форма единично встречается в гляденовском ареале [16, рис. 31: 44]. С гляденовским же населением, видимо, одна из форм пронизок в виде медведей. Для мазунинской культуры характерны относительно крупные фигурки с полукруглой «сгорбленной» спиной и «толстой» «мордой» (ширина передней и задней части примерно одинаковая) (рис. 2: 3,5–9,10–12). От них отличаются фигурки меньшего размера с выступающей в спине втулкой и приостренной «мордой» (рис. 2: 21–24), которые характерны для ареала гляденовской культуры² [16, рис. 34: 29–31].

Находки височных подвесок, бабочковидных фибул, пронизки с прорезным вздутием, являющихся «этнографическими» маркерами мазунинской культуры, не оставляют сомнений в культурной атрибуции комплексов. К этой группе примыкают и подвески из раковины (рис.

¹ Имеется фотография в отчете (рис. 2: 56а). В коллекции в настоящий момент найти не удалось. В описи номер пропущен. В коллекции есть фрагмент бронзовой пластинки (рис. 2: 56б) без номера, который может являться нижней пластиной щитка пряжки.

² Еще один элемент гляденовского влияния на мазунинское население.

1: 1–7), относительно крупные пронизки в виде медведей с круглым абрисом спины, и накладки (нашивки) в виде треугольника (рис. 2: 16).

На датировку указывают детали поясной гарнитуры. Пряжки (рис. 1: 31,32, 2: 1,62), по форме рамки и язычка, соотносятся с пряжками группы Малашев-П-10 [12], отличаясь щитком. Но формы щитков приуральских пряжек вариативны. В частности, пряжки с рамками группы П-9, но щитками треугольной или трапециевидной формы, В.Ю. Малашев выделяет в группу ПУ-1 [13, с. 133, 136], пряжки П-11 бывают трапециевидными щитками с прогнутыми сторонами (ПС-2) и прямоугольными длинными щитками (ПС-3) [14, с. 98–100]. Ранее наблюдения над формой щитков высказывал А.К. Амброз, отметивший распространенность в Приуралье трапециевидных форм [2, с. 24–25]. Ведущим хронологическим признаком все равно является профилировка язычка относительно рамки – степень загнутой за передний край. Пряжки с язычками, характерными для пряжек П-10, относятся ко 2 пол. IV в. Этой дате не противоречит синяя 14-гранная бусина (рис. 2: 61а). Но бусина типа Алексеева-249 традиционно датируется более ранним временем, до II в. [1, с. 47]. Чуть более ранняя, чем IV в. н.э., дата возможна

и для золотостеклянных бус. Однако единичные находки, на фоне монолитного комплекса, показательного для поздних этапов мазунинской культуры, датированного поясной гарнитурой, дают достаточные основания отнести публикуемые материалы именно ко 2 пол. IV в. н.э.

Заключение. Территориально, Югомашевский могильник располагается на крайней северо-восточной периферии мазунинской культуры. Возможно, именно географические особенности, в сумме с общей хронологией памятника, сказались на отличительных особенностях всего комплекса находок. Анализ бусинных наборов, проведенных Р.Р. Руслановой [17], показал аномальное по сравнению с другими мазунинскими некрополями количество бисера. Среди находок встречаются предметы, характерные для соседних культур: специфические бляшки, встречающиеся только в гляденовской культуре [9] (примыкает к могильнику с севера), поясные накладки кара-абызской культуры (примыкает к могильнику с юга). При этом основной комплекс находок вполне соответствует «этнографическому» мазунинскому «эталону». Памятник определенно отражает процессы взаимодействия населения в контактной зоне, и показывает не замкнутость древнего населения.

Список литературы

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 115 с.
2. Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
3. Археологическая карта Башкирии / Отв.ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
4. Белявская (Крапачева) О. С. Ременная гарнитура и хронология погребения Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 86–100.
5. Белявская О. С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. / Дисс. ... канд.ист.наук: 5.6.3. М., 2023. 599 с.
6. Бернц В. А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи Великого переселения народов удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху

Великого переселения народов / Гл. ред. Р.Г. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 351–389.

7. Васюткин С. М., Калинин В. К. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №5657, 5657а.

8. Васюткин С. М., Калинин В. К., Обыденнов М. Ф. Экспедиция Башкирского государственного университета // Археологические открытия 1975 года / Отв.ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 164–165.

9. Красноперов А. А., Камалеев Э. В. Два погребения Югомашевского могильника: к вопросу о взаимодействии гляденовской и мазунинской культур в контактной зоне // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С.119–128. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.119.128>

10. Мажитов Н. А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3496, 3496а

11. Мажитов Н. А. Работы в северной Башкирии // Археологические открытия 1967 года / Отв.ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 108–110.

12. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, 2000. С. 194–217.

13. Малашев В. Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: Мат-лы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев / Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

14. Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Илюков Л. С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.

15. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

16. Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.

17. Русланова (Тамимдарова) Р. Р. Особенность бусинных наборов Югомашевского могильника // Инновационный потенциал молодежной науки: Материалы всероссийской научной конференции 8 ноября 2013 года. Уфа: изд-во БГПУ, 2013. С. 236–240.

18. Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III-VIII вв. Уфа: Башк. Энцикл, 2018. 376 с.

19. Сабилова Т. М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Ижевск, 2019. 248 с.

20. Сунгатов Ф. А. Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа, 2004. 172 с.

BURIALS WITH MAZUNINO-TYPE «BUTTERFLY-SHAPED» FIBULAE AT THE YUGOMASHEVO BURIAL GROUND

The article publishes complexes of three burials of the Yugomashevo burial ground in northern Bashkiria. The monument is traditionally attributed to the Mazunino culture, which is confirmed by the finds of specific “ethnographic” objects: pendants for headdress and «butterfly-shaped» fibulae. Such fibulae were found in only two graves: II/6 and II/10. Processing of the collection when entering it into the "State Catalogue" revealed discrepancies between the collection inventory and the excavation report, which are discussed in detail in the presented

article. The complex of finds from these burials is generally characteristic of the Mazunino culture, while reflecting local specifics. Pendant rings for headdresses with beads are found only in three burial sites in Bashkiria; pendants for shell necklaces are also represented found on the left bank of the Kama. A number of details (bear-shaped beads with a protruding sleeve) show contacts between the Mazunino population and the Glyadenovo population. The dating of the burials is based on the finds of buckles, which are a variant of the Malashev-B-10 group. The published graves date back to the 2nd half of the 4th century. Among the finds there are objects typical of neighboring cultures: specific plaques found only in the Glyadenovo culture, belt plates of the Kara-Abyz culture. The graveyard definitely reflects the processes of interaction of the population in the contact zone.

Keywords: typology, buckles, fibulae, beads, Mazunino archaeological culture, Glyadenovo archaeological culture, contact zone, interaction.

References

1. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique beads of the Northern Black Sea region)* / Svod arheologicheskikh istochnikov. Iss. G1-12/2. M.: Nauka. 1978, 115 p. (in Russian).
2. Ambroz A. K. Birskij mogil'nik i problemy hronologii Priural'ya v IV-VII vv. [Birsk burial ground and problems of chronology of the Urals in the IV-VII centuries] // *Srednevekovye drevnosti evrazijskikh stepej [Medieval antiquities of the Eurasian steppes]* / Ed. S.A. Pletneva. M.: Nauka, 1980, pp. 3–56. (in Russian).
3. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological map of Bashkiria)* / Ed. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976, 263 p. (in Russian).
4. Belyavskaya (Krapacheva) O.S. Remennaya garnitura i hronologiya pogrebeniya YUgomashhevskogo mogil'nika [Belt set and burial chronology of the Yogomashevsky burial ground] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya (Bulletin of Perm University. History)*. 2018. Iss. 1, pp. 86–100. (in Russian).
5. Belyavskaya O.S. *Hronologiya remennykh garnitur YUzhnogo Priural'ya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Urals III - the turn of the 7th and 8th centuries)* / Diss. Thesis. M., 2023 (in Russian).
6. Bernc V. A. K voprosu o tradicionnykh elementah pogrebal'nogo obryada finno-ugorskogo naseleniya epohi Velikogo pereseleniya narodov udmurtskogo Prikam'ya (po materialam Zabor'inskogo gruntovogo mogil'nika) [On the issue of traditional elements of the funeral rite of the Finno-Ugric population of the era of the Great Migration of Peoples of the Udmurt Kama region (based on materials from the Zaborinsky soil burial ground)] // *Vzaimodejstvie narodov Evrazii v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Interaction of the peoples of Eurasia in the era of the Great Migration of Peoples]* / Ed. I.G. Shapran. Izhevsk: w/p, 2006, pp. 351–389. (in Russian).
7. Vasyutkin S.M., Kalinin V.K. *Otchet o rabote pervogo otryada arheologicheskoy ekspedicii Bashgosuniversiteta v 1975 g. (Report on the work of the first detachment of the archaeological expedition of Bashkir State University in 1975)*. 1975-ER. / Arhiv IA RAN. R-1. №5657, 5657a.
8. Vasyutkin S.M., Kalinin V.K., Obydenov M.F. *Ekspediciya Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Expedition of the Bashkir State University]* // *Arheologicheskie otkrytiya 1975 goda (Archaeological discoveries of 1975)*. M.: Nauka, 1976, pp. 164–165. (in Russian).
9. Krasnoperov A. A., Kamaleev E. V. Dva pogrebeniya YUgomashhevskogo mogil'nika: k voprosu o vzaimodejstvii glyadenovskoj i mazuninskoj kul'tur v kontaktnoj zone [Two Burials of the Yugamash Burial Ground: to the question of the interaction of the Glyadenovo and Mazunino cultures in the contact zone] // *Arheologiya Evrazijskikh stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]*. 2024. № 6. S.119–128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.119.128>
10. Mazhitov N.A. *Nauchnyj otchet o rezul'tatah arheologicheskikh issledovanij za 1967 g. (Scientific report on the results of archaeological research for 1967)*. 1967-ER. // Arhiv IA

RAN. R-1. №3496, 3496a

11. Mazhitov N.A. Raboty v severnoj Bashkirii [Research in northern Bashkiria] // *Arheologicheskie otkrytiya 1967 goda (Archaeological discoveries of 1967)*. М.: Nauka, 1968, pp. 108–110. (in Russian).

12. Malashev V. YU. Periodizaciya remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of Late Sarmatian Time] // *Sarmaty i ih sosedi na Donu [Sarmatians and Their Neighbors on Don]* / Ed. YU.K. Guguev. Rostov n/D.: Gefest, 2000, pp. 194–217. (in Russian).

13. Malashev V. YU. Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury yuzhnoural'skih stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ya i Priural'ya [Some aspects of contacts between the bearers of the late Sarmatian culture of the South Ural steppes and the population of the forest and forest-steppe belt of the Volga and Ural regions] // *Sarmaty i vneshnij mir [Sarmatians and the outside world]* / Eds. L.T. Yablonskij, N.S. Savel'ev / Ufimskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Iss. 14. Ufa: IYAL UNC RAN, Centr «Nasledie», 2014, pp. 130–140. (in Russian).

14. Malashev V. YU., Gadzhiev M. S., Il'yukov L. S. Strana maskutov v zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspijskogo Dagestana III-V vv. [The country of the Maskuts in the western Caspian region. Kurgan burial grounds of Caspian Dagestan III-V centuries]. Mahachkala: Mavraev", 2015, 452 p. (in Russian).

15. Ostanina T.I. *Naselenie Srednego Prikam'ya v III-V vv. (Population of the Middle Kama region in the III-V centuries)*. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997, 327 p. (in Russian).

16. Pereskokov M.L. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Urals at the end of the Early Iron Age)*. Perm': PGU, 2018, 320 p. (in Russian).

17. Ruslanova (Tamimdarova) R.R. Osobennost' businnyh naborov YUgomashevskogo mogil'nika [Features of bead sets from the Yogomashevsky burial ground] // *Innovacionnyj potencial molodezhnoj nauki (Innovative potential of youth science)*. Ufa: izd-vo BGPU, 2013, pp. 236–240. (in Russian).

18. Ruslanova R.R. *Busy YUzhnogo Urala po materialam nekropolej III-VIII vv. (Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the 8th-8th centuries)*. Ufa: Bashk. Encikl., 2018, 376 p (in Russian).

19. Sabirova T. M. Fibuly Srednego Prikam'ya pervoi poloviny I tys. n.e. [Fibulas of the Middle Kama region of the 1st half of the 1st millennium AD]. Izhevsk, 2019, 248 p. (In Russian)

20. Sungatov F. A. Garustovich G. N., YUsupov R. M. Priural'e v epohu Velikogo peregeleniya narodov (Staro-Mushtinskij kurganno-gruntovyj mogil'nik) [The Urals in the era of the Great Migration of Peoples (Staro-Mushtinsky burial mound and ground cemetery)]. Ufa, 2004, 172 p. (in Russian).

Об авторах

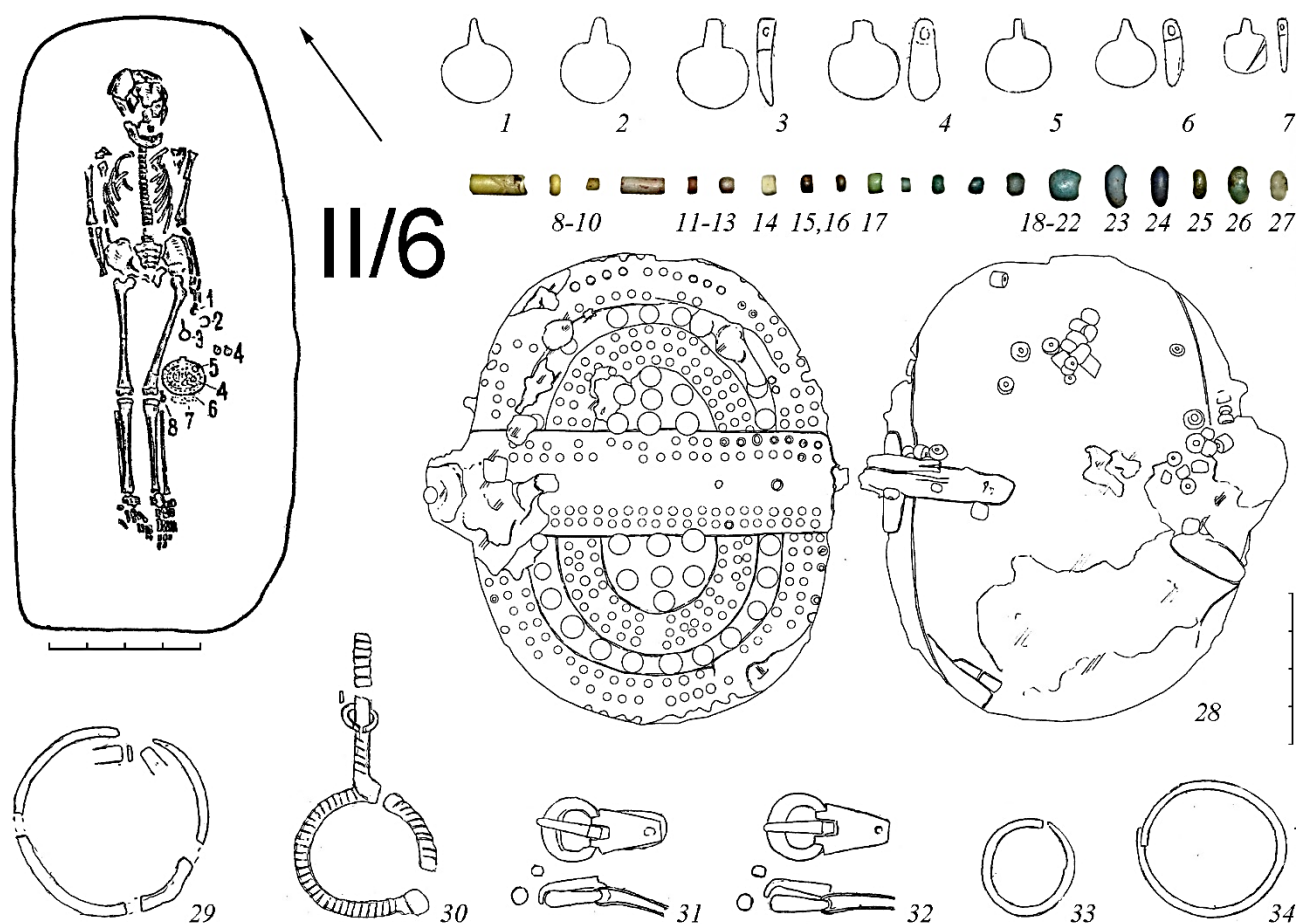
Красноперов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г.Ижевск, Россия), E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID – 0000-0001-7931-4536, ResearcherID-AAN -4831-2021

Камалеев Эльвир Винерович – кандидат исторических наук, и.о. старшего научного сотрудника, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИЭИ УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия), E-mail: kamaleev-ilvir@mail.ru, ORCID – 0000-0002-3143-5037

Krasnopeorov Alexander Anatolevich – Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk, Russia). E-mail: alexander.kaa@mail.ru, ORCID – 0000-0001-7931-4536, ResearcherID-AAN -4831-2021

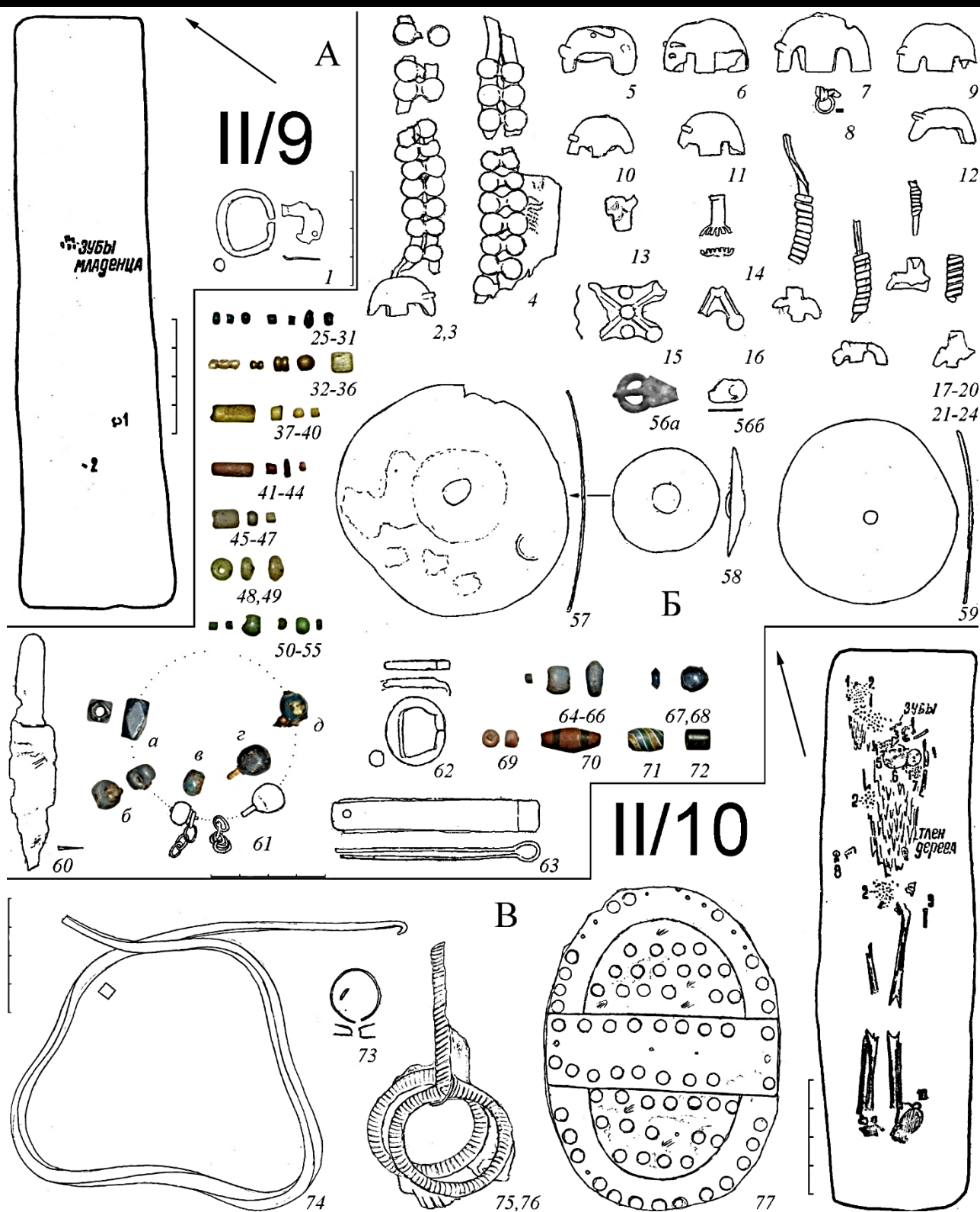
Kamaleev Elvir Vinerovich – Candidate of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev (Ufa, Russia). E-mail: kamaleev-ilvir@mail.ru, ORCID – 0000-0002-3143-5037

Подписуночные подписи

Рис. 1. Югомашево, п. II/6. Комплекс погребения. 1-7 – подвески, 8-27 – бусы, 28 – фибула, 29 – браслет, 30 – височная подвеска, 31, 32 – пряжки, 33, 34 – височные кольца. 1-7 – раковина, 8-27 – стекло, 28, 30 – железо, бронза, 29 – железо, 31-34 – бронза.

Fig. 1. Yugomashevo, grave II/6. Burial complex. 1-7 – pendants, 8-27 – beads, 28 – fibula, 29 – bracelet, 30 – temple pendant, 31, 32 – buckles, 33, 34 – temple rings. 1-7 – shell, 8-27 – glass, 28, 30 – iron, bronze, 29 – iron, 31-34 – bronze.

Рис. 2. Югомашево, п. II/9-10. Комплекс погребения. А – находки, по отчету относящиеся к п. 9; В – находки, по описи относящиеся к п. 10; Б – находки, по описи относящиеся к п. 9, но по отчету относящиеся к п. 10. Нумерация сквозная. 1, 56, 62 – пряжки, 2-14, 17-24 – пронизки, 25-55, 61, 64-72 – бусы, 57-59 – бляшки, 60 – нож, 61 – височное кольцо, 63 – наконечник ремня, 73 – кольцо, 74 – гривна, 75, 76 – височные подвески, 77 – фибула. 1, 5-9, 10-19, 21-24, 56-59, 62, 63, 73, 74 – бронза, 2, 3, 17-20 – бронза, кожа, 25-55, 61, 69-72 – стекло, 60 – железо, 61 – стекло, железо, бронза, 75-77 – железо, бронза.

Fig. 2. Yugomashevo, grave II/9-10. Burial complex. А – finds, according to the report, related to burial 9; В – finds, according to the inventory, related to burial 10; Б – finds, according to the inventory, related to burial 9, but according to the report related to burial 10. Continuous numbering. 1, 56, 62 – buckles, 2-14, 17-24 – pronizi, 25-55, 61, 64-72 – beads, 57-59 – plaques, 60 – knife, 61 – temple ring, 63 – belt tip, 73 – ring, 74 – torc, 75, 76 – temple pendants, 77 – fibula. 1, 5-9, 10-19, 21-24, 56-59, 62, 63, 73, 74 – bronze, 2, 3, 17-20 – bronze, leather, 25-55, 61, 69-72 – glass, 60 – iron, 61 – glass, iron, bronze, 75-77 – iron, bronze.

Курманов Р.Г., кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия)
Гиззатов Д.З., начальник отдела археологических исследований, Автономная некоммерческая организация «Евразийский музей кочевых цивилизаций» (Россия)

ЛАНДШАФТЫ И КЛИМАТ ЮГО-ВОСТОКА ЮЖНОГО УРАЛА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ПО ДАННЫМ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТУЛЬКУЛЕТАУ-5

По результатам спорово-пыльцевого анализа отложений курганного могильника Тулькулетау-5, расположенного на скалистой плосковершинной возвышенности восточнее вершины горы Тулькулетау (хребет Ирендък), удалось охарактеризовать растительность и климат, существовавшие в пределах памятника в бронзовом и раннем железном веках. До появления курганного могильника территория горы была занята сплошным березовым лесом. Климатическая обстановка этого периода реконструируется как умеренно-теплая и умеренно-влажная. Позже в окрестностях археологического памятника широкое распространение получают открытые пространства, заросшие польнями. Лесные массивы были представлены березовыми колками, также встречались пойменные леса с ольхой. По лесным опушкам разрастались представители лугового разнотравья, папоротники и плауны. Территория памятника в это время испытывала постоянную антропогенную нагрузку, встречались различные рудеральные растения (чертополох и цикориевые). Климат в раннем железном веке стал суше. Полученные данные были сопоставлены с материалами других памятников юго-востока Южного Урала. Обобщенные ландшафтно-климатические характеристики эпохи раннего железа свидетельствуют о смещении к северу границы степной зоны и указывают на аридизацию климата в регионе. Эти данные также согласуются с полученными ранее палинологическими материалами из Южного Предуралья и горно-лесной зоны Южного Урала, где также фиксируется увеличение открытых пространств в раннем железном веке. Единственным отличием является отсутствие на юго-востоке Южного Урала индикаторов сильного похолодания, соответствующих климатическому пессимуму железного века, отмеченных в Южном Предуралье, что свидетельствует о существовании более мягких условий на изучаемой территории в это время.

Ключевые слова: палинология, раннесарматская культура, прохоровская культура, хребет Ирендък, Южный Урал, курганный могильник Тулькулетау-5, римский климатический оптимум, аридизация климата.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-42-52

Введение. Интерес к исследованию ландшафтно-климатических обстановок Южного Урала в раннем железном веке связан в первую очередь с решением вопросов, касающихся скифо-сарматской тематики. Начиная с VII в. до н.э. указанная территория становится местом обитания кочевников центрально-азиатского происхождения (раннесакская культура) [11, с. 42–52]. На юго-востоке Южного Урала, в пределах горных хребтов Ирендък и Крыктытау, обнаружено и исследовано около 30 погребальных памятников ранних кочевников. Наиболее ранние из них – курган 2 могильника Целинный и курган 1

могильника Юмаш-тау-4 – датируются VI в. до н.э. (возможно, его концом), наиболее поздние – примерно концом IV в. до н.э. (курган 1 погребение 1 Исянбетово, Майлыбай-2) [8, с. 176–179]. Ландшафты и климат, существовавшие в этот период на данной территории, пока не изучены. В Южном Предуралье в это время были широко распространены хвойные и хвойно-широколиственные леса, климатическая обстановка менялась от прохладной до умеренно-прохладной [5, с. 35–44]. Эта эпоха соответствует климатическому пессимуму железного века, или позднесуббореальному похолоданию, X–IV вв. до н. э.

Во второй половине I тыс. до н.э. предгорная степь Южного Зауралья и вся южная часть Уральской горной страны входит в зону очень плотного монокультурного освоения кочевников – носителей раннепрохоровской культуры (памятники круга могильников Филипповка и Переволочан), V–IV вв. до н.э., [9, с. 62–84]. Дальнейшее их продвижение на север приводит к формированию в Южном Предуралье своеобразной кара-абызской культуры – продукта смешения степного и лесостепного населения [7]. В целом, на территории Южного Урала выявлено около 60 памятников сарматской культуры (Альмухаметовские, Биш-Уба I, Дербеневские, Переволочанские, Сибайские, Старо-Киешкинские, Темясовские курганы и др.), IV в. до н.э. – IV в н.э. [10].

Данный этап заселения Южноуральской территории связан с потеплением и последующей аридизацией климата (римский климатический оптимум, раннесубатлантическое потепление), что привело к поиску кочевниками новых благоприятных областей для ведения кочевого скотоводства. Так, в раннем железном веке в степной зоне Южного Предуралья, в пределах Филипповского курганного могильника, были распространены степные и луговые растительные сообщества с примесью пасквальных видов (горец птичий), в речных долинах встречалась ольха [3, с. 86–90]. В Южном Предуралье и на Южном Урале в это же время шло увеличение площадей открытых синантропизированных пространств, и происходила практически повсеместная смена широколиственных лесов на мелколиственные [5, с. 35–44; 6, с. 43–62; 9, с. 62–84].

Палеоэкологические и палеоклиматические реконструкции эпохи раннего железа для южных и восточных предгорий Южного Урала не проводились. Дан-

ная работа нацелена на устранение указанного пробела. По материалам спорово-пыльцевого анализа отложений курганного могильника Тулькулетау-5 были впервые восстановлены ландшафты и климат, существовавшие на территории юго-востока Южного Урала в раннем железном веке и в более ранний период.

Объекты и методы. Курганный могильник Тулькулетау-5 выявлен в 2013 году, ввиду активного антропогенного разрушения насыпи кургана №2 грабительскими раскопками, в полевом сезоне того же года на кургане были проведены спасательные археологические раскопки. В результате исследований выявлено парное погребение мужчины и женщины. Погребенные ориентированы головами на юг. Вокруг погребения зафиксированы столбовые ямы, горелые деревянные плахи, предположительно, оставшиеся от шатрового надмогильного сооружения. Сопроводительный инвентарь представлен развалом сосуда, глиняным пряслицем, каменным оселком, сильно коррозированным акинаком с почковидным (бабочковидным) перекрестием и зооморфным навершием. Между погребенными, справа от тазовых костей мужчины обнаружена одна передняя баранья нога. Погребение предварительно датируется V–II вв. до н. э. и соотносится с прохоровской культурой.

Ранее в пределах горы Тулькулетау и ее окрестностей были обнаружены другие памятники эпохи бронзы (стоянка Тулькулетау-4 и курганный могильник Тулькулетау-3, правый берег р. Таналык, 5 км к западу от п. Семеновский), раннего железного века (одионый курган Тулькулетау-2, юго-восточная вершина горы) и средневековья (одионый курган Тулькулетау-1, левый берег р. Таналык, 1 км к югу от садов г. Баймак) [1] (см. рис. 1).

Рис. 1. Курганный могильник Тулькулетау-5

А – вид с севера, Б – вид с востока, западная стенка бровки по линии север-юг

В 2013 г. для анализа палинологического состава отложений данного археологического памятника было получено 10 образцов (СП 1-10) из западной стенки южной части бровки по линии север-юг. Отбор проб производился в двух колонках. Колонка I была заложена ближе к

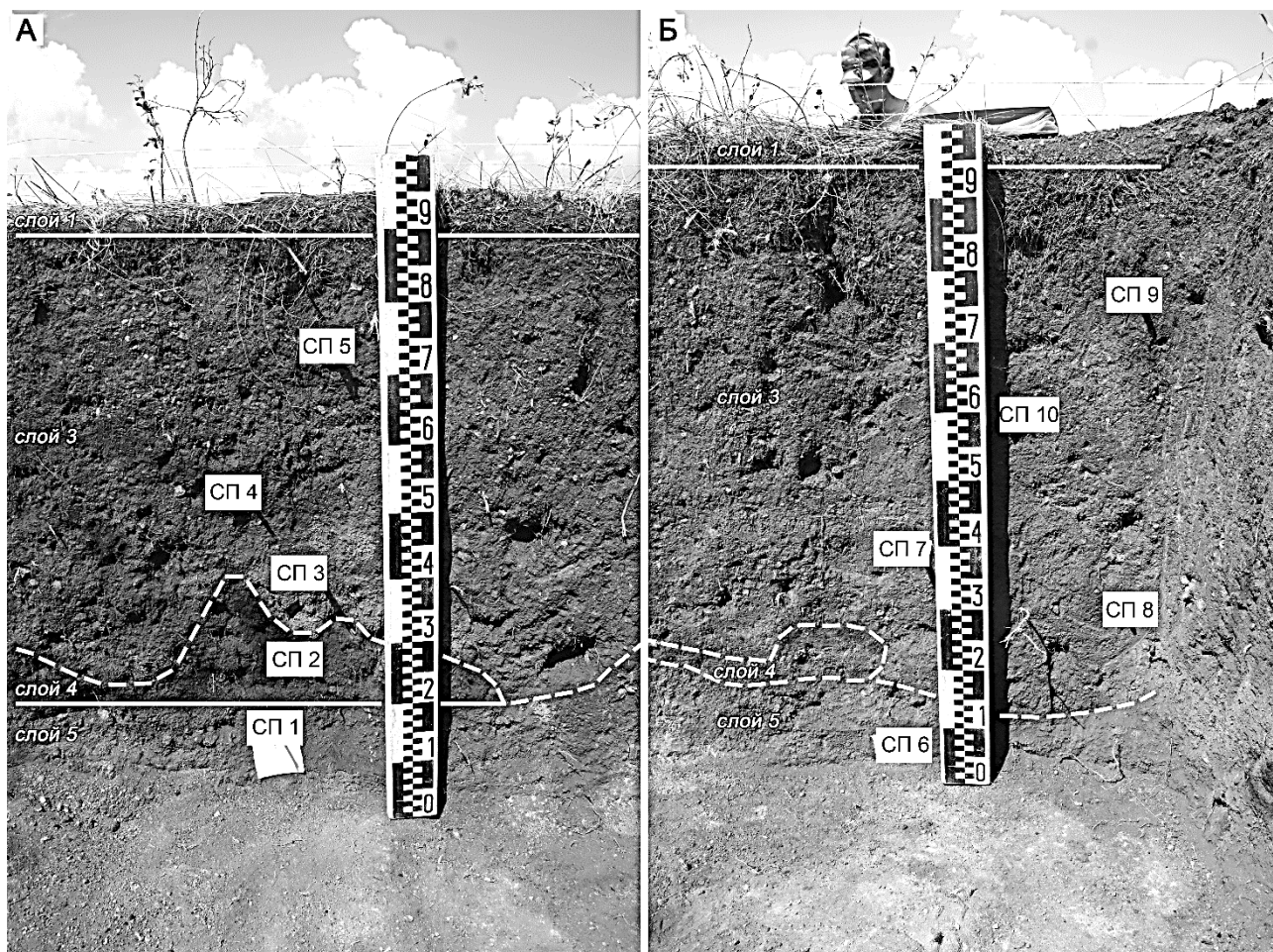
южной (СП 1-5), а колонка II – ближе к центральной части кургана (СП 6-10). При исследовании рыхлых пород был использован метод мацерации [2].

Профиль западной стенки южной части бровки по линии север-юг имел следующую стратиграфию:

Мощность, м

1. Дерн.....0,05
2. Каменная насыпь, которая присутствует в самой южной и самой северной частях бровки 0,10-0,30
3. Насыпь кургана, представленная перемешанными кусками рыжей глины, темно-коричневого суглинка, темной гумусированной почвы, светло-желтой и коричневой супеси в нижней части и темно-бурой супеси в верхней части, СП 3-5 и СП 7-10 0,55-0,76
4. Погребенная черная гумусированная почва, СП 2..... 0,08-0,20
5. Светло-коричневый плотный суглинок (материк), СП 1 и 6..... 0,16-0,20

Глубина разреза в месте отбора колонки I составила 0,95 м, колонки II – 1,00 м (рис. 2, 3).

Рис. 2. Западная стенка южной части бровки по линии север-юг и места отбора проб на спорово-пыльцевой анализ в центральной части могильника
А – колонка I, Б – колонка II

Рис. 3. Сохранившейся под каменной насыпью слой погребенной почвы

Результаты исследования. В образцах, отобранных из материка, из самого нижнего слоя светло-коричневого плотного суглинка (сл. 5, колонка I, СП 1, гл. 0,80 м и колонка II, СП 6, гл. 0,93 м), были обнаружены единичные пыльцевые зерна трав (*Asteroideae*) и споры папоротников (*Polypodiaceae*).

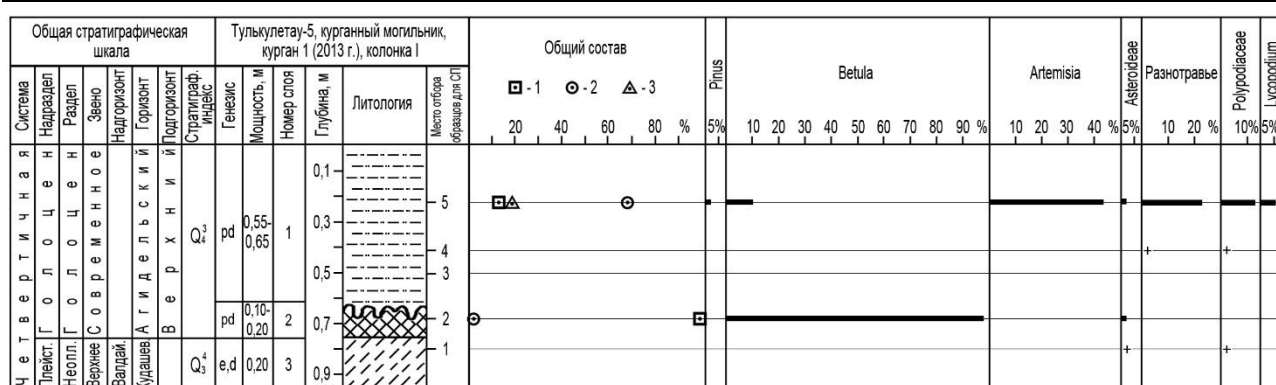
В пробе черной погребенной почвы из вышележащего слоя (сл. 2, колонка I, СП 4, гл. 0,68 м) выделен спорово-пыльцевой спектр с доминированием пыльцы древесных и кустарниковых растений (98 %), представленных исключительно пыльцевыми зернами *Betula* sp. Состав группы травянисто-кустарниковых растений (2 %) оказался таким же скудным, были выделены только пыльцевые зерна *Asteroideae*. Споры не обнаружены.

Образцы, отобранные из нижней части насыпи кургана, представленной комками светло-желтой супеси (сл. 3, колонка I,

СП 3, гл. 0,50 м) и рыжей глины (сл. 3, колонка II, СП 8, гл. 0,70 м), не содержали пыльцу и споры. Вероятнее всего, они представляют собой выброс из могильной ямы.

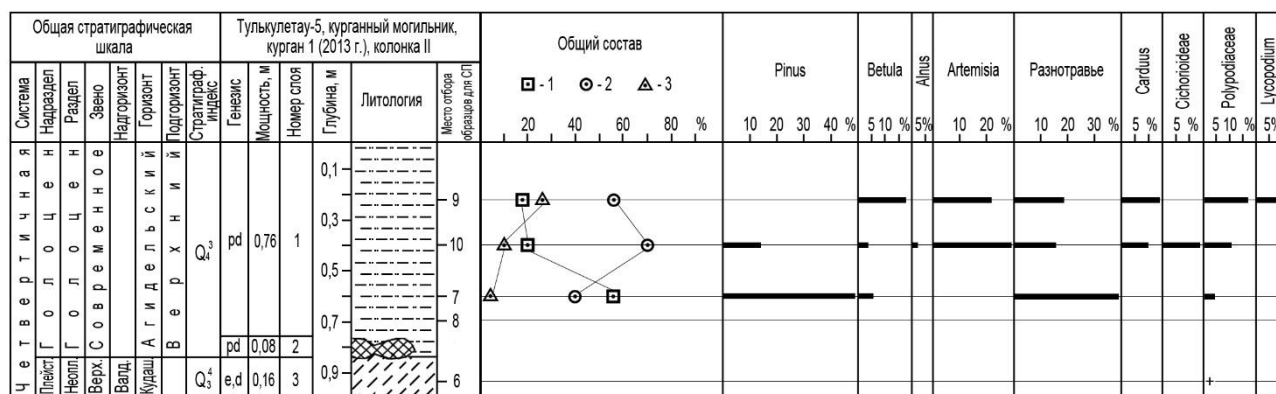
В средней части насыпи встречены остатки темно-бурых суглинков (сл. 3, колонка I, СП 4, гл. 0,43 м), схожие по палинологическому составу с пробами из материкового слоя суглинков. Здесь были диагностированы единичные пыльцевые зерна лугового разнотравья (*Rosaceae* и *Ariaceae*) и споры папоротников (*Polypodiaceae*).

Также в средней части, в образце коричневой супеси (сл. 3, колонка II, СП 7, гл. 0,60 м) получен палиноспектр с преобладанием пыльцы деревьев и кустарников (56 %): *Pinus sylvestris* (50 %) и *Betula* sp. (6 %). Среди травянисто-кустарниковых растений (40 %) встречены пыльцевые зерна представителей лугового разнотравья: *Rosaceae* (28 %) и *Asteroideae* (12 %). Споровые (4 %) представлены папоротниками (*Polypodiaceae*) (рис. 4 и 5).

Рис 4. Разрез плейстоценовых и голоценовых отложений курганного могильника Тулкулетау-5 и спорово-пыльцевая диаграмма (колонка I).

Условные обозначения для рис. 4, 5, 7: 1 – группа древесно-кустарниковых растений, 2 – группа травянисто-кустарничковых растений, 3 – группа споровых растений. Знаком + показаны места единичных находок пыльцы и спор. Генетические символы фаций: *pd* – почва, *e, d* – элювиально-делювиальный

Рис. 5. Разрез плейстоценовых и голоценовых отложений курганного могильника Тулкулетау-5 и спорово-пыльцевая диаграмма (колонка II)

В верхней части насыпи, в пробах темно-бурой супеси (сл. 3, колонка I, СП 5, гл. 0,22 м и колонка II, СП 10 и 9, гл. 0,40 и 0,22 м) обнаружены практически идентичные спорово-пыльцевые спектры с доминированием пыльцы трав и кустарничков (56-70%). В данной группе преобладали пыльцевые зерна *Artemisia* sp. (22-43 %). Отмечена высокая доля пыльцы лугового разнотравья (16-25 %): *Asterioideae*, *Rosaceae*, *Apiaceae*, *Scrophulariaceae*, *Carex* sp., а также синантропных таксонов (0-24 %): *Carduus* sp. и *Cichorioideae*. Среди древесно-кустарниковых растений (13-20 %) выявлены пыльцевые зерна *Betula* sp. (4-18 %) и *Pinus sylvestris* (0-14 %), редко встречается единичная пыльца *Alnus* sp. Среди споровых (10-26 %) диагностированы споры папоротников (*Polypodiaceae*) и плаунов (*Lycopodium* sp.).

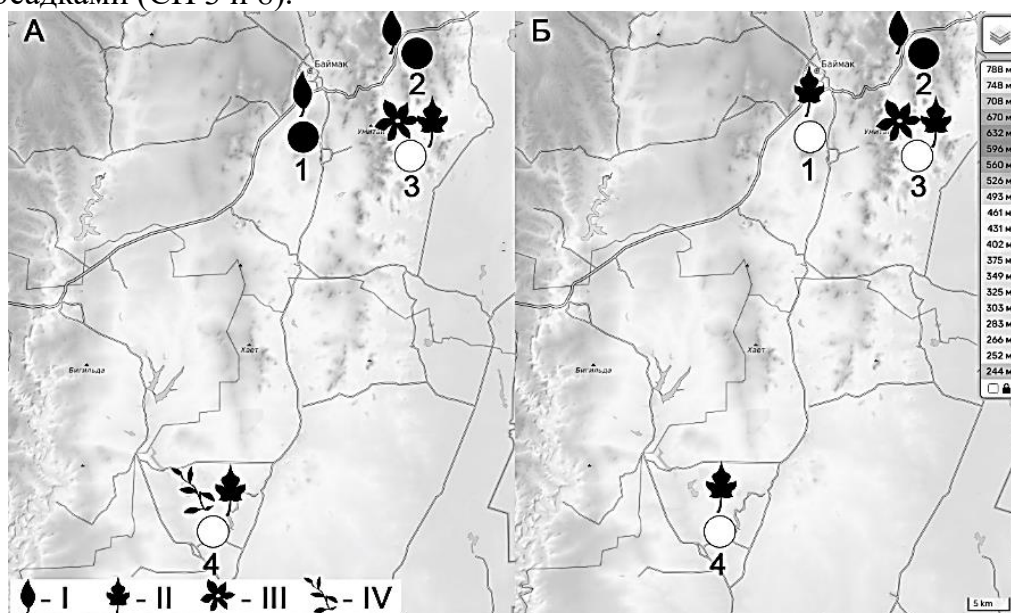
Во время формирования погребенной черной гумусированной почвы (СП 2) исследуемая территория была полностью занята березовым лесом. Климатическая обстановка в этот период была умеренно-влажной и умеренно-теплой. Антропогенное влияние на изучаемый горный участок отсутствовало. Факт высокой залесенности склонов во время формирования погребенной почвы согласуется с отсутствием курганов в пределах горы Тулкулетау в эпоху бронзы.

Высокая однородность составов и схожесть палиноспектров, полученных из верхней части насыпи в центральной части кургана (СП 5, 9 и 10), а также отсутствие подобных спектров в нижней и средней части, указывает на их единое происхождение. Вероятнее всего, поверхность центральной части кургана, где каменная

насыпь отсутствует, была выложена кусками дерна. Таким образом, во время подготовки могильника, на восточной плосковершинной подошве вершины горы Тулкулетау существовали открытые пространства, занятые преимущественно полынями. Здесь также встречались островные березовые леса, опушки которых зарастали видами лугового разнотравья, папоротниками и плаунами. В пойме реки встречалась ольха. Климат в это время стал более сухим, чем прежде (соответствует римскому климатическому оптимуму, ранне-субатлантическому потеплению). Присутствие в составе травостоя рудеральных растений (чертополох, цикориевые) указывает на наличие антропогенной нагрузки на территорию – в этот период шло длительное нарушение почвенного покрова.

Нижняя и средняя часть насыпи кургана была сформирована как верхнеплейстоценовыми отложениями, палиносооставы которых характеризуют распространение открытых пространств, занятых луговой растительностью (СП 4), и лесостепей с сосновыми лесами и луговым разнотравьем (СП 7), так и более древними «пустыми» осадками (СП 3 и 8).

Обсуждение результатов. Согласно палинологическим данным, полученным с других археологических памятников, которые были обнаружены в предгорьях хребта Ирэндик: поселения бронзового века – Таналык-2 [13] и Улак-1 [12], здесь была распространена совсем иная растительность. Так, равнинные части юго-востока Южного Урала в эпоху поздней бронзы были слабо залесены. В окрестностях поселений встречались островные мелколиственные березовые, ольховые и ивовые леса с участием широколиственных пород, а также сосновые леса. Широкое распространение имели сухие и луговые степи, занятые полынями, маревыми, злаками и разнообразными видами лугового разнотравья. В более поздний период, который можно сопоставить с ранним железным веком, залесенность предгорий стала еще меньше. Из состава островных лесов исчезли широколиственные элементы. На юге стали преобладать полыни, на севере распространилась сильно обедневшая луговая растительность, полыни и злаки. Климат сменился на более аридный (рис. 6).

Рис. 6. Топографическая карта юго-востока Южного Урала и характеристика ландшафтов: А – в эпоху бронзы, Б – в раннем железном веке.

1 – курганный могильник Тулкулетау-5, 2 – стоянка Кызыл-Яр-2, 3 – поселение Улак-1, 4 – поселение Таналык-2; черный круг – лесные ландшафты, белый круг – луга и степи; I – доминирование мелколиственных деревьев (преимущественно березы), II – преобладание полыни, III – преобладание лугового разнотравья, IV – преобладание маревых

В горной части Ирэндыкского хребта формирование средне- и верхне-лоценовых отложений происходило в схожих с горой Тулкулетау условиях [4, с. 6–27]. Так, по спорово-пыльцевым данным с палеолитической стоянки Кызыл-Яр-2 осадки этого времени (сл. почвы 2,

СП 6 и 7, гл. 0,70 и 0,50 м) начали отлагаться в период господства березовых лесов с примесью ольхи и ивы. Позже (сл. почвы 2, СП 8 и 9, гл. 0,30 и 0,20 м) шло постепенное увеличение площадей открытых пространств, занятых в основном луговым разнотравьем (рис. 7). Климат также менялся в сторону более аридного.

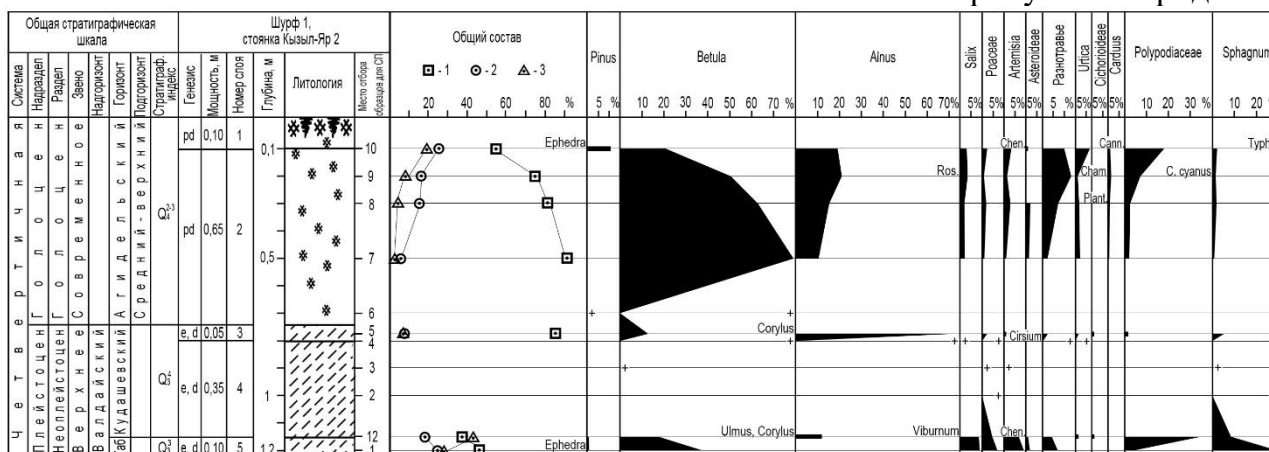

Рис. 7. Разрез плейстоценовых и голоценовых отложений стоянки Кызыл-Яр-2 и спорово-пыльцевая диаграмма [4, с. 6–27]

Выводы. Таким образом, благодаря новым палинологическим данным были охарактеризованы палеоландшафты и климат раннего железного века, существовавшие в пределах Ирэндыкского хребта. В предшествующий появлению могильника период (эпоха бронзы) горные массивы Ирэндыка, в том числе гора Тулкулетау, были сильно залесены березой. Климатические условия этого времени были благоприятными. В раннем железном веке они

начали сменяться более аридными обстановками. В эту эпоху на горе Тулкулетау шло увеличение площадей открытых пространств, занятых полынными сообществами. Граница степной зоны в пределах юго-востока Южного Урала в эпоху раннего железа сместилась на север.

Благодарности. Исследование выполнено частично при поддержке государственной бюджетной темы № FMRS-2025–0013 (лабораторные исследования).

Список литературы

1. Ахтарянова Д.И. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в южной части Баймакского района Республики Башкортостан в 2004 году. Уфа. Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ, 2005.
2. Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. 224 с.
3. Камалеев Э.В. Новые данные о погребальном обряде сарматов Южного Приуралья: по материалам курганного могильника Филипповка I // Известия Уфимского научного центра РАН, 2018. № 2. С. 86–90.
4. Котов В.Г., Курманов Р.Г., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Хурмаев А.А. Новые естественно-научные исследования палеолитических памятников в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник, 2024. Т. 24. № 1. С. 6–27.

5. Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник, 2019. № 1 (4). С. 35–44.
6. Овсянников В.В. Новые материалы Шиповского курганно-грунтового могильника // Уфимский археологический вестник, 2018. Вып. 18. С. 43–62.
7. Овсянников В.В., Русланов Е.В., 2022. Из истории археологических исследований // Ватандаш. 11 ноября 2022 г. Электронный ресурс: журнал Ватандаш. URL: <https://vatandash.ru/articles/100%20let%20istitutu%20istorii/2022-11-11/iz-istorii-arheologicheskikh-issledovaniy-3025858> (дата обращения 02.05.2025)
8. Савельев Н.С. Ирэндыкско-Крыктинская группа кочевников Южного Урала: критерии выделения и поисковые признаки памятников // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III региональной (с международным участием) научно-практической конференции. Челябинск: ЧелГУ, 2006. С. 176–179.
9. Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ, 2015. Вып. 15. С. 62–84.
10. Смирнов К.Ф. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.
11. Яминов А.Ф., Яминова С.А. Историко-археологический и ландшафтный музей-заповедник «Ирэндык» // Вестник Академии наук РБ, 2011. Том 16. № 3. С. 42–52.
12. Bakhshiev I.I., Kurmanov R.G. Palynological studies of cultural layers of the fortified settlement Ulak-1 of the Bronze Age (South Ural, Russia) // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham, 2023. P. 58–67.
13. Danukalova G., Osipova E., Yakovlev A., Kosintsev P. Paleoenvironment of the bronze age settlement Tanalyk located in the Trans-Urals region (Russia) // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connected between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA -SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21-26, 2010). Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre RAS Press, 2010. P. 39.

LANDSCAPES AND CLIMATE OF THE SOUTH-EAST OF THE SOUTHERN URALS IN THE EARLY IRON AGE ACCORDING TO THE DATA OF THE TULKULETAU BURIAL MOUND-5

Based on the results of spore-pollen analysis of the deposits of the burial mound Tulkuletau-5, located on the western slope of Mount Tulkuletau (Irendyk Ridge), it was possible to characterize the vegetation and climate that existed within the monument during the Bronze and Early Iron Ages. Before the burial mound appeared, the mountain area was covered with a continuous birch forest. The climate of this period is reconstructed as moderately warm and moderately humid. Later, open spaces overgrown with wormwood became widespread in the vicinity of the archaeological site. The forests were represented by birch groves, and there were also floodplain forests with alder. Representatives of meadow grasses, ferns and club mosses grew along the forest edges. The territory of the monument at that time experienced constant anthropogenic pressure, various ruderal plants (*Carduus* and *Cichorioideae*) were found. The climate in the early Iron Age became drier. The obtained data were compared with materials from other sites in the south-east of the Southern Urals. Generalized landscape and climate characteristics of the Early Iron Age indicate a shift to the north of the steppe zone boundary and indicate aridization of the climate in the region. These data are also consistent with previously obtained palynological materials from the Southern Fore-Urals and the mountain-forest zone of the Southern Urals, where an increase in open spaces in the Early Iron Age was also recorded. The only difference is the absence in the southeast of the Southern Urals of indicators of strong cooling corresponding to the climatic pessimum of the Iron Age, noted in the Southern Fore-Urals, which indicates the existence of milder conditions in the studied area at this time.

Keywords: palynology, early sarmatian culture, prokhorovka culture, Irendyk ridge, Southern Urals, burial mound Tulkuletau-5, Roman climatic optimum, climate aridization.

References

1. Akhtaryanova D.I. (2005) Nauchnyj otchet o razvedochnykh arheologicheskikh issledovaniyah v yuzhnoj chasti Bajmaksogo rajona Respubliki Bashkortostan v 2004 godu [Scientific report on exploratory archaeological research in the southern part of the Baimak district of the Republic of Bashkortostan in 2004]. Ufa. Archive of the archaeological research department of the State Budgetary Cultural Institution of the Scientific and Practical Center of the Archaeological Museum of the Republic of Bashkortostan.
2. Grichuk V.P., Zaklinskaya E.D. (1948) Analiz iskopaemykh pyl'cy i spor i ego primeneniye v paleogeografii [Analysis of fossil pollen and spores and its application in paleogeography]. M.: State Publishing House of Geographical Literature. 224 p.
3. Kamaleev E.V. (2018) Novye dannye o pogrebal'nom obryade sarmatov Yuzhnogo Priural'ya: po materialam kurgannogo mogil'nika Filippovka I [New data on the burial rite of the Sarmatians of the Southern Urals: based on the materials of the burial mound Filippovka I]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN*. N. 2, pp. 86–90.
4. Kotov V.G., Kurmanov R.G., Nikolaev S.Yu., Rumyantsev M.M., Khurmaev A.A. (2024) Novye estestvenno-nauchnye issledovaniya paleoliticheskikh pamyatnikov v Yuzhnom Zaural'e [New natural science studies of Paleolithic sites in the Southern Trans-Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*. N. 1. pp. 6–27.
5. Kurmanov R.G., Ovsyannikov V.V., Savelyev N.S., Galeev R.I. (2019) Rekonstrukciya rastitel'nosti i klimata Yuzhnogo Predural'ya v subboreale i subatlantike (po materialam pamyatnikov kara-abyzskoj kul'tury) [Reconstruction of vegetation and climate of the Southern Fore-Urals in the subboreal and subatlantic (based on materials from Kara-Abyz culture sites)]. *Geologicheskij vestnik*. N. 1 (4). pp. 35–44.
6. Ovsyannikov V.V. (2018) Novye materialy Shipovskogo kurganno-gruntovogo mogil'nika [New materials from the Shipovsky burial-ground burial ground]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*. N. 18. pp. 43–62.
7. Ovsyannikov V.V., Ruslanov E.V. (2022) Iz istorii arheologicheskikh issledovaniy [From the history of archaeological research]. *Vatandash*. November 11, 2022. URL: <https://vatandash.ru/articles/100%20let%20istitutu%20istorii/2022-11-11/iz-istorii-arheologicheskikh-issledovaniy-3025858> (accessed 02.05.2025)
8. Savelyev N.S. (2006) Irendyksko-Kryktinskaya gruppa kochevnikov YUzhnogo Urala: kriterii vydeleniya i poiskovye priznaki pamyatnikov [Irendyk-Kryktinskaya group of nomads of the Southern Urals: criteria for identification and search features of monuments]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the Southern Urals]: Proceedings of the III regional (with international participation) scientific and practical conference. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 176–179.
9. Savelyev N.S. (2015) Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoj chasti gorno-lesnoj zony Yuzhnogo Urala [Settlement monuments of scythian-sarmatian time nomads in southern mountain and forest area of South Ural]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*. N. 15. pp. 62–84.
10. Smirnov K.F. (1989) *Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. M.: Nauka publ. 464 p.
11. Yaminov A.F., Yaminova S.A. (2011) Istoriko-arheologicheskij i landshaftnyj muzej-zapovednik «Irendyk» [Historical, archaeological and landscape museum-reserve “Irendyk”]. *Vestnik Akademii nauk RB*. N. 3, pp. 42–52.
12. Bakhshiev I.I., Kurmanov R.G. (2023) Palynological studies of cultural layers of the fortified settlement Ulak-1 of the Bronze Age (South Ural, Russia). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022*. Springer Proceedings in Earth and Environmental

Sciences. Springer, Cham. pp. 58–67.

13. Danukalova G., Osipova E., Yakovlev A., Kosintsev P. (2010) Paleoenvironment of the bronze age settlement Tanalyk located in the Trans-Urals region (Russia). Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connected between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA -SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21-26, 2010). Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre RAS Press. p. 39.

Об авторах

Курманов Равиль Гадельевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геологии кайнозоя, Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Россия). E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru

Гиззатов Дим Замирович – начальник отдела археологических исследований, АНО «Евразийский музей кочевых цивилизаций» (Россия). E-mail: arhnpc@mail.ru

Kurmanov Ravil Gadelevich – Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of Cenozoic Geology, Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru

Gizatov Dim Zamirovich – Head of Archaeological Research Department Eurasian Museum of Nomadic Civilizations (Russia). E-mail: arhnpc@mail.ru

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Брянск).

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ СУДАНОМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АНГЛО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ 1910-Х – 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается одним из аспектов сложного процесса трансформации механизмов британского колониализма после завершения Первой мировой войны. Колониальная система Великобритании отличалась максимальной вариативностью форм и методов администрирования. Отдельная уникальная форма управления в рамках британских колониальных владений сложилась в 1899 г. Судане, оказавшемся под формально совместным управлением Великобритании и Египта. Проблема администрирования суданскими территориями продолжала оставаться одним из ключевых раздражителей в англо-египетских отношениях на протяжении более полувека. Один из наиболее сложных для британского присутствия в Судане периодов пришелся на первую половину 1920-х гг., что было обусловлено как подъемом национально-освободительного движения в Египте, так и ростом антиколониальных настроений среди различных групп суданского населения. На фоне нараставших трудностей, британская администрация предприняла попытку реформирования административной системы Судана, направленную как на обеспечение более эффективного контроля над территориями с весьма разнородным этноконфессиональным составом населения, так и на снижение финансовых издержек в условиях возникших экономических трудностей.

Ключевые слова: англо-египетский кондоминиум, система колониального администрирования, национально-освободительное движение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-53-61

Введение. Следствием Первой мировой войны явились серьезные изменения характера и принципов организации британской колониальной системы, наиболее активный период формирования которой пришелся на поздневикторианскую эпоху. Основным содержанием происходившей трансформации явилась попытка адаптировать традиционные колониальные интересы к происходившим в данное время внутренним социально-экономическим и политическим изменениям в Великобритании, а также к специфике новой системы международных отношений, складывавшейся по итогам войны. Одной из основных форм происходивших адаптационных сдвигов явились преобразования, направленные на формирование в ряде подконтрольных территорий завуалированной системы контроля, обеспечивавшей видимость частичного отказа Великобритании от традиционной модели колониализма, а также способ-

ствовавшей сокращению финансового бремени на управление колониями.

Одним из характерных примеров реализации данной стратегии явились изменения, произошедшие после Первой мировой войны в системе англо-египетских отношений. После британской оккупации Египта, произошедшей в 1882 г., Великобритания исходя из соображений международной политики воздержалась от формальной аннексии египетской территории. С формальной точки зрения Египет вплоть до ноября 1914 г. продолжал оставаться частью Османской империи. Вместе с тем, в соответствии с принятым в мае 1883 г. Органическим статутом, фактически выполнявшим функцию конституционного закона, ключевые сферы управления египетским государством передавались под контроль британских советников. Кроме того, законом формально закреплялось неограниченное британское военное присутствие в Египте и контроль Великобритании над

Суэцким каналом. Ключевую роль в системе британского контроля над Египтом долгое время выполнял лорд Кромер (Э. Беринг) на протяжении 24 лет (1883-1907 гг.) занимавший должность британского агента и генерального консула в Каире.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования в рамках данной статьи являются трансформационные процессы, происходившие в рамках британской колониальной системы после завершения Первой мировой войны. Данные процессы рассматриваются на примере эволюции системы англо-египетского кондоминиума и административных преобразований в Судане в первой половине 1920-х гг. При изложении материала использовался проблемно-хронологический принцип, позволяющий наиболее полно воссоздать последовательность рассматриваемых событий. Важной составляющей исследовательского процесса явилось также использование комплексного подхода в работе с источниками, сочетающего сравнительно-исторический анализ и применение методов герменевтики.

Результаты и их обсуждение. К числу важных аспектов британской политики в Египте в 1880- 1890-х гг. относился вопрос о контроле над Суданом, находившимся в египетской сфере влияния с начала XIX в. После разгром в 1898 г. в результате англо-египетской военной экспедиции под командованием генерал-майора Г.Г. Китченера Махдистского государства, Великобритания смогла реализовать свою давнюю стратегическую цель, связанную с установлением контроля над всем бассейном Нила. В 1899 г. данный контроль был формально закреплён англо-египетским соглашением, установившим в Судане систему кондоминиума, то есть совместного англо-египетского управления [2, с.212].

Вместе с тем, возглавлявший британскую администрацию в Судане к моменту

завершения Первой мировой войны генерал-губернатор Ли Стэк был последовательным сторонником минимизации египетского участия в управлении Суданом, ссылаясь на слабую компетентность и корумпированность египетских чиновников. Вопреки предусмотренной соглашениями о кондоминиуме необходимости согласования с правительством Египта ряда вопросов, связанных с формированием бюджета и использованием египетских войск в Судане, британские власти в большинстве случаев игнорировали данные формальности. Ли Стэк, также как и его предшественник на посту Р.Уингейт, стремились ограничить влияние Египта даже в традиционной сфере религиозных отношений. Так, за период с 1899 по 1914 г. представителей египетского Законодательного собрания лишь дважды приглашали на официальные мероприятия, проводившиеся в Судане [16, р. 114].

Попытки минимизировать роль Египта в системе кондоминиума продолжали осуществляться представителями британской администрации и после завершения Первой мировой войны. Несмотря на неоднократные заявления правительства Великобритании о том, что Судан «был и остаётся частью Египта», египтяне продолжали оставаться практически исключёнными из системы суданской администрации [3, с.81]. В данной связи, характерную для британских администраторов точку зрения, высказал Р. Уингейт, заявивший, что «египетские чиновники и политические деятели, в своей основной массе, являются носителями опасных националистических и панисламистских идей», от которых, по его мнению, нужно всячески ограждать население Судана [17, р.48].

Окончание Первой мировой войны привело к дестабилизации политической ситуации в Судане, в немалой степени, обусловленной последствиями послевоенного экономического кризиса. Суще-

ственное снижение цен на основные продукты суданского экспорта, и, в первую очередь, на хлопок, привело к падению доходов значительной части населения и росту безработицы. Кроме того, произошло заметное сокращение финансирования строительства важных инфраструктурных проектов, включая плотину *Маквар* на Голубом Ниле, а также нескольких оросительных каналов. Доходы администрации Судана в период с 1920 по 1922 гг. сократились более чем на четверть. В сложившихся условиях британской администрации пришлось ввести жесткую экономию бюджетных средств, в том числе и в сфере поддержания порядка и обеспечения безопасности [6, р. 141].

В начале 1920-х гг. в некоторых регионах Судана происходит заметный подъем протестной активности, который в силу специфики менталитета местного населения в основном приобрел форму религиозных движений. Одним из важных центров антибританских выступлений в данный период становится Южный Дарфур, где продолжалась подпольная деятельность радикальных исламистских ячеек, являвшихся осколками разгромленного Махдистского государства. В частности, осенью 1921 г. британские источники сообщали об активизации деятельности радикальных религиозных групп в округе *Ньяла*. Один из религиозных проповедников, объединивший вокруг себя часть местных кочевников, объявил о начале джихада против британцев. Для локализации восстания губернатор Дарфура в распоряжении которого находились ограниченные полицейские силы был вынужден запросить поддержки подразделений Западного арабского корпуса [17, р.57].

На фоне обострения внутренней ситуации британская администрация по согласованию с правительственными структурами инициировала проведение определенных преобразований в системе управления Суданом. При этом характер

политики в северной и южной части суданской территории заметно отличался. На севере уже к концу 1921 г. начался процесс создания муниципальных советов, в состав которых были включены местные старейшины и шейхи кочевых племен. Существенно сложнее ситуация складывалась в южной части Судана, значительную часть населения которой составляли находившиеся на весьма примитивной стадии развития нилотские племена. В 1921 г. была предпринята первая попытка создания централизованной системы управления в регионе проживания племени *нуэр*. В тоже время, аналогичные мероприятия на территории проживания народности *динка* вызвали серьезное сопротивление, лидером которого стал один из местных колдунов, предсказывавший соплеменникам скорое падение британской власти [10, р.128].

В целом политика британской администрации в Судане в начале 1920-х гг. была направлена на расширение системы косвенного управления, модели которой несколько отличались в различных регионах. Согласно официальным оценкам, целью административной политики являлось установление «...управления, сосредоточенного, насколько это возможно, в руках местных властей», которые, в свою очередь, находились под контролем «правительства, определяющего, что оно считает необходимым и накладывающего свое вето на то, что, по его мнению, является опасным и неблагоприятным, ...справедливого и поддерживающего то, что является разумным и в обычаях туземцев» [9, р. 273]. В соответствии с оценками британских официальных лиц, система администрирования в Судане была нацелена на то, чтобы поощрять «...местных вождей управлять собственными племенами в соответствии с местными обычаями, в той мере, в которой данные обычаи не противоречат идеям справедливости и гуманности, а также предполагает невмешательство за исключением случаев крайней необходимости» [10, р.133].

В 1922 г. специальным указом генерал-губернатора в северных районах Судана, населенных преимущественно арабскими кочевыми племенами, были узаконены властные полномочия около 300 шейхов, которых таким образом пытались интегрировать в колониальную администрацию. Одновременно в южных суданских провинциях началась судебная реформа, предполагавшая, в том числе использование в рамках реализации судебных функций традиционных племенных структур [14, р. 78].

Отдельным регионам Судана в данный период была представлена определенная административная автономия. Так, в провинции Дар-Масалит в начале 1920-х гг. система управления была подчинена местному султану, который управлял своими владениями как через агентов, назначенных им лично, так и через традиционные племенные структуры, включавшие отдельные племена и общины. Минимальной административной единицей при этом являлось объединение из 6 соседних деревень. Назначенные султаном чиновники, «как в исполнительной, так и судебной сферах», действовали при этом независимо от вождей племен. В итоге, данная двойная «система контроля привела к серьезной путанице» и «нарушениям как в сборе налогов, так и в отправлении правосудия» [10, р.138].

Полномочия и юрисдикция различных органов власти в рамках создаваемой в начале 1920-х гг. в Судане косвенной системы управления были нередко весьма расплывчатыми, в результате чего эффективность деятельности органов администрирования в значительной степени зависела от личных качеств и способностей местных правителей. В данной связи, в документах британской администрации отмечалась необходимость принятия дополнительных мер, направленных, в том числе, на стимулирование экономического роста и повышение собираемости налогов [17, р.54].

Кроме того, система британских экономических интересов в регионе в начале 1920-х гг. основывалась на прогнозе, связанном с растущей зависимостью индийской промышленности от поставок сырья из Египта и Судана, в условиях, когда «развитие производства хлопка в Ираке пока остаётся в стадии планирования...» [11, р.755]. Как подчеркивалось в одном из официальных документов, «Британская кровь и британский капитал, энергия британских проконсулов не позволяют нам допустить того, чтобы эти ресурсы попали в руки... Японии, Соединённых Штатов, Германии и других государств, нуждающихся в хлопковом сырье...» [7, р. 609] Согласно приведённым оценкам, общий объём британских капиталов, вложенных в развитие ирригационных систем, создание хлопковых плантаций, строительство железных дорог и иных видов инфраструктуры в начале 1920-х гг., превышал 6 млн. ф. ст. При этом в документе делалась отдельная ссылка на 6-й пункт отчёта А. Милнера в котором отмечалось, что в независимости от возможного изменения статуса, Судан также как и Египет останутся «неотъемлемой частью Британской империи» [7, р. 609].

Общественно-политическая ситуация в Судане в начале 1920-х гг. развивалась под большим воздействием процессов, происходивших в Египте. После опубликования в феврале 1922 г. британским правительством декларации о ликвидации британского протектората над Египтом и признании его формальной независимости, ведущая оппозиционная египетская партия «Вафд» выдвинула требование о выводе египетских войск из Судана и создании единого египетско-суданского государства [11, р.759].

В ходе дебатов в Палате общин в марте 1922 г. «обозначилась принципиальная разница в позициях основных партий относительно путей урегулирования ситуации в Египте и Судане... Лейбо-

ристская партия выступила с решительной поддержкой требований Заглул-паши относительно создания ответственного египетского правительства» [8, col. 271]. В то же время ряд консерваторов критиковали правительственную политику как «нерешительную и неуклюжую», и, как отмечалось в информационном сообщении советского полпреда в Лондоне, «обвиняли премьер-министра в игнорировании жалобы членов партии от Ланкашира», поданной 15 марта, в которой выражалось беспокойство относительно неопределённости ситуации с британскими интересами в Египте на фоне растущей конкуренции в сфере производства хлопковых тканей со стороны Японии и Германии. Нестабильность в Египте и Судане могла, по их мнению, привести к прекращению поставок длинноволокнистого хлопка и вызвать для британской промышленности хлопковый голод, сопоставимый с произошедшим в период гражданской войны в США [1, л.98].

В процессе обсуждения перспектив заключения полномасштабного соглашения об англо-египетском альянсе, обозначились определённые различия в позициях основных британских политических сил. Точка зрения большинства консерваторов, обозначенная ими в обеих Палатах парламента, сводилась к необходимости следования формуле лорда Кёрзона, изложенной им в 1924 г. В соответствии с ней, интересы Великобритании в Египте должны оставаться незыблемыми и исходить из формулы, изложенной в соглашении 1922 г. Большинство лейбористов выражали принципиальное согласие относительно позиций, касавшихся контроля над Суэцким каналом и Суданом.

В январе 1924 г. на первых, после введения египетской конституции, парламентских выборах уверенную победу одержала партия «Вафд». Лидер партии Заглул-паша настаивал на полном выводе британских войск из Египта и включении Судана в состав египетского государства.

На фоне успеха вафдистов в Судане произошли столкновения между британскими и египетскими подразделениями, достигшие своей кульминации в ходе хартумского восстания в ноябре 1924 г. После этих событий Заглул-паша был отправлен в отставку. Власть перешла к королю и более умеренным политическим деятелям, представлявшим, в основном либерально-конституционную партию.

На фоне возраставшего влияния на ситуацию в Судане развития египетского политического движения, в августе 1924 г. в Лондоне состоялось специальное правительственное совещание с участием британского верховного комиссара и генерал-губернатора в Судане. В ходе совещания представители британской администрации заявили о выявлении заговора среди старших офицеров одного из египетских артиллерийских подразделений, готовивших мятеж против англичан, который предполагалось распространить в том числе на территорию Судана. По итогам обсуждения премьер-министр Дж. Р. Макдональд высказался за минимизацию участия египтян в управлении Суданом и полный вывод с суданской территории египетских войск [12, p.158].

К концу лета 1924 г. в британском правительстве сложилось преобладающее мнение относительно необходимости ликвидации даже формальных элементов кондоминиума и перевода Судана под единоличное управление Великобританией. Данное решение обосновывалось необходимостью обеспечения общественной безопасности на суданской территории. Британское руководство, при этом, сознательно игнорировало существовавшие ранее договоренности, а также положения декларации 1922 г., обозначавшие основные принципы формирования англо-египетских отношений.

Данная позиция вызвала критику со стороны ставшего в конце 1924 г. главой Форин Офиса О. Чемберлена, высказывавшего заметный скепсис относительно

планов ликвидации системы кондоминиума, которые, по его мнению, могли привести к еще большему осложнению позиций Великобритании в Египте, где к тому моменту находился у власти относительно лояльный Лондону кабинет во главе с Зивар-пашой. Кроме того, О. Чемберлен опасался возможной негативной реакции на ограничение законных прав Египта в Судане со стороны международного сообщества.

Одним из следствий радикализации настроений в Египте явилось убийство 19 ноября 1924 г. в Каире британского генерал-губернатора в Судане Ли Стэка. Оно вызвало дальнейшее обострение англо-египетских отношений. 22 ноября Верховный комиссар Великобритании в Египте и Судане лорд Э. Алленби передал египетскому правительству британский ультиматум, содержащий требования наказания виновных, выплаты денежной компенсации, а также вывода в течение суток египетских войск с территории Судана [4, с.144].

Наряду с вытеснением египтян из суданской администрации, Великобритания добилась полного прекращения египетского военного присутствия в Судане, что де-факто означало его полное превращение в британскую колонию. Для поддержания порядка и обеспечения безопасности британскими властями было инициировано создание так называемых Суданских сил самообороны, состоявших исключительно из представителей местного населения.

6 декабря 1924 г. исполняющий обязанности генерал-губернатора Судана В. Стерри, по согласованию с другими представителями британской администрации, телеграфировал в Каир: «Основы кондоминиума оказались совершенно ненадежными, и мы не можем далее сохранять систему комплектования вооруженных сил в Судане восстановить армию на основе принципа «двойной лояльности» [13, р.275]. Подобная система, по его мнению,

была неспособна гарантировать, что «у нас не будет еще одного мятежа...и, если это произойдет, мы окажемся способны справиться с ним...с нашими нынешними силами... Вероятность дальнейшего мятежа будет очень велика, если не спустить египетский флаг» [13, р.276].

Позиция исполняющего обязанности генерал-губернатора получила поддержку со стороны большинства других британских официальных лиц, связанных с системой британского управления в Судане, которые были шокированы убийством Ли Стэка и настаивали на жесткой ответной реакции. Британское руководство в итоге, решило действовать более сдержанно. Ограничив реализацию некоторых совместных с Египтом экономических проектов в Судане и потребовав полного вывода египетских войск с суданской территории, кабинет С. Болдуина все же не пошел на полную ликвидацию системы кондоминиума. Согласно существующему в историографии мнению, кризис, возникший в конце 1924 г., явился дополнительным фактором, осложнившим перспективы возможной нормализации англо-египетских отношений и приведший к временному замораживанию переговоров о заключении двустороннего договора [10, р.140].

К январю 1925 г. британской администрации удалось добиться определенных результатов в реорганизации вооруженных сил на территории Судана, связанной с выводом египетских войск. 12 марта 1925 г. лорд Алленби, занимавший пост Верховного комиссара Великобритании в Египте и Судане направил египетскому премьер-министру Зивар-паше специальное послание. В нем он выражал готовность пойти на встречу просьбам египетской стороны относительно восстановления ее участия в управлении Суданом на основе конвенции Бутроса-Кромера 1899 г. Согласно достигнутым договоренностям, Египет должен был вносить ежегодный взнос на развитие Судана в

размере 750 тыс. ф.ст. [17, р.58] С точки зрения Зивар-паши данная договоренность означала формальное восстановление системы кондоминиума.

В 1925 г. лорд Алленби на посту британского верховного комиссара в Египте и Судане заменил лорд Ллойд. По случаю своей отставки лорд Алленби дал обстоятельное интервью газете «Таймс», в которой охарактеризовал положение дел в Египте как «превосходное». «Лорд Алленби прибыл в Египет в разгар свирепого шторма. Он оставляет ее в спокойном состоянии, которое поражает своими контрастами, и впечатляет добрыми предзнаменованиями. Британский престиж в Египте сегодня стоит выше, чем это было, когда лорд Китченер покинул страну в 1914 году» - отмечалось в редакционном комментарии [15, р. 5]. Оценивая итоги собственной деятельности, Э. Алленби отмечал: «...то, что я расцениваю как эффективную систему администрирования, не опирается на силу в обычном смысле, это управление на основе взаимопонимания, с учётом понимания трудностей Египта. При этом администратор смог сделать всё для того, чтобы помочь дружественному сотрудничеству и положить конец возмущению, которое проявилось в 1921 году...» [5, р. 99].

Заключение (выводы). В первой половине 1920-х гг. в системе британского администрирования в Судане произошли существенные изменения, отражавшие как общие тенденции, характерные в данное время для всей колониальной периферии Великобритании, так и специфические процессы, происходившие в египетско-суданском субрегионе.

Определяющими их них явилось заметное осложнение социально-экономической обстановки, произошедшее после завершения Первой мировой войны, а также подъем национально-освободительного движения в Египте, приведший на рубеже 1910-х – 1920-х гг. к оформлению массовых политических организаций и заставившее Великобританию в 1922 г. пойти на отмену введенной в 1914 г. системы протектората. В данных условиях британская стратегия в Судане приобрела двойственный характер. С одной стороны, она предполагала расширение системы косвенного управления и большую опору на местную родоплеменную знать с учетом специфики этноконфессионального состава суданского населения. С другой, она была ориентирована на минимизацию египетского политического и военного присутствия в Судане. Своей кульминации курс на фактическую ликвидацию системы кондоминиума достиг после убийства в ноябре 1924 г. египетскими радикалами британского генерал-губернатора в Судане Ли Стэка. Тем не менее, кабинет С. Болдуина воздержался от формальной отмены системы двойственного управления, стремясь сохранить лояльность со стороны части египетских элит и обеспечить перспективы для дальнейших переговоров о заключении двустороннего договора. По итогам сложных дискуссий британское руководство пришло к решению о сохранении кондоминиума как оптимальной политико-правовой формы обеспечения колониальных интересов Великобритании на территории Судана.

Список литературы

1. АВП РФ. Ф. 69, опись 10, папка 25.
2. Бурьян М.С. Египет в политике Великобритании: проблема статуса: (последняя четверть XIX - первая треть XX вв.) / Британская империя в XX веке. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010. С. 204-222.
3. Киселев В.И. Путь Судана к независимости. М., 1958. 189 р.
4. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. Изд. 2, М., 1959. 370 с.

5. Al-Sayyid M. *Egypt's Liberal Experiment: 1922-1936*. Los Angeles: University of California Press, 1977. 276 p.
6. Collins, R.O. *British in the Sudan 1898-1956*. L.: Macmillan in association with St. Antony's College, Oxford, 1984. 258 p.
7. Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol. 21.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
9. Hyam R. *Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 484 p.
10. Lloyd G. *Egypt since Cromer*. N.Y.: Macmillan and Co, Limited St. Martin's Street, London, 1934. Vol. II. 434 p.
11. Louis W. R. *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization*. N.Y.: I.B. Tauris, 2006. 1088 p.
12. Marlowe J. *Anglo – Egyptian Relations 1800-1953*. L.: Hamden, Conn., Archon Books, 1954. 476 p.
13. Morris J. *Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat*. N.Y.: Harcourt, Brace Jovanovich, 1978. 576 p.
14. Porter B. *The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011*. L., N.Y., 2013. 387 p.
15. The Times. 1925 2nd May.
16. Vatikiotis P. *The Modern History of Egypt* New York, 1969. 512 p.
17. Warburg C.R. *Egypt and the Sudan. Studies in History and Politics*. L.:Taylor & Francis Ltd, 1985 P. 48-57.

THE PROBLEM OF SUDAN'S GOVERNANCE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ANGLO-EGYPTIAN RELATIONS AT THE TURN OF THE 1910S- 1920S.

The article examines one of the aspects of the complex process of transformation of the mechanisms of British colonialism after the end of the First World War. The British colonial system was characterized by the maximum variability of forms and methods of administration. A separate unique form of government within the British colonial possessions was formed in 1899 in Sudan, which was formally under the joint administration of Great Britain and Egypt. The problem of the administration of the Sudanese territories continued to be one of the key irritants in Anglo-Egyptian relations for more than half a century. One of the most difficult periods for the British presence in Sudan occurred in the first half of the 1920s, which was due to both the rise of the national liberation movement in Egypt and the growth of anti-colonial sentiments among various groups of the Sudanese population. Against the background of growing difficulties, the British administration attempted to reform the administrative system of Sudan, aimed both at ensuring more effective control over territories with a very diverse ethnic and religious composition of the population, and at reducing financial costs in the face of economic difficulties.

Keywords: Anglo-Egyptian condominium, colonial administration system, national liberation movement.

References

1. AVP RF. F. 69, opis' 10, papka 25.
2. Bur'yan M.S. *Egipet v politike Velikobritanii: problema statusa: (poslednyaya chetvert' XIX - pervaya tret' XX vv.) / Britanskaya imperiya v XX veke. Pod red. Pegusheva A.M. i dr. M., 2010. S. 204-222.*
3. Kiselev V.I. *Put' Sudana k nezavisimosti*. M., 1958. 189 p.
4. Rotshtejn F.A. *Zahvat i zakabalenie Egipta*. Izd. 2, M., 1959. 370 s.
5. Al-Sayyid M. *Egypt's Liberal Experiment: 1922-1936*. Los Angeles: University of California Press, 1977. 276 p.

6. Collins, R.O. *British in the Sudan 1898-1956*. L.: Macmillan in association with St. Antony's College, Oxford, 1984. 258 p.
7. Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol. 21.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
9. Hyam R. *Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 484 p.
10. Lloyd G. *Egypt since Cromer*. N.Y.: Macmillan and Co, Limited St. Martin's Street, London, 1934. Vol. II. 434 p.
11. Louis W. R. *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization*. N.Y.: I.B. Tauris, 2006. 1088 p.
12. Marlowe J. *Anglo – Egyptian Relations 1800-1953*. L.: Hamden, Conn., Archon Books, 1954. 476 p.
13. Morris J. *Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat*. N.Y.: Harcourt, Brace Jovanovich, 1978. 576 p.
14. Porter B. *The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011*. L., N.Y., 2013. 387 p.
15. The Times. 1925 2nd May.
16. Vatikiotis P. *The Modern History of Egypt* New York, 1969. 512 p.
17. Warburg C.R. *Egypt and the Sudan. Studies in History and Politics*. L.:Taylor & Francis Ltd, 1985 P. 48-57.

Об авторе

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Sagimbaev Alexey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

УДК 910.4

Тулянов В.А., кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет просвещения (Россия)

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX В.: АЛЕКСАНДР ДЮМА И ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

Статья посвящена изучению поездок Александра Дюма (7-9 сентября 1858 г.) и Теофиля Готье (конец января 1859 г.) в Троице-Сергиев монастырь. Источниковую базу проведенного исследования составили путевые записки А. Дюма и Т. Готье. Были поставлены следующие исследовательские задачи: выявить особенности восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье; проанализировать путевые записки А. Дюма и Т. Готье как исторический источник по истории Троице-Сергиева монастыря в конце 1850-х гг. Актуальность исследования заключается в слабой изученности данного круга вопросов и в том, что путевые записки А. Дюма и Т. Готье прежде не привлекались для решения такого рода задач. В статье показано, что путевые записки А. Дюма и Т. Готье являются важным историческим источником по истории Троице-Сергиева монастыря и его окрестностей в конце 1850-х гг. Дополняя друг друга и, в целом, ни в чем не противореча, записки А. Дюма и Т. Готье дают ценную информацию по целому ряду вопросов, включая особенности паломнического маршрута из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, повседневность паломников и туристов в монастырской гостинице, численность монахов и другим. Кроме того, выделены особенности восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье как музея, обоими авторами акценты были сделаны на описании монастырских богатств, прочных связях монастыря с российскими монархами и вельможами и важной роли монастыря в российской истории. Также в статье обозначены стилистические особенности путевых записок А. Дюма и Т. Готье.

Ключевые слова: Троице-Сергиев монастырь, Александр Дюма, Теофиль Готье, путевые записки, записки иностранцев о России.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-62-74

Введение. Объектом исследования данной статьи являются поездки двух французских путешественников – Александра Дюма (1802-1870) и Теофиля Готье (1811-1872) – в Троице-Сергиев монастырь, которые они совершили с разницей всего в 5 месяцев: первый – в сентябре 1858 г., второй – в январе 1859 г. Основным источником проведенного исследования стали путевые записки А. Дюма («Путевые впечатления. В России») и Т. Готье («Путешествие в Россию»); также для уточнения некоторых деталей маршрута из Москвы в Троице-Сергиев монастырь и особенностей проживания в монастырской гостинице использованы записки маркиза Астольфа де Кюстина (1790-1857), побывавшего в монастыре в 1839 г. Задачи статьи: выявить особенности восприятия Троице-Сергие-

ева монастыря А. Дюма и Т. Готье; проанализировать путевые записки А. Дюма и Т. Готье как исторический источник по истории Троице-Сергиева монастыря в конце 1850-х гг.

Основными исследовательскими методами, использованными при работе с путевыми записками обозначенных европейских путешественников стали: контент-анализ, синтез целостных образов и анализ с учетом конкретных исторических обстоятельств. Метод контент-анализа позволил выделить однотипную информацию и ее периодическую повторяемость в путевых записках разных авторов; это способствовало исследованию восприятия сложного для инокультурного и иноконфессионального наблюдателя (европейского путешественника) феномена русской православной святыни. Метод синтеза целостных об-

разов использовался, вслед за И. В. Гуняковой [4, с. 16], для детального исследования репрезентации российской действительности в путевых записках европейских путешественников, выявления наиболее значимых для их понимания «иной» культуры и религии факторов, а также обозначения основных стереотипных представлений о России и русском православии. Метод анализа с учетом конкретных исторических обстоятельств (также заимствованный у И. В. Гуняковой [4, с. 16]) применялся для изучения путевых записок европейских путешественников с учетом исторических условий и обстоятельств, при которых они были составлены, и личностей их авторов, т. к. практически любые записки иностранцев о России полны ошибочных суждений, неправильно понятых особенностей российской действительности и русского национального характера; задача исследователя заключается не только в том, чтобы выявить эти ошибки, но и попытаться объяснить причины их возникновения.

Кратко охарактеризуем обстоятельства, при которых А. Дюма и Т. Готье посетили Россию, и особенности их путевых записок как исторического источника.

Французский писатель, драматург и журналист Александр Дюма посетил Россию по приглашению графа Г. А. Кушелева-Безбородко, с которым познакомился в Париже в 1857 г. [6, 305]. В российских пределах автор «Трех мушкетеров» пробыл почти 8 месяцев – со второй половины июня 1858 до начала февраля 1859 г. – за это время ему удалось побывать в обеих столицах (Петербург и Москва), а также совершить длительную поездку в Поволжье (Нижний Новгород, Казань, Астрахань), на Кавказ (Дербент) и в Закавказье (Баку, Тифлис) [5, с. 305]. 1 февраля 1859 г. Дюма покинул Россию, отплыв на пароходе «Великий князь Константин» из Поти в Трапезунд.

Еще находясь в России часть своих путевых записок А. Дюма отправлял во

Францию, где они публиковались в издаваемом им еженедельном журнале «Монте-Кристо»; полный же текст был опубликован автором в 1865 г. [5, с. 305]. Русский перевод записок А. Дюма увидел свет лишь в 1993 г. Собираясь в Россию он обещал читателям своего журнала написать настоящий роман о своих приключениях в малоизвестной широкой французской общественности стране, составить не просто описание географического путешествия, а создать нечто новое, новый жанр – «литературное путешествие», где главным героем станет сам автор [6, с. 520]. По сути, именно такой автобиографический роман о своих приключениях в России, где пространные экскурсии в русскую историю, литературу и политическое устройство соседствуют с описаниями русских населенных пунктов и природы, общением с местными жителями, авторскими впечатлениями и т. п. у него и получился. Да, в путевых записках А. Дюма есть и критические замечания – по поводу российского «деспотизма», крепостного «рабства», явно запаздывающих реформ и т. п. – однако написаны они в очень сдержанной манере. В целом же А. Дюма был положительно настроен в отношении России и русского народа и сгладил неприятное впечатление о них, изображенное А. де Кюстином в «России в 1839 году» [12, с. 59].

Французский писатель, поэт и прозаик Теофиль Готье побывал в России дважды: в сентябре 1858 – марте 1859 г. и августе-октябре 1861 г. Во время первой поездки он посетил Петербург и Москву, а во второй раз доехал до Нижнего Новгорода [11, с. 73]. Подобно А. Дюма, почти одновременно с которым Т. Готье впервые побывал в России, часть своих путевых записок он отправлял во Францию для публикации в различных газетах и журналах. Полный же текст его записок был издан на французском языке только в 1867 г., а на русском спустя более чем столетие – в 1988 г.

Записки Т. Готье в полной мере могут быть охарактеризованы как действительно путевые. Его взгляд на Россию – это взгляд стороннего наблюдателя, далекого от политики, поэтому в записках нет ни слова о российском абсолютизме, крепостном праве или его отмене, начале «Великих реформ» и т. п., но лишь описание увиденного – панорамы русской природы и населенных пунктов, вдумчивый анализ русской архитектуры и детализированные портретные зарисовки людей [5, с. 304]. Таким образом, у Т. Готье получилось «географическое путешествие», в центре изложения которого находятся не приключения автора (как у А. Дюма), а визуальный образ России. Как представляется, путевые записки человека впервые посещающего чужую страну такими и должны быть.

В этой связи, было бы небезынтересно рассмотреть особенности восприятия Троице-Сергиева монастыря в «литературном путешествии» А. Дюма и «географическом путешествии» Т. Готье, а также проанализировать их как исторический источник по истории монастыря в конце 1850-х гг. В имеющейся на данный момент историографии, где путевые записки А. Дюма и Т. Готье неоднократно сравнивались (см. например: [1; 5; 14 и другие]), обозначенные исследовательские задачи до сих пор не ставились. Да и вообще нужно сказать, что вопрос о восприятии иностранцами русских православных святынь в современной отечественной историографии практически не привлекал внимания (см. например: [2; 10 и другие]). Данная статья призвана хотя бы частично восполнить этот историографический пробел.

Результаты и их обсуждение. В Троице-Сергиевом монастыре и его окрестностях А. Дюма пробыл 3 дня – 7-9 сентября 1858 г., а Т. Готье – 2 дня в конце января 1859 г. (к сожалению, он не датировал свою поездку более точно,

другие же источники об этом также молчат). Структура изложения материала о поездке в монастырь у обоих авторов весьма схожа: описание дороги из Москвы в монастырь; впечатления от осмотра Сергиевского посада (поселения, расположенного у стен монастыря; ныне – Сергиев Посад); описание монастырской гостиницы, где оба путешественника останавливались на ночлег; экскурсия в монастырь и его история. Как представляется, рассмотрение этих вопросов позволит решить поставленные исследовательские задачи, поскольку именно они максимально отражают представления А. Дюма и Т. Готье о Троице-Сергиевом монастыре, которые во многом близки, но то, что монастырь они посетили в разное время года, определило и ряд существенных расхождений в его восприятии. Кроме того, различия в стиле записок («литературное путешествие» и «географическое путешествие») также повлияли на это восприятие. Начнем с анализа описания французскими путешественниками дороги до монастыря.

Дорога из Москвы в Троице-Сергиев монастырь А. Дюма описана достаточно лаконично: «дорога от Москвы до Троицкого великолепно, усаженная деревьями» [7, с. 88]. И действительно, в середине XIX в. дорогу выложили камнем [13, с. 177], что позволило значительно увеличить скорость передвижения по ней: «в полдень мы поскакали галопом в упряжке с четырьмя рысаками» (т. е. выехали только в полдень 7 сентября, но к вечеру того же дня уже были в Сергиевском посаде; А. де Кюстин же в 1839 г. выезжал на рассвете и только к закату был в гостинице [9, с. 183]) и, видимо, решить проблему «распутицы и паводков» (об этом также писал А. де Кюстин [9, с. 183]), которая как раз и должна была обостриться с наступлением осени по причине дождей, однако А. Дюма об этой проблеме даже не упоминает. «Великолепный», по

словам самого французского путешественника, характер дороги, в свою очередь, позволил ему больше внимания в пути уделить местным достопримечательностям – селам Пушкино и Рахманово, но все же наибольший интерес вызвал Мытищинский акведук, построенный при Екатерине II, – а также череде православных паломников, «идущих в ту или в другую сторону» (т. е. в Троице-Сергиев монастырь или возвращаясь из него) [7, с. 88].

Рассказ Т. Готье о дороге до монастыря куда более пространный и полон весьма примечательных деталей. Конечно в первую очередь это связано с тем, что он ездил в Троице-Сергиев монастырь зимой и оставил единственное описание «зимнего пути» до этого монастыря. Причем французскому путешественнику нужно отдать должное в виду того, что он не отказался от поездки, хотя температура воздуха в тот день опустилась ниже 31 градуса по Реомюру (почти 39 градусов по шкале Цельсия) [3, с. 263].

Выехал Т. Готье «около 4 утра» и большую часть поездки просидел в кибитке на санной основе не общаясь с русскими кучерами. Для того чтобы не замерзнуть в дороге его накрыли медвежьей шкурой и велели не закрывать остекленного окна кибитки, потому что «пар от дыхания осядет на стекло, обледенит его, и тогда вы окажетесь без воздуха и погрузитесь в белесые потемки». Так он и проехал всю дорогу, покинув кибитку лишь однажды – на почтовой станции, чтобы переменить лошадей [3, с. 264]. Сразу скажем, что «к обеду» Т. Готье уже был в монастырской гостинице, т. е. потратил на дорогу примерно столько же времени, сколько и А. Дюма, а значит по затраченному времени «зимний путь» от Москвы до Троице-Сергиева монастыря от «летнего» по тому же маршруту если и отличался, то минимально.

Почтовую станцию, где русские ку-

чера меняли лошадей, Т. Готье охарактеризовал как ничем не примечательную, но вполне уютную: «деревянный дом, его двор загромождали неказистого вида телеги и сани», «нас провели в высокую, обитую досками комнату, которая походила на ящик из сосновых досок», «комната освещалась маленьким окошком с двойными рамами, и в ней не было другого украшения, кроме образа Богоматери». Никаких путников, странников или паломников там не было, лишь служители станции и несколько ямщиков: «мужики в грязных тулупах, со светлыми бородами, красными лицами, на которых светились полярно-голубые глаза». На станции Т. Готье позавтракал привезенной из Москвы едой, выпил чай из самовара и поехал дальше [3, с. 267].

Дорожный пейзаж он описывал как однообразный и мало запоминающийся, но зато само описание получилось весьма поэтичным: «когда на большой скорости мчишься по этому бледному, окутанному монотонной белизной бесконечному пейзажу, возникает странное чувство, словно движешься по лунной равнине, простершейся среди сна людей и зверей. Слышен только топот лошадей и скрип полозьев по снегу, как будто находишься на необитаемой планете» [3, с. 265]. Но это и понятно, Т. Готье ехал в Троице-Сергиев монастырь зимой и кроме заснеженного пейзажа вряд ли мог что-то разглядеть. Любопытно другое, что за всю дорогу ему не встретилось ни одной живой души, если не считать людей на почтовой станции. И действительно, вряд ли в такой мороз кто-то бы отважился идти пешком (А. Дюма же особо отмечал то, что большинство паломников шло до монастыря пешком), ведь нанять кибитку, как Т. Готье, могли отнюдь не многие. Собственно, сам французский путешественник об этом и говорит: «проделанная нами из Москвы дорога – это Ярославская дорога, и летом она, как мне рассказывали, очень оживленна. ... Но в пору моей

экскурсии дорога была совершенно безлюдна» [3, с. 268]. Теперь обратимся к описаниям Сергиевского посада.

Описание Сергиевского посада у А. Дюма столь же лаконично как и описание дороги в Троице-Сергиев монастырь, но и здесь есть ценная фактическая информация. Сам посад А. Дюма показался «живописным» (в отличии от большинства русских населенных пунктов), благодаря своему расположению на холмах. По оценкам французского путешественника, посад насчитывал до 1000 домов, в нем функционировало 6 церквей. О положительном впечатлении, произведенном посадом на А. Дюма, свидетельствует восторженный возглас: «это живое средневековье – совсем как Эгморт, как Авиньон» [7, с. 89]. Сравнение Сергиевского посада с двумя древними французскими городами было призвано продемонстрировать их равный статус как культурно-исторических и религиозных (Авиньон какое-то время в XIV в. был резиденцией римского понтифика, так называемое «авиньонское пленение пап») центров.

Т. Готье, в отличии от А. Дюма, сам Сергиевский посад не осматривал, но заглянул на местный рынок, расположенный недалеко от входа в монастырь: «у ворот монастыря расположились ларьки с мелкими товарами и некоторыми из тех миниатюрных достопримечательностей, которые туристы любят увозить с собой в качестве сувениров» [3, с. 269]. Французский путешественник не просто так отметил именно «туристов», нескольких на рынке он действительно повстречал, но о паломниках, которых ожидал увидеть в монастыре в большом количестве, ни слова, что подводит нас к выводу о небольшой популярности «зимнего» паломнического маршрута в Троице-Сергиев монастырь. С «туристами» же Т. Готье не общался, но вполне вероятно, что это были иностранцы, подобно самому французскому путешественнику приехавшие в монастырь на экскурсию, или кто-то из

более состоятельных российских подданных, приехавших в монастырь (они явно добрались в монастырь не пешком как описанные А. Дюма паломники, и находились в монастыре, скорее, проездом, т. к. в гостинице Т. Готье их не встретил) не с паломническими целями, а исключительно экскурсионными.

Несмотря на крайне малое количество потенциальных покупателей и уже отмечавшийся холод в тот день рынок всю работал. При чем Т. Готье нашел на нем товары едва ли не со всей России: детские игрушки, валенки, меховые варежки, черкесские пояса, тульские столовые приборы, модели московского Царьколокола и т. п. Как кажется, по набору товаров, продаваемых на рынке, ориентированы они были не на паломников (во все времена более склонных приобретать в «святом месте» предметы религиозного культа: нательные крестики, иконы, свечи, ладан и т. д.), а как раз на туристов, желающих увезти с собой какой-нибудь сувенир. Характерно, что Т. Готье обратил внимание и на торговцев: «фиолетовые от холода мужики» [3, с. 270] – вероятно, для многих местных жителей торговля являлась основным источником заработка и, следовательно, ожидание приезда туристов даже в такой холодный день становилось насущной необходимостью. Далее в рассказах обоих французских путешественников следует описание монастырской гостиницы.

Ночь с 7 на 8 сентября А. Дюма и его спутники (Д. П. Нарышкин и несколько других лиц, в том числе, французский художник Жан-Пьер Муане и русский гид-переводчик Александр Калино) провели в монастырской гостинице, расположенной недалеко от входа в Троице-Сергиев монастырь. «Комнаты грязные, а постели жесткие» – так автор описал саму гостиницу. Однако, акцентировать внимание на этом он не стал, указав, что ради посещения «обители святого Сергия» вполне можно пойти на несколько часов ночных

мучений и «эти мучения становятся легкими и даже сладостными» в момент посещения монастыря» [7, с. 90]. Безусловно, А. Дюма православным христианином не был (судя по тексту его путевых записок он вообще был атеистом), однако в этих словах кроется его отношение к монастырю: как кажется, он признает за ним статус крупного паломнического центра, хотя сам французский путешественник, конечно, приехал сюда не с религиозными целями, а в качестве экскурсии. «Я был готов войти в монастырь, как только отворят ворота» – такими словами А. Дюма начал рассказ о своей экскурсии в монастырь. Как видится, такое рвение французского путешественника было вызвано отнюдь не тем, что ночью ему плохо спалось на «жесткой постели» и он стремился скорее встать с нее, а именно его настроен на посещение культурного-исторического центра русского православия, в отличие от уже упоминавшегося А. де Кюстина, который очень подробно остановился на описании грязи, клопах и тараканах в монастырской гостинице, что и предопределило его невысокую оценку монастыря [9, с. 187-189].

Несколько слов сказал А. Дюма и о времяпровождении в гостинице многочисленных паломников, приехавших в монастырь со всей России: «за чашкой чая и дружеской беседой» [7, с. 90], картина едва ли не идиллическая, но именно таким французскому путешественнику и виделись вечера, проведенные русскими паломниками в гостинице. Светлое же время суток все проводили в монастыре. Собственно, не будучи паломником, а лишь туристом, А. Дюма и сам проводил время в этой поездке также.

Т. Готье же гостиница (он называет ее «постоялым двором» или «караван-сараям», но никакого негативного подтекста в этих словах нет) показалась «уютной и теплой» – учитывая сколько времени он провел в дороге при температуре намного ниже 30 градусов по Цельсию

концентрация внимания именно на «уюте» и «тепле» выглядит вполне понятной. Так же, как и информация об обеде в гостинице: «меню оказалось достаточно разнообразным» [3, с. 269]. И действительно, судя по тому, что заказывал сам Т. Готье, в гостинице кормили очень хорошо: «суп с капустой, фрикадельками из рубленого мяса» (видимо, борщ или щи), «стерлядь», «все это запивалось легким крымским белым вином», «несколько стаканов чая и несколько затяжек русского, чрезвычайно крепкого табака» [3, с. 276]. К слову, ни А. Дюма, ни посетивший Троице-Сергиев монастырь в 1839 г. А. де Кюстин в монастырской гостинице не обедали (еду они привозили с собой из Москвы), так что описание меню и обеда в монастырской гостинице для нас сохранили лишь путевые записки Т. Готье. Правда здесь стоит сделать оговорку: и А. Дюма и А. де Кюстин посещали монастырь в сентябре и августе соответственно, когда гостиница была переполнена постояльцами, Т. Готье же в январе, когда постояльцев кроме него самого в гостинице и вовсе не было. Вероятно, накрыть такой стол не всегда представлялось возможным, в виду большого количества постояльцев и малых возможностей гостиничной кухни.

В отличие от А. Дюма, охарактеризовавшего гостиничные номера как «грязные», и уж тем более от А. де Кюстина, подробнейшим образом описавшего свои «битвы» с клопами и тараканами [9, с. 187-189], Т. Готье был удивлен здешней чистотой и комфортом: «меня удивляют стенания туристов по поводу грязи и паразитов в русских гостиницах» [3, с. 269], «меня ожидала мягкая теплынь русских домов» (это было сказано о кроватях в гостинице; совсем не «жесткие постели» как у А. Дюма), «мой сон не потревожил ни один из тех агрессоров, чье мерзкое ползание превращает кровать путешественника в поле кровавой битвы» [3, с. 276] (это явная отсылка к «России в

1839 году» А. де Кюстина, с которой Т. Готье был знаком). Безусловно, описание ночлега в гостинице у А. Дюма и Т. Готье совершенно разные (а если учитывать мнение А. де Кюстина, то создается впечатление, что путешественники были в разных гостиницах), однако так кажется лишь на первый взгляд. Как уже ни раз отмечалось, главной особенностью поездки Т. Готье в Троице-Сергиев монастырь является то, что она была совершена очень холодной зимой, и это не могло ни сказаться, во-первых, на его восприятии абсолютно всех помещений как «уютных», просто потому, что там было тепло, во-вторых же, зимой в гостинице совсем не было постояльцев, а значит немногочисленной гостиничной прислуге гораздо легче было держать все в чистоте, вовремя менять постельные принадлежности, стирать их, прибирать в номерах и т. д. Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что зимой проще было избавиться от клопов и тараканов в номерах – нужно было просто оставить на ночь окна в номере открытыми и все паразиты умерли бы от холода. Тем не менее, сам Т. Готье об этом не задумывался и описание гостиницы у него вышло куда более положительным, чем у других европейских путешественников.

Теперь же перейдем к заключительному сюжету поездки обоих французских путешественников в Троице-Сергиев монастырь – описанию экскурсии в монастырь и его истории.

Экскурсию по монастырю для А. Дюма проводил не только привезенный из Москвы гид-переводчик А. Калино, но и некий не названный по имени монах, знавший французский язык. При этом автор особо уточнил, что «ни одна душа в монастыре не знала об этом [о знании монахом французского языка], и он умолял меня не разглашать тайну». Монах хотел лично познакомиться с прославленным писателем, но скрыл от всей братии монастыря свое знание языка. Французский

путешественник объяснил это тем, что монастырской братии было поручено остерегаться его [7, с. 95], но кто дал такое распоряжение, а главное зачем, осталось не выясненным. Возможно, виной всему стало настороженное отношение к любому иностранцу, приезжавшему в Россию после А. де Кюстина, результатом творчества которого стала книга «Россия в 1839 году», запрещенная российским правительством.

А. Дюма, конечно, признавал, что Троице-Сергиев монастырь для русского православного человека является религиозной святыней, местом паломничества, но для самого французского путешественника он являлся, скорее, музеем, собранием культурных и исторических ценностей. Это и определило специфику описания монастыря. Акцент был сделан на монастырских богатствах: «чтобы представить себе, какие богатства может заключать русский монастырь, нужно видеть сокровища Троицкого монастыря». Внимание А. Дюма привлек алтарь Троицкого собора, оцененный им в 1,5 миллиона французских франков; конская уздечка князя Дмитрия Пожарского и халат Ивана IV; оникс, подаренный митрополиту Платону (Левшину) Григорием Потемкиным. В противовес этим сокровищам автор выделил «лохмотья рясы святого Сергия» [7, с. 95-96]. Причем именно в последнем А. Дюма видел главную святыню монастыря, притягивающую паломников со всей России.

Французский путешественник обратил внимание и на численность монахов – «когда-то в монастыре проживало триста монахов. Сегодня там не более ста», и на немногочисленные владения монастыря, из которых выделил ресторан «Троица» в Москве, который, по его словам, «славится ухой из стерляди». Такое сокращение численности насельников монастыря и немногочисленность монастырских владений А. Дюма связал с секуляризацией церковных земель в 1764 г., отметив, что

до этого «Троицкий монастырь имел в своем подчинении четырнадцать других монастырей и владел ста шестью тысячами восемьсот восемью крепостными душами» [7, с. 95-96].

Подробный экскурс А. Дюма сделал в историю монастыря, начав ее изложение со времени игуменства преподобного Сергия Радонежского, при этом неверно датировав рождение святого 1315 г.; обретение мощей «святого Сергия» ошибочно связывается с деятельностью патриарха Никона, спутанного с преподобным Никоном, игуменом Радонежским; отмечена роль в истории монастыря Ивана IV и Анны Иоанновны, правда сводится она лишь к «подаркам» и «пожертвованиям», а также высказана мысль о том, что «самые богатые дары святые обычно получают от распутных императриц и от жестоких царей», в чем видится недвусмысленный намек на интимные связи Анны Иоанновны с графом П. М. Бестужевым-Рюминым и Э. И. Бироном и на «опричный террор» Ивана IV; сказано и о судьбе Годуновых, чью усыпальницу в монастыре посетил А. Дюма, причем особо автор остановился на сюжете изнасилования Лжедмитрием I (А. Дюма называет его так – «может быть, кто знает, истинным Димитрием») Ксении Годуновой; сюжет с бегством Петра I из Москвы в Троице-Сергиев монастырь в 1689 г. в этом историческом экскурсе органично слился с сюжетом о «стрелецком бунте» 1682 г., в результате получилось, что вдовствующая царица Наталья Кирилловна укрывала своего малолетнего сына от ярости стрельцов не в покоях Московского Кремля, а в Троице-Сергиевом монастыре [7, с. 92-95]. Безусловно, исторический экскурс А. Дюма в историю Троице-Сергиева монастыря полон фактических ошибок, однако общее изложение видится верным: автор стремился показать место «обители святого Сергия» в контексте всей российской истории и

ему это вполне удалось – как сам монастырь, так и его братия оказались участниками многих ключевых событий отечественной истории XIV-XVIII вв.

9 сентября А. Дюма с попутчиками посетил Спасо-Вифанский монастырь, однако рассмотрение этой поездки не входит в задачи настоящей статьи. Вечером того же дня А. Дюма покинул Сергиевский посад и отправился в сторону Ярославля.

В отличие от А. Дюма, заканчивающего свой рассказ о посещении Троице-Сергиева монастыря экскурсом в его историю, Т. Готье с этого начинается. Однако, его экскурс значительно более краткий и ограничивается лишь XVII-XVIII вв. Так, французский путешественник отметил оборону монастыря в годы Смутного времени; бегство Петра I из Москвы в монастырь в 1689 г.; прочные связи монастыря с российскими монархами (Петр I, Екатерина II) и «наияснейшими вельможами» (Григорий Потемкин), одаривавшими монастырскую братию «неисчислимыми богатствами». Такое внимание к монастырю со стороны монархов и вельмож Т. Готье объяснил тем, что «во времена нашествий и боярских смут Троицкий монастырь был убежищем и опорой народного патриотизма и сыграл свою роль в национальном становлении государства» и не почитать его как святыню не только религиозную, но и национальную было бы непростительно [3, с. 270-271].

В самом монастыре Т. Готье посетил Троицкий и Успенский соборы и составил их подробные описания. В Троицком соборе его особенно привлекла рака с мощами преподобного Сергия Радонежского («саркофаг сделан из позолоченного массивного серебра и стоит под балдахином на четырех колоннах того же металла») и его же образ в иконостасе, «считающийся чудотворным». Иконостас и раку с мощами преподобного Сергия Т. Готье оценил во «многие миллионы», не преминув при этом сравнить русское церковное ис-

кусство с европейским – «простая Мадонна Рафаэля прекраснее, чем так богато украшенная православная икона». В Успенском соборе французский путешественник тщательно осмотрел фрески: «создается впечатление, что вся церковь покрыта ковром, ибо ни один выступ не прерывает росписи». Отсутствие же скульптур в православных храмах его очень удивило, но Т. Готье нашел этому объяснение: «восточная церковь, с такой щедростью использующая живописный образ, не разрешает скульптур, кажется, из опасения, что статуя превратится в идола». Посетил Т. Готье и усыпальницу Годуновых в Успенском соборе: «по стилю и форме они [могилы] походят на мусульманское захоронение» – не ясно, что же в захоронениях ему показалось напоминающим исламскую практику погребений, сам он этого не пояснил [3, с. 272-276]. Французский путешественник впервые посещал Россию и до этого не был знаком ни с православной религией, ни с православным искусством, потому многое попросту не мог понять. Приведем еще несколько примеров, которые характеризуют его незнание, а не предвзятость ко всему русскому: одна из сцен росписи на центральном входе в монастырь, изображающая житийный эпизод с кормлением медведя преподобным Сергием, в путевых записках охарактеризована как изображение святого основателя монастыря и русского тотемного животного [3, с. 270]; обилие голубого цвета на фресках, традиционно в православии считающегося цветом Богородицы, Т. Готье почему-то связывает с Марией-Луизой, второй женой Наполеона Бонапарта [3, с. 271] и т. д.

Характеризуя архитектуру двух посещенных им соборов Троице-Сергиева монастыря Т. Готье отметил, что «на вид они странны, новы, смущают своим расположением и меньше всего походят на живописные готические». Вряд ли стоит в этих словах видеть некое пренебрежение русской церковной архитектурой, Т.

Готье лишь пытался найти понятные для французского читателя его записок образы и никак не мог обойти французские готические соборы – строго симметричные, выстроенные по четкому и понятному плану – потому соборы монастыря в России и были описаны как «странные» и «смущающие своим расположением», т. к. единой планировки в Троице-Сергиевом монастыре нет, все постройки возводились в разное время и в разных стилях. Любопытна и такая оценка монастырской архитектуры: «греческая религия с точки зрения доли заложенного в ней искусства менее захватывает воображения, она хранит древние византийские формулы и, не страшась, веками повторяется, при этом больше заботясь об ортодоксальности, чем о хорошем вкусе» [3, с. 271], т. е. православие свято хранит традиции, не гонясь за новыми веяниями в искусстве и сам Т. Готье относится к этому исключительно положительно.

Французский путешественник отметил почти полное отсутствие молящихся в соборах монастыря, увидел он всего нескольких человек. С учетом того, что на местном рынке и в монастырской гостинице он не встречал паломников, а лишь очень немногочисленных туристов, скорее всего увиденные им в Троицком соборе молящиеся были местными жителями. Однако описание их получилось очень поэтичным, что в принципе свойственно языку Т. Готье: «в экстазе восхищения мужики, верующие всех сортов молятся, крестятся, проявляя на русский лад свою набожность. ... Ослепительная могила [рака с мощами преподобного Сергия] отбрасывала на коленопреклоненных крестьян снопы света, от которых то блеснула лысина, то высвечивалась борода, то вырисовывался профиль, ... Здесь были великолепные головы с одухотворенными лицами». При этом автор сам признал, что нарисованная им картина была достойна «кисти Рембрандта» [3, с. 273].

Напоследок, уже прощаясь с монастырем, Т. Готье посетил монастырскую сокровищницу и библиотеку, причем экскурсию туда ему проводила «знавшая французский монахиня». В сокровищнице его внимание привлекли «деревянный ларец» и «грубое священническое облачение». Как объяснила монахиня, эти вещи принадлежали преподобному Сергию Радонежскому: «деревянный ларец» был дароносицей святого, а «грубое священническое облачение» теми самыми «лохмотьями рясы святого Сергия», описанными А. Дюма как главная святыня монастыря. Коллекцию книг в монастырской библиотеке Т. Готье назвал «христианизированными сокровищами Гаруна аль-Рашида [правильно – Харун ар-Рашид]», арабского халифа, центрального персонажа сказок «Тысячи и одной ночи», с которым обычно связывается «золотой век ислама». Французский путешественник перечислил увиденные им богатства библиотеки: «все шкафы мне были открыты, и я мог увидеть Библии, Евангелия, литургические книги из позолоченного серебра, инкрустированного твердыми породами камней». Монастырские богатства произвели впечатление на Т. Готье, что и выразилось в их сравнении со сказочными богатствами древнего халифа.

На этом экскурсия была окончена, а вместе с ней и поездка Т. Готье в Троице-Сергиев монастырь. В тот же вечер, после двух дней пребывания в монастыре французский путешественник вернулся в Москву.

Заключение. В. О. Ключевский, характеризуя ценность записок иностранцев о России, писал: «описать их [явления русской жизни], выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он [иностранец, автор путевых записок] мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и

смотрели на них с своей домашней, условной точки зрения» [8, с. 8], и это действительно так. Способность иностранца увидеть и зафиксировать то, что ускользало от взгляда местного жителя, делает путевые записки иностранцев уникальным видом исторических источников, дополняющих и, зачастую, позволяющих по-новому взглянуть на информацию источников отечественного происхождения. Так и в случае с проанализированными путевыми записками А. Дюма и Т. Готье.

Без какого-либо сомнения можно утверждать, что описания поездок в Троице-Сергиев монастырь в записках А. Дюма и Т. Готье являются важным историческим источником по истории монастыря и его окрестностей в конце 1850-х гг. Дополняя друг друга и, в целом, ни в чем не противореча, записки А. Дюма и Т. Готье дают ценную информацию о дороге, по которой паломники добирались из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, основных достопримечательностях этого маршрута и его особенностях в разное время года. Записки также являются ценным источником по истории Сергиевского посада (в них есть сведения о количестве дворов и церквей, деятельности местных жителей и особенностях работы местного рынка). Уникальны сведения записок о повседневности в монастырской гостинице, численности монахов и современном состоянии монастыря. На многие вопросы, связанные с историей Троице-Сергиева монастыря и его окрестностей в XIX в., ответы есть только в записках европейских путешественников, в том числе, А. Дюма и Т. Готье.

Вместе с тем, В. О. Ключевский писал о записках иностранцев и другое: «иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их» [8, с. 8]. И это также справедливо в отношении путевых записок А. Дюма и Т. Готье. В данной статье был выделен ряд

особенностей восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье, которые, как представляется, полностью соответствуют приведенной цитате В. О. Ключевского: А. Дюма и Т. Готье роднит отношение к Троице-Сергиеву монастырю как к музею, собранию культурных и исторических ценностей, что вполне понятно – они не могли воспринимать его иначе не являясь православными. Кроме того, оба автора сделали акценты на описании монастырских богатств, прочных связях монастыря с российскими монархами и вельможами и важной роли монастыря в российской истории. Как видится, эти акценты в представлении А. Дюма и Т. Готье были тесно связаны и не могли существовать один без другого. Это как раз и является ярким примером непонимания иностранцем особенностей российской действительности: церковные богатства в России являлись не «подарками» и «пожертвованиями» российских монархов и вельмож, а пережитком феодализма, когда одним из крупнейших и богатейших феодалов в стране была именно церковь.

Кроме того, нельзя не отметить в заключении и ряд особенностей восприятия Троице-Сергиева монастыря А. Дюма и Т. Готье, которые не сближают их, а скорее наоборот отдаляют друг от друга. Во-первых, то, что их поездки были совершены в разное время года, и описание Т. Готье «зимнего пути» в монастырь вообще является единственным дошедшим до нас. Во-вторых, различия в жанре записок: в «литературном путешествии» А. Дюма в центре сюжета изложения находится сам автор, его действия и эмоции по поводу увиденного, описанию же самого монастыря уделяется минимум места в тексте; «географическое путешествие» Т. Готье же посвящено описанию увиденного – люди, пейзажи, монастырь и его соборы – все остальное дается лишь на фоне. Т. Готье в описании своей поездки в монастырь в большей степени сосредоточился на анализе монастырской архитектуры, возможно, потому что А. Дюма в поездке сопровождал художник (Ж.-П. Муане), который и зарисовывал то, что словами пытался передать Т. Готье.

Список литературы

1. Александрова М.В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111-118.
2. Гладкая О.М. Взгляд иностранцев на православие // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 3-15.
3. Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. 396 с.
4. Гунякова И.В. Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник: автореферат дис. ...канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009. 29 с.
5. Гурский Р.В. Пять путешествий в царскую Россию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 303-307.
6. Дурьлин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31. 1937. С. 491-562.
7. Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т. 3. М.: Ладомир, 1993. 640 с.
8. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. П.: Первая государственная типография, 1918. 333 с.
9. Кюстин А. де Россия в 1839 году. В 2 т. Т. II. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 480 с.
10. Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М.:

Паломник, 2005. 475 с.

11. Линкова Я.С. Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2010. № 1 (4). С. 73-78.

12. Овчарова Е.Э. Восприятие России Анри Бейлем и Александром Дюма // Россия и «анти-Россия»: историко-психологический аспект: Материалы LI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16 мая 2022 года. СПб.: ООО "Полтораки", 2022. С. 58-61.

13. Тарусов В.Н. Северный маршрут «Москва – Сергиев Посад». Краткий исторический обзор // Сервис в России и за рубежом. Вып. 7. 2011. С. 176-184.

14. Шевченко П.А. Такая разная Россия: взгляд из Франции XIX в. и современное информационное противостояние // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 8 (47). С. 89-93.

THE TRINITY-SERGIUS MONASTERY THROUGH THE EYES OF 19TH-CENTURY FRENCH TRAVELERS: ALEXANDRE DUMA AND THÉOPHILE GAUTIER

The article is devoted to the study of the trips of Alexandre Dumas (September 7-9, 1858) and Théophile Gautier (late January 1859) to the Trinity-Sergius Monastery. The study is based on the travel notes of A. Dumas and T. Gautier. The following research objectives were set: to identify the features of A. Dumas and T. Gautier's perception of the Trinity-Sergius Monastery; to analyze A. Dumas and T. Gautier's travel notes as a historical source on the history of the Trinity-Sergius Monastery in the late 1850s. The relevance of this research lies in the limited study of this area and the fact that A. Dumas and T. Gautier's travel notes have not previously been used to address such issues. The article shows that the travel notes of A. Dumas and T. Gautier are an important historical source on the history of the Trinity-Sergius Monastery and its surroundings in the late 1850s. Complementing each other and, in general, not contradicting each other, the notes by A. Dumas and T. Gautier provide valuable information on a number of issues, including the specifics of the pilgrimage route from Moscow to the Trinity-Sergius Monastery, the daily life of pilgrims and tourists in the monastery hotel, the number of monks, and more. In addition, the article highlights the peculiarities of A. Dumas and T. Gautier's perception of the Trinity-Sergius Monastery as a museum, with both authors emphasizing the description of the monastery's wealth, its strong ties with Russian monarchs and nobles, and its significant role in Russian history. The article also explores the stylistic features of A. Dumas and T. Gautier's travelogues.

Keywords: Trinity-Sergius Monastery, Alexandre Dumas, Théophile Gautier, travel notes, foreign notes about Russia.

References

1. Aleksandrova M.V. (2021) *Obraz rossiyskoy provintsii v travelogakh inostrannykh puteshestvennikov XIX veka (na materialakh Yaroslavskoy gubernii)* [Image of the Russian province in travelogs by foreign travelers of the 19th century (based on materials from Yaroslavl Province)] // *Mir russkogovoryashchikh stran*. N. 1 (7). pp. 111-118.

2. Gladkaya O.M. (2019) *Vzglyad inostrantsev na pravoslavie* [Foreigners' view on Orthodoxy] // *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. Vol. 5. N. 2. pp. 3-15.

3. Got'e T. (1988) *Puteshestvie v Rossiyu* [Travel to Russia]. Moscow: Mysl'. 396 s.

4. Guniakova I.V. (2009) *Zapiski Vil'jama Koksa vtoroy poloviny XVIII veka o ego puteshestvii v Rossiyu kak istoricheskiy istochnik* [Notes of William Cox about his journey to Russia in the second half of the 18th century as an historical source]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Nizhniy Novgorod. 29 s.

5. Gur'skiy R.V. (2015) *Pyat' puteshestviy v carskuyu Rossiyu* [Five travels to Imperial Russia] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Filologiya. N. 3. pp. 303-307.

6. Durilin S. (1937) *Aleksandr Dyuma-otets i Rossiya* [Alexander Dumas-father and Russia] // *Literaturnoye nasledstvo*. Vol. 31. pp. 491-562.

7. Dyuma A. (1993) Putevye vpechatleniya. V Rossii. In 3 vols. Vol. 3 [Travel impressions. In Russia. Volume 3]. Moscow: Lodomir. 640 s.
8. Klyuchevskij V.O. (1918) Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve [Foreign accounts of Muscovite state]. Petrograd: First State Printing House. 333 s.
9. Kyustin A. de (1996) Rossiya v 1839 godu. In 2 vols. Vol. II [Russia in 1839. Volume II]. Moscow: Sabashnikov Publishing House. 480 s.
10. Lepahin V.V. (2005) Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrantsev [Icon and icon worship through the eyes of Russians and foreigners]. Moscow: Palomnik. 475 s.
11. Linkova Ya.S. (2010) Obraz Rossii i russkikh v "Puteshestvii v Rossiyu" Teofilya Got'e [Image of Russia and Russians in Theophile Gautier's Travels to Russia] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie. N. 1 (4). pp. 73-78.
12. Ovcharova E.E. (2022) Vospriyatie Rossii Anri Beylem i Aleksandr Dyumoy [Perception of Russia by Henri Beyle and Alexander Dumas] // Rossiya i «anti-Rossiya»: istoriko-psikhologicheskii aspekt: Materialy LI Mezhdunarodnoy nauchno-y konferentsii. St. Petersburg, May 16, 2022. St. Petersburg: Poltarak LLC. pp. 58-61.
13. Tarusov V.N. (2011) Severnyy marshrut «Moskva – Sergiev Posad». Kratkiy istoricheskiy obzor [Northern route "Moscow – Sergiyev Posad." Brief Historical Overview] // Servis v Rossii i za rubezhom. Issue 7. pp. 176-184.
14. Shevchenko P.A. (2020) Takaya raznaya Rossiya: vzglyad iz Frantsii XIX v. i sovremennoye informatsionnoye protivostoyanie [Such Different Russia: View from France in the 19th Century and Modern Information Confrontation] // Ustoichivoe razvitiye nauki i obrazovaniya. N. 8 (47). pp. 89-93.

Об авторе

Тулянов Владислав Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения. E-mail: v.tulyanov@mail.ru

Tulyanov Vladislav Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History at the State University of Education. E-mail: v.tulyanov@mail.ru

УДК 94(47)

Турыгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия).

ЛЮДВИГ ШЕМАН И ПАНГЕРМАНЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ)

В контексте развиваемых современной отечественной историографией новых подходов такие термины, как «трансфер», «рецепция» и «адаптация», в последнее время стали использоваться для того, чтобы проследить и методически осознать перспективу изучения транснационального «интеллектуального влияния», преимущество в сфере идей. Причём, речь идёт не о простых заимствованиях, а о переводе, адаптации и ретрансляции идей в национальном контексте. Так, для довоенной Германии, несмотря на наличие стереотипов в отношении французского реваншизма, более того, нарастания воинственности и неприятия всего французского, было характерно распространение взглядов французских идеологов расизма (Ж.А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапуж, Ж. Сури, Э. Дрюмон). Особые усилия в этом проявил специализировавшийся на творчестве Гобино профессиональный переводчик и член Пангерманского союза Людвиг Шеман, оставивший до сих пор подробно не изученные воспоминания. Его мемуары, озаглавленные автором, как «Жизненные пути одного немца», наводят на ряд размышлений: об общности и интеллектуальной близости обеих стран (за рамками политики), о перспективах европейской цивилизации и «белого человека» в эпоху активного колониализма и миграции европейцев в колонии, о потребности части немецкой интеллигенции в идеологическом обосновании незавершённого при Бисмарке национального строительства и специфике национализма, взаимном притяжении и увлечении историей и др. В настоящей статье сделана попытка проанализировать связь между Л. Шеманом и пангерманцами, мотивы вступления переводчика Гобино в Пангерманский союз и его деятельность во фрейбургском филиале, который он возглавил.

Ключевые слова: воспоминания, переводы, пангерманизм, идеология, расизм, интеллектуалы, Первая мировая война, Пангерманский союз, публицистика, империализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-75-85

Введение. В «Истории Пангерманского союза» Отто Бонхарда, опубликованной официальным пангерманским издателем Теодором Вайхером в Лейпциге, Людвиг Шеман (1852-1938) отнесён наряду с Отто Аммоном (1842-1916) и Людвигом Вильзером (1850-1923) к главным идеологам расистского учения, состоящим в организации [10, с. 175]. При этом ведущий хронист пангерманцев отметил, что расистское учение в Европе сформировалось намного раньше, когда сами «пангерманцы были ещё детьми» [10, с. 98]. В то время они вряд ли могли себе представить, что на их мышление окажет влияние мировоззрение французского графа Жозефа Артюра де Гобино (1816-1882), главным переводчиком, био-

графом и проводником которого в Германии станет скромный библиотекарь из Гёттингена. Во многом благодаря ему расовые идеи и интерпретации, начиная с 1902 г. всё чаще находили своё выражение в аргументации пангерманцев, единокорые которых в этой связи росло под руководством нового председателя Пангерманского союза Генриха Класса (1868-1953), возглавившего организацию в 1908 г. Распространению расистского учения в Пангерманском союзе способствовало как систематическое изучение переведённых на немецкий язык трудов французских теоретиков (Ж.А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапуж), так и потребность в обеспечении внутренней идентичности Пангерманского союза, который под руководством Г. Класса встал в оппозицию

правительству и сопротивлялся любым демократическим преобразованиям, провозгласив себя оплотом германского мировоззрения и проводником национальных интересов. Расистское учение, обладавшее научной привлекательностью, позволило заключить прежде свободную аргументацию пангерманцев в идеологические рамки предполагаемого превосходства германской расы, глубоко затронув их чувства и эмоции: «Гобино не только в шкафу (*на книжной полке* – авт.), но и в сердце» [14, с. 324].

Объект и методы исследования.

Статья написана на основании изданных при жизни воспоминаний Л. Шемана, частично введённых в отечественную историографию. Несмотря на предвзятое отношение к воспоминаниям у читателя, ожидающего пространных субъективных рассуждений о смыслах жизни с преувеличенной оценкой собственных достоинств, мемуары Л. Шемана рисуют колоритную картину общественно-политической жизни Германии в эпоху вильгельмизма, демонстрируя отточенный публицистический стиль и журналистский талант их автора. В контексте анализа связей Л. Шемана с Пангерманским союзом, заявленного в качестве цели статьи, мемуары дают возможность оценить его не как «одного из пангерманцев», что характерно для существующего в историографии нарратива, а как независимую и волевою личность, имевшую своё собственное мнение. Методы работы с биографическим материалом, источниками, содержащими оценку личности и деятельности Л. Шемана у современников, а также критический анализ историографии, позволили реконструировать его непростой жизненный путь, соотнеся (сравнивая) его взгляды с групповыми представлениями той части образованной интеллигенции, которая подвергла систематической критике традиционную для рейха «политику знати» (*Honorationenpolitik*).

Людвиг Шеман родился в Кёльне и происходил из небогатой семьи городских

бюргеров, многие поколения которой были известны, либо своим пастырским духовным служением, либо предпринимательской деятельностью. Хотя в своих воспоминаниях Л. Шеман описал детство с позиции уже сформированной личности, акцентируя внимание на двух важных для себя вещах, его рассуждения о раннем возрасте дают некоторые представления о преобладавших в быстро развивавшемся кёльнском обществе традиционных немецких ценностях с частичным неприятием прогресса. «Я вестфальской крови, – повествовал он, – родом, как со стороны отца, так и со стороны матери из старого графства Марк (*к северо-востоку от Кёльна; с 1815 г. в составе Пруссии* – авт.), жители которого, по словам историографа Вестфалии старого Иоганна Дитриха фон Штайнена, обладали столь ценившимися в то время качествами, которыми хотелось бы гордиться и сегодня – деловитостью и надёжностью. Однако растущая индустриализация уже тогда оказывала палубное влияние на их сохранение, а рождение республики в 1918 г. и вовсе нанесло серьёзный урон нашему национальному характеру» [24, с. 3].

После завершения обучения в гимназии *Casimirianum* в Кобурге (1870), где Л. Шеман проявил особенный интерес к поэзии, античности и французскому языку [24, с. 16], а также, где он написал свою первую статью о Рихарде Вагнере [24, с. 33], уже в качестве студента он изучал историю и классическую филологию в университетах Гейдельберга, Берлина и Бонна. Он расширил свою семинарскую работу по истории римских легионов во время Второй Пунической войны [21], которую написал ещё в Берлине под руководством «выдающегося знатока римской истории» [24, с. 44] Теодора Моммзена, до докторской диссертации, защитив её 9 марта 1875 г. в Бонне. Его слабое здоровье, отсутствие финансовой поддержки со стороны родителей и удовле-

творительная оценка за экзамен по философии Платона, не позволили ему продолжить академическую карьеру. Без особой альтернативы он занял должность библиотекаря в Гёттингенском университете, на которой оставался последующие шестнадцать лет [24, с. 48]. За это время «старомодный» Гёттинген ему очень наскучил. Л. Шеман искал и нашёл необходимый баланс в Байройте, в кругу Рихарда Вагнера (1813-1883), творчеством которого восхищался с раннего детства. Ещё во время учёбы в Берлине Л. Шеман он присоединился к основанному в 1872 г. Академическому обществу Вагнера в Берлине (*Akademische Wagner-Verein*), посетив 4 февраля 1873 г. концерт, которым дирижировал сам маэстро [24, с. 45].

С 1876 г. он тратил значительную часть своего дохода на посещение фестиваля в Байройте («Вагнеровский фестиваль»), чем вызвал недоумение друзей и коллег, считавших сам фестиваль скандальным, а его основателя безнравственным [24, с. 57]. Предубеждения по отношению к Вагнеру разделяли те, кто считал его шовинистом и антисемитом [3; 5; 8]. Довольно скоро Л. Шеман перестал быть простым поклонником, присоединившись по письменному приглашению супруги композитора Козимы Вагнер к узкому кругу последователей и учеников Вагнера (1877). В байройтском кругу Л. Шеман смог испытать «счастье, о котором он мечтал в детстве, вступив в непосредственный контакт со знаменитыми людьми» [24, с. 65]. Став членом правления вагнеровского общества, Л. Шеман получил возможность публикации собственных статей о композиторе и очень скоро завёл дружбу с ещё одним поклонником Вагнера и его официальным биографом бароном Гансом фон Вольцогеном. Уже тогда Л. Шемана стала больше интересовать журналистская детальность, чем скучная работа гёттингенского библиотекаря. Однако, несмотря на предложение переехать в Байроит и работать

вместе с Вольцогеном над проектами Вагнера, Л. Шеман предпочёл сохранить свою «скучную» должность в связи с нехваткой финансовых средств и желанием сохранить независимость.

В стремлении отыскать собственный путь, сохранив независимость, Л. Шеман сблизился с профессором, чьё имя было неразрывно связано с Гёттингеном, Паулем де Лагардом (1827-1891). Его влияние на Л. Шемана стало связующим мостом между Вагнером и Гобино. Сам Л. Шеман в мемуарах характеризует влияние Лагарда следующим образом: во-первых, гёттингенский профессор независимостью суждений и мужеством в их доказательстве, во-вторых, Лагард обладал энциклопедическими познаниями, являя собой пример настоящего человека науки, и, в-третьих, считал себя настоящим патриотом отечества, учеником Фихте и Арндта, превозносящим превыше всего Германию и немцев [24, с. 60]. Обоих сближало неприятие индустриализации, демократии и урбанизации, понимаемых в качестве причин немецкого упадка, а царивший в Гёттингене дух либерализма, казался Л. Шеману развращающим и чуждым [24, с. 66]. В то же время у Лагарда были и недостатки, которые, по словам Ю. Кёка, не позволили ему стать новым кумиром для Л. Шемана [17, с. 727-728]. У Лагарда не было склонности играть какую-либо роль на политической арене в деле защиты немецких интересов и решении проблем Германии. Отвергнув все намерения играть активную политическую роль, Лагард посвятил себя заботе о воспитании немцев. В этой сфере он был красноречивым популяризатором идеи Средней Европы (*Mittleuropa*) во главе с немцами, защитником окружённой враждебными державами Германии и сторонником сильной государственной власти. Нежелание Лагарда добиваться воплощения собственных идей расходилось с амбициями молодого Л. Шемана [10, с. 179],

благодарного своему учителю «за пробуждение чувства политического долга» [24, с. 79]. Однако предложение Лагарда познакомиться с расовым учением графа Гобино, попало на благодатную почву, зародив семена будущего, ориентированного на политику мышления Л. Шемана. Идея «расы», как «подвижного элемента, который проливал свет на все закоулки истории», дала Л. Шеману ключ к его собственному пониманию историко-антропологического процесса [24, с. 60].

Под влиянием Лагарда в 1880-е гг. происходило становление политического мышления Л. Шемана, которое сам он определил как «национально-консервативное» [24, с. 71]. Л. Шеман был убеждён, что после основания рейха политическая ситуация в стране существенно изменилась. Вслед за Лагардом, считавшим, что нации уходят сами по себе, когда исчезают их политические и духовные центры [18, с. 20], Л. Шеман воспринимал империю как ошибочную конструкцию, поскольку ей не хватало внутреннего единства и, в частности, идеологии. Попытки патриотов связать поиск такой идеологии с культурными корнями и традициями казались ему нелепыми, так как столь предпочитаемое ими понятие «народа» для многих оставалось всего лишь абстракцией, подходящей разве что для шумных собраний с криками, ругательствами и аплодисментами [24, с. 77]. Немцы, полагал он, были запутаны, что усугублялось их партийно-политической разобщённостью; партии – «прокрустово ложе», на которое немцев загнала либеральная еврейская пресса [24, с. 75]. Либералы были, пожалуй, самыми главными врагами Л. Шемана. Либеральная «толерантность» казалась ему особенно предосудительной: она подрывала традиционные общественные устои. Он рассматривал приспособляемость и удобство как основные движущие силы либерализма, понимаемого им как мировоззрения с сильным еврейским влиянием [24, с. 75-78].

О желании Л. Шемана оказывать большее, чем Лагард, влияние на политику свидетельствуют его продолжительные дружеские связи с Максом Либерманом фон Зонненбергом (1848-1911), оставшимся военным, главным редактором антисемитской «Немецкой народной газеты» и пангерманским депутатом рейхстага от Немецкой социальной партии (*Либерман бы её председателем: в 1889-1900 и 1903-1911 гг.* – авт.). Вероятнее всего от Либермана Л. Шеман узнал о Пангерманском союзе, в который он вступил в 1909 г. после того, как его руководство во главе с новым председателем Г. Классом (1868-1953) консолидировалось, включив антисемитизм в свою программу. Из соображений преимущественно политической легитимности прежнему председателю Пангерманского союза Э. Хассе (1846-1908) какое-то время удавалось сдерживать натиск антисемитов внутри самой организации, отражая нападки того же Либермана, требовавшего пересмотра программы [16, с. 193].

Знакомство с творческим наследием Гобино, которому сам Л. Шеман «был обязан великолепным финальным аккордом собственной симфонии жизни» [24, с. 61], и ради которого он «изменил свою судьбу» [24, с. 232], стало возможным при содействии управляющей помещьем Гобино и хранительницы его архивов – графини Матильды де Ла Тур (1838 - 1911) [24, с. 235, 243]. В 1893 г. между ними завязались дружеские отношения, которые продолжались вплоть до самой смерти графини. К этому моменту Л. Шеман уже был знаком с некоторыми сочинениями Гобино, более того, лично с ним встречался летом 1882 г. в Байройте [24, с. 94]. После взаимных встреч с графиней в Лионе и Касселе, городе, в котором после Гёттингена с 1891 г. жил Л. Шеман, возникла идея основания Общества Гобино (*Gobineau-Vereinigung*) [24, с. 236]. Эту идею активно поддержала вдова Вагнера – Козима Вагнер (1837-1930). Из-за

продолжительной болезни Л. Шемана это общество было основано 12 февраля 1894 г. Помимо изучения и популяризации трудов Гобино – главных задач общества – все его члены платили ежегодный взнос в размере 20 марок или 200 марок единовременно, получая возможность бесплатно приобретать все официально опубликованные издания [4, с. 21-22].

Современник и историк Пангерманского союза О. Бонхард, отмечая роль Л. Шемана в распространении взглядов Гобино, утверждал, что после смерти графа о его идеях в Германии очень быстро забыли [10, с. 183]. Причиной тому стало неприятие всего французского и самих французов, подстрекавших к реваншизму после 1871 г. Стереотипы о «французском реваншизме» и «французской угрозе» переключались и в историографию, которая объясняла ими, в том числе и причины Первой мировой войны [6; 9; 12]. В этой связи воспоминания Л. Шемана, часто бывавшего во Франции и общавшегося с кругом графини де Ла Тур, обращают внимание на важную деталь, относящуюся к мнению части французской интеллигенции по поводу идеи реванша: «годы на рубеже веков ознаменовали время, когда ненависть к немцам во Франции почти угасла» [24, с. 244].

В то время как французское общество, по словам Л. Шемана, демонстрировало если не симпатию, то всё большую терпимость по отношению к немцам, в Германии, особенно после отставки Бисмарка и с формированием режима личной власти императора Вильгельма II зрело недовольство, имевшее куда более глубокие корни. Речь идёт сразу о двух новых явлениях, которые характеризовали немецкое общество: формированием радикального мышления у среднего класса, недовольного французским республиканизмом, подрывавшим традиционные ценности служения монархии, а также неудовлетворённостью национальным объединением, считавшимся незавершённым

после 1871 г. Германия эпохи «вильгельмизма» заявила о себе как об империи, стремившейся достичь статуса великой державы, проекты которой активно развивали немецкие интеллектуалы (Э. Ревентлов, П. Рорбах, Т. Шиман, Ф. Науман [7]). По этой причине, желание видеть будущее Германии великим, инициировало поиск национальной идентичности, доходивший до шовинистских оправданий собственной исключительности.

Получившая расово-теоретическое обоснование иерархия между отдельными людьми и народами предложила, казалось бы, научное объяснение национальному самовосприятию, о котором уже заявил историк Г. фон Трейчке (1834-1896) [26, с. V-VIII]. Именно из-за претензий на научность расизм был привлекателен для многих немцев, таких как Л. Шеман, которые искали объективное оправдание, историко-философский смысл и указание на необходимые в будущем политические действия для обоснования превосходства своего собственного народа.

Французский политик, дипломат и публицист Гобино считал своим долгом создать такое учение, в котором категория расы могла бы восприниматься в качестве универсального критерия исторического процесса. В своих трудах, переведённых Л. Шеманом, Гобино связал все исторические события с происхождением человеческих рас. В своей основополагающей работе «Опыт о неравенстве человеческих рас» [15] граф высказал предположение о том, что люди жили большими группами (расами), сформировавшимися ещё в доисторические времена, и что существующие характеристики этих больших групп сохранились до современности. Но большинство рас со временем оказались неспособны к цивилизационному развитию. Согласно его классификационной схеме, существовала только одна благородная раса, от которой исходила внутренняя цивилизация и культура:

белая раса, внутри которой особенно выделялись арийцы, благородные. Эта «элитная группа» имела особую, способствующую развитию и поддержанию культуры кровь, которая передавалась по наследству. Он пришёл к выводу, что цивилизация могла возникнуть только в том случае, если в неё была вовлечена белая раса. Поэтому Гобино первоначально рассматривал расовое смешение как преимущество. Но в долгосрочной перспективе такое смешение имело катастрофические последствия, снижая культуuroобразующую и цивилизационную ценность расы: поскольку, чем менее в результате смешения рас становилась доля арийской крови (во многом из-за стремления к политическому равенству), тем слабее становилась та сила, которая поддерживала культуру. Историко-философский пессимизм Гобино был мрачен: он предсказывал неизбежное «выравнивание» до состояния, в котором все люди были одинаковы: конец культуры, конец развития, даже конец истории. Он ясно осознал, что необходимо принять меры для сохранения культурных способностей «арийско-германской расы». Но он не предложил конкретных мер по её сохранению, а только обосновал неравенство и установил превосходство определённой расы.

В то время как французский теоретик рассматривал «нацию» как продукт смешения крови и, следовательно, её упадка, Л. Шеман модифицировал его идею таким образом, что немецкая нация была сравнительно наименее выродившейся и что немецкое государство должно было выступать в качестве опекуна оставшихся рас. Критически осмыслив учение Гобино, Л. Шеман заключил, что «пророк» слишком увлёкся «описанием хода внешних событий» [23, с. 322], чем выявлением ценности той или иной расы, и, поэтому, ошибочно заключил, что немцы частично утратили чистоту своей арийской крови и более не «воплощают в себе ядро и нерв» [23, с. 320] цивилизационной культуры.

Его «совершенно неадекватное, а иногда и вовсе неправильное суждение о немцах» [23, с. 305] позволило считать единственно «живым арийским народом» англичан [22, с. 144]. Делая вывод о таком несовершенстве учения Гобино, Л. Шеман не скрывает своего разочарования [1, с. 195-209; 2, с. 33], хотя и прилагает руку к его намеренной фальсификации в угоду зарождавшемуся в Германии фёлькишескому мировоззрению [17, с. 732]. По его личному мнению, будущее Германии зависело от запрета утверждения низших расовых элементов и сохранения цивилизационной ценности «арийской расы» [11, с. 60]. Прийти к такому заключению Л. Шеман смог только после того, как связал расовое учение Гобино с популярными в его время теориями социальной антропологии и расовой гигиены, основанными на социал-дарвинизме.

Лидер пангерманцев Г. Класс, безусловно, интересовался переводами Гобино, а также рецепцией его учения, как у самого Л. Шемана, так и других интеллектуалов (А.Ю. Лангбен, Х.С. Чемберлен, О. Аммон, Л. Вольтман, Л. Вильзер, Т. Фрич). Это подтверждает его вступление в Общество Гобино в 1901 г., где он смог лично познакомиться с Л. Шеманом, а также издание Г. Классом его «Немецкой истории», написанной с точки зрения расового превосходства германцев [13]. В ней он сослался на культурные достижения немецкого народа, опасаясь расового смешения и вырождения. Он отнёс германские племена к «арийским этническим семьям», занимающим самое высокое по значению место в расовом спектре, а немецкий народ – к единственному носителю культуры» [24, с. 2]. Он интерпретировал каждое историческое событие не как результат ряда взаимозависимых влияний, а как результат действия всеобъемлющих и постоянных расовых законов.

Опасаясь снижения интереса немцев к учению Гобино, Г. Класс инициировал

создание в 1920 г. Нового общества Гобино, которое стало преемником шемановского общества, прекратившего существование годом ранее. Он занимался сбором средств, необходимых для новых публикаций общества, распространял их через разветвлённую сеть пангерманских филиалов, финансово поддерживал самого Л. Шемана. Всё это Г. Класс делал уже после революционных потрясений для того, чтобы противопоставить демократическому постулату равенства расистскую концепцию неравенства. В новых для Германии условиях Гобино, по его мнению, стал лучшей рекламой Пангерманского союза [19, с. 89].

В своих воспоминаниях Л. Шеман отметил, что давно присматривался к Пангерманскому союзу, но не решался связать с ним свою жизнь, во всяком случае до тех пор, пока не стал уверен, что идеи расизма, с помощью которых сами пангерманцы отыскивали, по его мнению, «по-настоящему правильный путь» [24, с. 345], не нашли выражения в его программе. «Среди пангерманцев, – писал он, – я нашёл самые способные умы, самые тёплые сердца и самые благородные характеры, которые были самыми самоотверженными и способными на самопожертвование немцами» [24, с. 345]. Кроме того, Л. Шеман не желал связывать себя с какой-либо политической партией, поскольку считал их средством разобщения немцев, ведущим к вырождению [24, с. 345], а внепартийный статус Пангерманского союза полностью соответствовал его намерениям.

Выжидая момент для того, чтобы присоединиться к пангерманцам, Л. Шеман активно интересовался тем, что происходило внутри организации. Таковую возможность он получил, общаясь с его авторитетными представителями в образованном в 1907 г. Союзе Верданди (*Werdandi-Bund*), соучредителем которого он был. В организацию, названную в честь одной из трёх норн германского

эпоса, способной определять судьбы людей и богов, в разное время входили пангерманцы А. Мёллер ван ден Брук, Х. С. Чемберлен и А. Бартельс.

Вступление Л. Шемана в Пангерманский союз было продиктовано не только этим воодушевлением. Он верно рассчитал, что пангерманцы, особого из числа руководства союза, такие как Г. Класс, окажут ему финансовую помощь в издании собственных трудов и поддержат популяризацию его идей в Германии. Это безошибочное предположение Л. Шемана обернулось тем, что авторитетные члены Пангерманского союза через своих депутатов в рейхстаге оказали содействие Л. Шеману в выделении государственных средств на публикацию его трудов. На этот аспект взаимного сотрудничества указал К. Немитц, отметив, что позже он привёл к скандалу в рейхстаге, инициированному депутатами от СДПГ [20].

Л. Шеман не ошибся, сделав ставку на Г. Класса, и став частью его новой команды, которой тот окружил себя после избрания председателем Пангерманского союза. Г. Классу он посвятил большую часть своих воспоминаний, описав его в самых патетических фразах: «Благодаря его неустанному и самоотверженному служению нашему народу, энтузиазму и готовности к труду, он (*Класс* – авт.) стал примером для подражания, выведя Пангерманский союз на высокий уровень процветания» [24, с. 349].

После вступления в Пангерманский союз в 1909 г. Л. Шеман получил указания из Берлина взять на себя руководство его фрейбургским филиалом (1913-1918), насчитывавший в своих рядах чуть более ста человек. Задача для Л. Шемана осложнялась тем, что, по его собственным словам, политическая жизнь Фрейбурга находилась во власти либерально-демократической партийной суеты, среди которой всему национальному фактически не оставалось никакого места. Господствующей партией была партия Центра, работавшая

на руку социал-демократии [24, с. 350].

Итоги организационной деятельности Л. Шемана оказались очень скромными. Из-за постоянных болезней ему удалось всего лишь наладить связь с другими национальными объединениям Фрейбурга, совместно с которыми он организовывал и проводил публичные встречи, в ряде случаев с участием внешних докладчиков. Кроме того, он, проведя серию переговоров, привёл к участию в Пангерманском союзе своих университетских коллег. До него представители фрейбургского академического сообщества уже состояли в филиале: профессор Готфрид Байст (1853-1920), который был деканом философского факультета и проректором университета, профессор Ганс Гмелин (1878-1941), читавший лекции по колониальному конституционному праву и др.

В годы войны в качестве члена Независимого комитета за немецкий мир, душой которого был пангерманский профессор Д. Шефер (1845-1929), Л. Шеман поддержал идею заключения достойного мирного договора, учитывавшего территориальные интересы Германии, а также выступил в поддержку неограниченной подводной войны, которая была главным залогом такого мира. Его подпись стояла на петиции пангерманцев, направленной Вильгельму II в марте 1916 г., о необходимости отставки рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега, которая могла спасти Германию от результатов его губительной политики [24, с. 358].

Итоги войны и революционные потрясения («гигантский пожар») [24, с. 359], оказали сильнейшее влияние на мировоззрение Л. Шемана. Было разрушено всё то, во что он верил; будущее казалось ему совершенно безрадостным [24, с. 363]. Крушение империи стало доказательством превосходства вражеских сил над «арийской расой», а пацифизм, социал-демократия и предательство своего народа ведущими политиками оказались

признаками разложения общества изнутри. На этом фоне Л. Шеман адаптировал своё мировоззрение к новым обстоятельствам, фактически отрёкшись от французского влияния Гобино, превознося теперь исключительно немецких героев: «После Гобино я чувствовал себя обязанным показать нашим национальным героям то, как горячо билось за них моё сердце. Лагард, этот самый немецкий человек, показался мне верным мостом к героям Танненберга, Горлице и Скагерра» [24, с. 364]. Свои воспоминания о нём Л. Шеман опубликовал в 1919 г. [25].

Оставаясь, как и прежде критиком индивидуализма и сторонником коллективного «национального тела» [24, с. 390], Л. Шеман сосредоточился на его «духовной защите» от угроз «вырождения». Он отверг демократические реформы и институты Веймарской республики, приветствуя любые попытки сопротивления им. В своих публикациях он приветствовал тех, кто выступил против республики в марте 1920 г. (В. Капп, В. фон Лютвиц, Д. фон Ягов, Г. Трауб) [24, с. 398]. По этой же причине с 1928 г. Л. Шеман начал активно поддерживать национал-социалистов, уже при которых достиг желаемых заслуг: в 1937 г. он стал почётным членом Имперского института истории новой Германии и награждён медалью Гёте за вклад в науку и искусство. Однако большее удовольствие Л. Шеману доставило осознание того, что его расовые идеи получили поддержку в той Германии, которую он желал видеть.

Заключение. Ввиду того, что на всем протяжении жизни мировоззрение Л. Шемана менялось в зависимости от внешних интеллектуальных воздействий и общественно-политических событий, свидетелем которых он стал, пережив сразу несколько эпох истории своей страны, его собственное учение стало весьма интерферентным: сложно было понять, где заканчиваются чужие мысли и начинаются его собственные, что было причиной и что

стало следствием его умозаключений, кому или чему адресованы его идеи. Вероятнее всего, он сам это понял, скептически заключив в своих воспоминаниях, что «ему всё ещё не хватало чего-то самого важного, необходимого для глубокого понимания природы вещей» [24, с. 62]. Между тем, «сомневавшийся» Л. Шеман был ясно понят современниками. Расизм, который он постулировал, стал не просто учением, а идеологией, которая оправдывала скепсис

по поводу незавершённого в 1871 г. национального строительства. Нация была переосмыслена как индивидуализированное и деполитизированное единение, подвергнутое универсальному естественному процессу постоянной борьбы за существование. В какой-то момент Л. Шеман стал заложником собственных суждений, которые были широко восприняты националистами разных оттенков, объединённых в Пангерманский союз.

Список литературы

1. *Артамошин С. В.* Расово-исторические концепции Жозефа Артюра де Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена // Люди и политика: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 7. – Брянск, 1999. – С. 195-209.
2. *Артамошин С. В.* Идейные истоки национал-социализма. – Брянск: Издательство БГУ, 2002. – 184 с.
3. *Грей Г. Вагнер.* – Челябинск: «Урал», 2000. – 174 с.
4. *Ольденбург С.* Кружок имени Гобино // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. – Том 12. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1900. – С. 21-22.
5. *Поляков Л. В.* История антисемитизма. – В 2-х тт. – Т. 2: Эпоха знаний. – Кн. 2: От Вольтера до Вагнера. – Москва, Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2008. – 610 с.
6. *Тарле Е. В.* Эльзас-Лотарингский вопрос накануне Великой европейской войны (1915) // Сочинения: В 12 тт. – Т. XI. М., 1963. – С. 431-443.
7. *Цимбаев К. Н.* «Великая Германия»: Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. – М.: РГГУ, 2017. – 259 с.
8. *Шнирельман В. А.* «Еврейство в музыке» / В. А. Шнирельман. Лица ненависти: Антисемиты и расисты на марше. – М.: Academia, 2010. – С. 38-62.
9. *Audoin-Rouzeau S.* French Public Opinion in 1870-71 and the Emergence of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861-1871. – Cambridge, 1997. – pp. 393-412. *Bonhard O.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. – Leipzig/Berlin: Theodor Weicher, 1920. – 291 S.
10. *Breuer S.* Ordnungen der Ungleichheit. Die deutsche Rechte im Widerstreit ihrer Ideen: 1871-1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. – 424 S.
11. *Contamine H.* La Revanche, 1871-1914. – Paris: Berger-Levrault, 1957. – 280 p.
12. *Einhart* [Heinrich Claß]. Deutsche Geschichte. – Leipzig: Dieterich, 1909. – 426 S.
13. *Flitner F.* Über Rassen und Rassenpflege, in: Alldeutsche Blätter / Hrsg. vom Alldeutschen Verband. – 23. Jahrgang. – Nr. 38 (20. September 1913). – S. 324.
14. *Gobineau A. de:* Versuch über die Ungleichheit der Menschenrassen [Essai sur l'inégalité des races humaines]. In den 4 Bände / *Ludwig Schemann.* – Stuttgart: Fr. Frommans Verlag, 1900. – 290 S.
15. *Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband: 1890 bis 1939. – Hamburg: Christians Verlag, 2003. – 600 S.
16. *Köck J.* Ludwig Schemann und die Gobineau-Vereinigung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 59. Jahrgang. – Heft 9. – 2011. – S. 723-740.

17. *Lagarde P., de*: Deutsche Schriften. – Göttingen: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1878. – 256 S.
18. *Leicht J.* Heinrich Class (1868-1953): Die politische Biographie eines Alldeutschen. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012. – 464 S.
19. *Nemitz K.* Antisemitismus in der Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: der "Fall Ludwig Schemann" // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte. – Bd. 12. – 1983. – S. 377-407.
20. *Schemann L.* De legionum per alterum Bellum Punicum historia quae investigari posse videantur. – Bonn: Univ., Diss., 1875. – 53 S.
21. *Schemann L.* Gobineau und die deutsche Kultur. – Leipzig: Eckardt, 1910. – 544 S.
22. *Schemann L.* Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des "Essai sur l'inégalité des races humaines". – Stuttgart, 1910. – 544 S.
23. *Schemann L.* Lebensfahrten eines Deutschen. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1925. – 410 S.
24. *Schemann L.* Paul de Lagarde. Ein Lebens- u. Erinnerungsbild. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1919. – 410 S.
25. *Treitschke H., von*: Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. In den 5 Bd. – Bd. 1: Bis zum zweiten Pariser Frieden. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel 1904. – 792 S.

LUDWIG SCHEMANN AND THE PAN-GERMANS (BASED ON MEMORIES)

In the context of new approaches developed by modern Russian historiography, such terms as "transfer", "reception" and "adaptation" have recently begun to be used to trace and methodically understand the prospects for studying transnational "intellectual influence", an advantage in the sphere of ideas. Moreover, we are not talking about simple borrowings, but about the translation, adaptation and retransmission of ideas in a national context. Thus, for pre-war Germany, despite the presence of stereotypes regarding French revanchism, moreover, the growth of militancy and rejection of everything French, the dissemination of the views of French ideologists of racism was typical. Special efforts in this were made by a professional translator and member of the Pan-German league Ludwig Schemann, who specialized in the work of Gobineau and left behind memoirs that have not been studied in detail to this day. His memoirs, entitled by the author as "The Life Paths of a German", give rise to a number of reflections: on the community and intellectual closeness of both countries (beyond politics), on the prospects of European civilization and the "white man" in the era of active colonialism and the migration of Europeans to colonies, on the need of a part of the German intelligentsia for an ideological justification for the unfinished national construction under Bismarck and the specifics of nationalism, mutual attraction and passion for history, etc. This article attempts to analyze the connection between Schemann and the Pan-Germans, the motives for the entry of the translator Gobineau into the Pan-German league and his activities in the Freiburg local group, which he headed.

Keywords: memoirs, translations, Pangermanismus, ideology, racism, intellectuals, World War I, Pan-German league, journalism, imperialism.

References

1. *Artamoshin S. V.* Racial-historical concepts of Joseph Arthur de Gobineau and Houston Stewart Chamberlain // People and politics: interuniversity collection of scientific papers. - Issue 7. - Bryansk, 1999. - Pp. 195-209.
2. *Artamoshin S. V.* Ideological sources of national socialism. - Bryansk: BSU Publishing House, 2002. - 184 p.
3. *Gray G.* Wagner. - Chelyabinsk: "Ural", 2000. - 174 p.
4. *Oldenburg S.* Gobineau Circle // Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. - Volume 12. - St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1900. - Pp. 21-22.
5. *Polyakov L. V.* History of Anti-Semitism. - In 2 vols. - Vol. 2: The Age of Knowledge. - Book 2: From Voltaire to Wagner. - Moscow, Jerusalem: Bridges of Culture; Gesharim, 2008. - 610 p.

6. *Tarle E. V.* The Alsace-Lorraine Question on the Eve of the Great European War (1915) // Works: In 12 vols. - Vol. XI. Moscow, 1963. - Pp. 431-443.
7. *Tsimbaev K. N.* "Great Germany": Formation of the German National Idea on the Eve of the First World War. - Moscow: RSUH, 2017. - 259 p.
8. *Shnirelman V. A.* "Jewry in Music" / V. A. Shnirelman. Faces of Hatred: Anti-Semites and Racists on the March. – M.: Academia, 2010. – P. 38-62.
9. *Audoin-Rouzeau S.* French Public Opinion in 1870-71 and the Emergence of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861-1871. – Cambridge, 1997. – pp. 393-412. *Bonhard O.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. – Leipzig/Berlin: Theodor Weicher, 1920. – 291 S.
10. *Breuer S.* Orders of inequality. The German right in the conflict of its ideas: 1871-1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. – 424 p.
11. *Contamine H.* La Revanche, 1871-1914. – Paris: Berger-Levrault, 1957. – 280 p.
12. *Einhart* [Heinrich Claß]. German history. – Leipzig: Dieterich, 1909. – 426 p.
13. *Flitner F.* On races and racial care, in: Alldeutsche Blätter / published by the Alldeutscher Verband. – 23rd year. – No. 38 (20 September 1913). – p. 324.
14. *Gobineau A. de:* Essay on the Inequality of Human Races [Essai sur l'inégalité des races humaines]. In 4 volumes / Ludwig Schemann. – Stuttgart: Fr. Frommans Verlag, 1900. – 290 p.
15. *Hering R.* Constructed Nation. The Pan-German League: 1890 to 1939. – Hamburg: Christians Verlag, 2003. – 600 p.
16. *Köck J.* Ludwig Schemann and the Gobineau Association // Journal of Historical Science. – 59th year. – Issue 9. – 2011. – pp. 723-740.
17. *Lagarde P., de:* German Writings. – Göttingen: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1878. – 256 p.
18. *Leicht J.* Heinrich Class (1868-1953): The political biography of a Pan-German. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012. – 464 p.
19. *Nemitz K.* Anti-Semitism in the science policy of the Weimar Republic: the "Ludwig Schemann case" // Yearbook of the Institute for German History. – Vol. 12. – 1983. – Pp. 377-407.
20. *Schemann L.* De legionum per alterum Bellum Punicum historia quae investigari posse videantur. – Bonn: Univ., Diss., 1875. – 53 p.
21. *Schemann L.* Gobineau and German culture. – Leipzig: Eckardt, 1910. – 544 p.
22. *Schemann L.* Gobineau's racial work. Documents and reflections on the history and criticism of the "Essai sur l'inégalité des races humaines". – Stuttgart, 1910. – 544 p.
23. *Schemann L.* Life paths of a German. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1925. – 410 p.
24. *Schemann L.* Paul de Lagarde. A life and memory portrait. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1919. – 410 p.
25. *Treitschke H., von:* German history in the nineteenth century. In the 5 volumes – Volume 1: Up to the second peace of Paris. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel 1904. – 792 p.

Об авторе

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета, Россия, aturigin@mail.ru

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Docent, Kostroma State University (Kostroma, Russia), aturigin@mail.ru

УДК 94(47).083

Чувардин Г.С., доктор исторических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия)

Гончарова И.В., доктор исторических наук, Государственный университет управления (Россия)

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ КАК ЭЛИТООБРАЗУЮЩАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу императорской гвардии Российской империи во второй половине XIX – начале XX века как элитообразующей структуры, встроенной в систему государственной власти. В центре исследования находится не только военная организация гвардии, но и её институциональные параметры, обеспечивавшие воспроизводство военно-политической элиты. На основе архивных материалов (аттестационные списки, дисциплинарные журналы, служебная переписка) и мемуарных источников реконструируются механизмы селекции, оценки и продвижения офицеров, а также выявляется специфика корпоративной солидарности и внутреннего саморегулирования гвардейской среды. Показано, что гвардия сочетала формализованные процедуры служебной аттестации с устойчивыми неформальными практиками, что позволяло поддерживать элитный статус корпуса при наличии дисциплинарных отклонений. Особое внимание уделено функции гвардии как социального лифта, обеспечивавшего кадровое воспроизводство управленческого ядра империи и выступавшего фактором стабилизации политического режима в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов. Сделан вывод о том, что императорская гвардия представляла собой системообразующий элемент позднеимперской государственности, соединявший военную службу, социальный престиж и доступ к властным ресурсам. Результаты статьи важны для дальнейших исследований политической роли элитных военных структур в системе государственной власти, особенно в период внешнеполитических вызовов и внутривластных проблем.

Ключевые слова: императорская гвардия, Российская империя, военно-политическая элита, офицерский корпус, социальный лифт, корпоративная солидарность, система аттестации, политическая стабильность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-86-96

Введение. В условиях усложнения международной обстановки и трансформации сложившихся моделей миропорядка актуализируется интерес к историческому опыту функционирования элитарных военных структур, выступавших опорными элементами государственной власти. В разные исторические эпохи подобные структуры выполняли не только сугубо военные задачи, но и играли роль устойчивых механизмов политической стабилизации, социального отбора и воспроизводства правящих элит. Обращение к этому опыту позволяет выявить закономерности взаимодействия военной организации и власти в ситуациях системной напряжённости, когда возрастает значение институтов, способных обеспечивать

управляемость, лояльность и преемственность властных практик.

В этом контексте исследование императорской гвардии Российской империи представляет особый интерес как пример элитарной военной корпорации, длительное время сохранявшей функцию несущей конструкции политического режима. Речь идёт не о заимствовании или прямой трансляции исторических моделей в современные условия, а о научном анализе исторических аналогов структур, выполнявших роль своеобразного «лифта во власть», структур, соединявших военную службу, социальное продвижение и включённость в систему принятия решений. Императорская гвардия во второй половине XIX – начале XX века выступала

именно таким институтом, аккумулировавшим кадровые, символические и социальные ресурсы государства и обеспечивавшим воспроизводство военно-политической элиты в период нарастающих внутренних и внешних вызовов.

Изучение императорской гвардии Российской империи традиционно привлекало внимание исследователей прежде всего как сложный конгломерат сюжетов военной, политической и институциональной истории. В дореволюционной историографии гвардия рассматривалась, главным образом, сквозь призму её боевых заслуг, придворного статуса и особого положения в системе вооружённых сил [15; 13], что закрепилось и в корпусе полковых историй, использовавшихся в том числе и как источниковая база [16; 14; 12]. В советский период интерес к данной проблематике был существенно редуцирован, а интерпретации гвардии зачастую носили идеологизированный характер, сводя её роль к инструменту охраны самодержавного строя [11].

В современной отечественной историографии наметился устойчивый поворот к более комплексному анализу гвардии как особого социального и институционального явления. Существенный вклад в развитие данного направления внесли работы С. В. Андрияйна. В его монографии 2020 г. реконструируется эволюция российской императорской гвардии от конца XVII до середины XIX века, прослеживаются этапы её институционального становления, а также выявляются связи и взаимовлияние русской гвардии и европейских подразделений аналогичного назначения [1]. Отдельного внимания заслуживает его работа, посвящённая механизмам возникновения и формирования гвардейских частей в российской императорской армии, где гвардия рассматривается как результат сложного взаимодействия военно-политических, социально-культурных и управленческих факторов [2].

Ряд исследований последних лет фокусируется на проблемах презентации гвардейских заслуг. Анализируя корпус полковых историй, П. В. Чернов, показывает, что нарратив о «боевой исключительности» гвардии зачастую формировался независимо от реального боевого опыта частей, практически не принимавших участия в военных кампаниях второй половины XIX – начала XX вв. [19]. В свою очередь, в работах Г. С. Чувардина гвардия выступает как ключевая среда воспроизводства норм элитного поведения, ценностей и представлений о служебной и корпоративной идентичности [20; 21].

В зарубежной историографии проблемы элитных военных корпораций и гвардейских формирований рассматриваются преимущественно на материале британской и европейских армий. В работах Дж. Чайлдса, Д. Стоуна и М. Ховарда подчёркивается роль гвардейских и элитных частей как инструмента поддержания монархической власти, среды формирования офицерских корпусов и носителя устойчивых традиций военной и политической лояльности [22; 23; 24]. При этом российская императорская гвардия, как правило, упоминается эпизодически.

Таким образом, несмотря на наличие значительного массива работ, посвящённых истории императорской гвардии, её рассмотрение как особой среды формирования военно-политической элиты во второй половине XIX – начале XX века по-прежнему остается недостаточно разработанным.

Цель исследования заключается в выявлении роли императорской гвардии как элитобразующей структуры Российской империи во второй половине XIX – начале XX века, а также в анализе механизмов её функционирования как института воспроизводства военно-политической элиты и стабилизации существующего политического режима в условиях усложнения внешнеполитической обстановки и внутренних трансформационных процессов.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что императорская гвардия в рассматриваемый период являлась не просто привилегированной частью вооружённых сил, а особой корпоративной средой, выполнявшей функции социального лифта и кадрового резерва власти. Предполагается, что именно сочетание военной службы, устойчивых полковых традиций, механизмов селекции и неформальных практик внутри гвардейских частей обеспечивало воспроизводство военно-политической элиты и формирование устойчивых моделей лояльности, что позволяло императорской гвардии сохранять статус одной из ключевых опор государственной власти вплоть до начала Первой мировой войны.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступает императорская гвардия Российской империи как особый военный и социально-политический институт второй половины XIX – начала XX века.

Предмет исследования составляют механизмы формирования и функционирования императорской гвардии в качестве элитобразующей структуры, включая особенности офицерского корпуса, корпоративные и дисциплинарные практики, системы аттестации и поощрений, а также неформальные нормы и традиции, обеспечивавшие воспроизводство военно-политической элиты и устойчивых моделей лояльности.

Источниковую базу исследования образуют материалы центральных российских архивов (РГВИА, ГАРФ, РГИА), которые содержат аттестационные списки офицеров гвардейских частей, рапорты командиров соединений, штрафные и дисциплинарные журналы, служебную переписку, а также нормативные документы военного ведомства. Существенное место занимают мемуарные источники — воспоминания представителей высшего офицерства, придворных и государственных деятелей. Вспомогательную роль играют

полковые истории и справочные издания.

Методологической основой исследования является комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной и институциональной истории, историко-антропологического анализа и элементы сравнительно-исторического метода. Источниковедческий анализ позволил выявить степень нормативности и формализованности гвардейских практик, а также реконструировать реальные механизмы кадрового отбора и продвижения. Использование компаративного анализа даёт возможность сопоставить декларируемые идеалы службы и корпоративные представления с зафиксированными в источниках практиками дисциплинарного контроля и служебной оценки.

Результаты и их обсуждение. К концу XIX – началу XX века российская императорская гвардия перестала быть уникальным феноменом в европейском военном пространстве. Гвардейские формирования продолжали существовать в крупнейших монархиях Европы — Британской, Германской и Австро-Венгерской империях, — однако их функциональное значение заметно трансформировалось. В большинстве случаев гвардия воспринималась как реликт военной традиции, все более утрачивавший самостоятельное институциональное содержание и превращавшийся в преимущественно церемониальный элемент армии. Так, в Германской империи, по наблюдению В. Гёрлица, гвардия уже в 1870-е гг. рассматривалась как «анахронизм», подлежащий уравниванию с регулярными армейскими частями, что сопровождалось ростом роли профессионального офицерства и снижением значения сословного фактора [10, с.55].

На этом фоне российская императорская гвардия, в отличие от западноевропейских аналогов, оставалась наиболее многочисленной и структурно значимой элитарной частью вооружённых сил, аккумулируя не только военный, но и социально-политический ресурс. В период

правления Александра III – Николая II основной массив гвардейских частей и подразделений был сосредоточен в пределах Санкт-Петербургского военного округа и находился в подчинении командующего округом, совмещавшего функции командующего войсками гвардии и фактического военного генерал-губернатора столицы (приказ Военного министерства № 228 от 10.08.1864 г.) [3] Такая конфигурация превращала гвардию в несущую конструкцию режима, непосредственно связанную с центром политической власти.

Институциональное оформление гвардии усиливалось её включённостью в процессы военного реформирования. При Гвардейском корпусе действовали специальные структуры (Комиссия для улучшения по воинской части; позднее — Специальный комитет по устройству и образованию войск), занимавшиеся разработкой и апробацией нововведений в области организации, снабжения и управления войсками, что позволяло рассматривать гвардию как своеобразный «полигон реформ» [15]. Гвардия выполняла двойственную функцию: с одной стороны, она сохраняла традиционные формы элитной военной службы, с другой — служила инструментом управляемой модернизации армии.

Количественные параметры гвардии подчёркивали её исключительное положение. К 1881 г., согласно «Ведомости о численности войск гвардии 1881 г.», в Гвардейском корпусе находилось свыше 32 тыс. человек, включая более 1,2 тыс. обер-офицеров, что свидетельствовало о значительном сверхкомплекте командного состава [9, л.2-3].

К 1910–1911 гг. корпус насчитывал уже около 37,5 тыс. человек, при этом доля гвардейских офицеров в составе Санкт-Петербургского военного округа достигала 27 %, а доля гвардейского генералитета — около 30 % [5, с.4-5].

Структурная неоднородность гвардии при этом не отменяла её элитарного характера, а, напротив, усиливала его.

Внутри корпуса существовала собственная иерархия престижности, выделявшая «старую» столичную гвардию и менее привилегированные части, дислоцированные, в частности, в Варшаве [4]. Подобная внутренняя стратификация формировала различные карьерные траектории, превращая гвардию в многоуровневый социальный лифт, где близость к Престолу и принадлежность к «полковым династиям» существенно ускоряли служебное продвижение

В этом отношении российская императорская гвардия соотносится с выводами Дж. Чайлдса и М. Ховарда, рассматривающих элитные военные корпорации как устойчивые элементы монархической власти [22; 23]. Однако в отличие от западноевропейских моделей, где гвардия к рубежу XIX–XX вв. утратила самостоятельное институциональное значение, в Российской империи она вплоть до Первой мировой войны сохраняла функции ключевого элитообразующего института.

При этом ключевые элитообразующие функции были у офицерского корпуса императорской гвардии. Именно через механизмы отбора, служебной оценки и продвижения формировалась та часть военной элиты, которая в дальнейшем занимала значимые позиции в системе военного и военно-политического управления. Формально гвардейский офицерский корпус воспринимался как «образцовый», что находило отражение как в официальных документах, так и в корпусе аттестационных материалов [8, л.1-4].

Аттестационные списки офицеров 1-й гвардейской пехотной дивизии 1870–1871 гг., составленные генералом А. Н. Дрентельным, позволяют реконструировать нормативный идеал «типичного» гвардейского офицера [7]. В числе наиболее часто фиксируемых положительных характеристик фигурировали «образованность», «способности», «исполнительность», «усердие», «распорядительность», а также такие моральные качества, как

«честность», «тактичность» и «высокая нравственность» [8, л.4]. Мы видим, что служебная оценка выходит за рамки сугубо профессиональных показателей и включает элементы морально-поведенческого контроля, направленного на воспроизводство корпоративных норм.

При этом анализ аттестационных материалов показывает высокий уровень формализации процедуры служебной оценки. Большинство характеристик носило стандартизированный характер и отличалось лишь вариациями эпитетов, что свидетельствует о стремлении сохранить внешнюю однородность корпуса и минимизировать фиксацию внутренних проблем [8]. Подобная практика, с одной стороны, способствовала консервации элитного статуса гвардейского офицерства, с другой — сглаживала реальные различия в уровне подготовки и профессиональной пригодности.

Сопоставление аттестаций 1870-х гг. с аттестацией г.-майора В.П. Глазова рубежа XIX–XX вв., составленными в гвардейских частях л.-гв. Московского полка, показывает сохранение базового набора оценочных критериев при включении дополнительных параметров, таких как возраст и состояние здоровья [18, л.6]. Это свидетельствует о постепенном институциональном усложнении системы отбора, но в то же время гвардейский офицер оценивался, в первую очередь, как носитель корпоративных и моральных качеств, обеспечивающих устойчивость внутреннего порядка.

Эмпирические данные, зафиксированные в дисциплинарных и штрафных журналах, позволяют выявить расхождение между нормативным образом и реальными практиками. «Алфавитный журнал штаб- и обер-офицеров и чиновников л.-гв. Конного полка, получивших взыскания с 1905 по 1912 гг.» фиксирует значительное число дисциплинарных нарушений, включая выговоры, аресты и служебные взыскания в отношении офицеров, что указывает на наличие устойчивых де-

виаций внутри элитной среды [17]. Однако характер этих нарушений, как правило, не затрагивал фундаментальных оснований службы и редко становился препятствием для дальнейшей карьеры.

Подобное сочетание формализованной оценки, корпоративной солидарности и ограниченного дисциплинарного контроля позволяет рассматривать гвардейский офицерский корпус как относительно замкнутую элитную группу. В этом отношении российская практика соотносится с выводами Дж. Чайлдса [22], отмечавшего склонность элитных военных корпораций к воспроизводству собственной социальной замкнутости. В интерпретации Д. Стоуна подобные механизмы выступают не аномалией, а системным элементом функционирования военной элиты в условиях отсутствия масштабного боевого опыта [24].

Таким образом, офицерский корпус императорской гвардии представлял собой не только профессиональную, но и социально-корпоративную структуру, в рамках которой механизмы селекции и аттестации обеспечивали воспроизводство элитного статуса, даже при наличии внутренних противоречий и девиаций. Именно эта особенность делала гвардию устойчивым кадровым резервом военно-политической элиты Российской империи на рубеже XIX–XX веков.

Несмотря на закреплённый в официальном дискурсе образ императорской гвардии как «образцового» войска, эмпирический материал свидетельствует о наличии устойчивых дисциплинарных и поведенческих отклонений, характерных не только для гвардии, но и для российской армии в целом. Принципиальное отличие гвардейской среды в специфике их институционального «поглощения» и минимизации публичных последствий. Внутренние эксцессы в гвардии, как правило, не выносились за пределы корпорации и редко становились предметом внеш-

него вмешательства, что позволяет говорить о существовании своеобразного «порога допустимости» девиаций в гвардейской среде, при превышении которого следовали санкции, но не исключение из элитного корпуса.

Сравнение с более ранним периодом подчёркивает трансформацию характера дисциплинарных нарушений. Так, в «Штрафном журнале гг. офицерам Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г.» преобладают взыскания, связанные с «незнанием службы» и ошибками в строевой подготовке, причём наказания налагались независимо от сословного или придворного статуса офицера. Показателен случай ареста на одни сутки прикомандированного полковника князя П. Р. Багратиона «за сделанные на бывшем того числа ученье в Высочайшем присутствии ошибки во фронте» [6]. Самому же строгому взысканию — аресту на две недели — подвергся прапорщик М. Г. Лерх-П «за то, что... сам объявил, что вступать не умеет» [6]. Данные факты свидетельствуют о жёсткой ориентации дисциплинарной системы николаевской эпохи на строевую и служебную безупречность.

К началу XX века спектр девиантных практик в гвардии заметно расширился. В дисциплинарных документах фиксируются не только служебные проступки, но и формы поведения, затрагивающие нравственные и социальные аспекты офицерской жизни. Одновременно сохранялась тенденция к внутреннему разрешению конфликтов, что особенно отчётливо проявляется в делах, связанных с неуставными отношениями. Так, письмо унтер-офицера И. В. Васильева о притеснениях ротного командира л.-гв. Московского полка капитана Бобровского содержит эмоционально насыщенное свидетельство о практике рукоприкладства и унижения личного достоинства нижних чинов: «...начал особенно в последнее время чрезвычайно жестоко обращаться с нами, называть каждого из нас

арестантами, идиотами... Во время проверки солдат строевому занятию позволяет себе бить по рукам, толкать и рвать за уши...» [18, л.4]. Подписанное 79 нижними чинами, большинство из которых были неграмотны, письмо подчёркивает глубину конфликта между нормативным образом гвардейской службы и реальной повседневной практикой.

Вместе с тем даже подобные эпизоды редко приводили к системным изменениям внутри корпуса. Гвардия сохраняла высокий уровень корпоративной солидарности, близкий к форме «полкового братства», при котором защита «своих» рассматривалась как норма. Подобная замкнутость элитной среды, с одной стороны, способствовала воспроизводству устойчивых служебных и поведенческих стандартов, с другой — порождала эффект «круговой поруки», сглаживавший последствия внутренних кризисов.

Таким образом, дисциплинарные девиации в императорской гвардии не свидетельствуют о её институциональном разложении. Напротив, они выявляют специфику функционирования элитной военной корпорации, в которой формальные нормы, неформальные практики и корпоративная солидарность образовывали сложный механизм внутреннего саморегулирования. Именно этот механизм позволял гвардии сохранять статус элитно-образующей структуры и оставаться одной из опор существующего политического режима вплоть до начала системных потрясений XX века.

Одним из ключевых результатов анализа императорской гвардии является выявление её функции в качестве устойчивого социального лифта, соединявшего военную службу с возможностями служебного и статусного продвижения. В рассматриваемый период принадлежность к гвардейским частям рассматривалась не только как знак профессионального признания, но и как форма институционального доступа к властным и административным ресурсам.

Гвардейская служба обеспечивала ускоренные карьерные траектории, формируя кадровую среду, из которой рекрутировались будущие командиры соединений, начальники штабов и представители высшего военного управления.

Источники позволяют говорить о том, что гвардия выполняла функцию своеобразного «кадрового фильтра», обеспечивавшего отбор офицеров, соответствующих не только профессиональным, но и социально-поведенческим критериям. В служебных характеристиках неоднократно подчёркивалось, что гвардейский офицер должен обладать «умением держать себя», «тактом», «чувством служебной меры» и «представительностью», что прямо связывало военную службу с требованиями публичного и придворного поведения [8]. Тем самым гвардия формировала особый тип офицерской элиты, ориентированной на участие в управлении и репрезентации власти.

Особую роль гвардия играла в периоды внутривластной нестабильности. События революции 1905–1907 гг. продемонстрировали, что именно гвардейские части рассматривались высшим военным и государственным руководством как наиболее надёжная опора порядка. Концентрация гвардейских соединений в столичном регионе, их подчинение командующему Санкт-Петербургским военным округом и тесная связь с императорским двором усиливали их значение как инструмента политического контроля. В этом смысле гвардия выступала не только военной, но и политико-административной структурой, встроенной в механизм стабилизации режима.

Таким образом, императорская гвардия во второй половине XIX – начале XX века выступала не только как привилегированная часть вооружённых сил, но и как важнейший механизм воспроизводства военно-политической элиты и стабилизации политического режима. Соединяя воен-

ную службу, социальный престиж и доступ к властным ресурсам, гвардия обеспечивала воспроизводство управленческого ядра империи в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет рассмотреть императорскую гвардию Российской империи во второй половине XIX – начале XX века не только как привилегированную часть вооружённых сил, но и как устойчивую элитобразующую структуру, встроенную в систему государственной власти. Анализ институциональных параметров гвардии показал, что она выступала системообразующим элементом политического порядка, концентрируя военные, социальные и символические ресурсы и обеспечивая непосредственную связь армии с центром власти.

Исследование офицерского корпуса гвардии выявило высокую степень формализации механизмов селекции и аттестации, направленных на воспроизводство элитного статуса и корпоративных норм. При этом расхождение между нормативным образом «образцового» гвардейского офицера и реальными служебными практиками не подрывало устойчивости корпуса, а компенсировалось действием механизмов корпоративной солидарности и внутреннего саморегулирования. Анализ дисциплинарных и штрафных материалов позволяет сделать вывод о том, что девиации в гвардейской среде являлись не признаком институционального кризиса, а структурным элементом функционирования элитной военной корпорации.

Особое значение имеет выявленная функция императорской гвардии как социального лифта, обеспечивавшего ускоренное служебное и статусное продвижение офицеров и формирование кадрового резерва военно-политической элиты. В условиях внутривластной нестабильности начала XX века гвардия выступала одним из ключевых факторов стабилизации режима, соединяя военную силу,

управленческий потенциал и символический авторитет власти.

Вклад автора заключается в комплексном осмыслении императорской гвардии как элитообразующего института Российской империи. Полученные результаты расширяют представления о со-

циально-политической роли элитных военных структур в истории России и создают основу для дальнейших исследований, ориентированных на сравнительный анализ гвардейских корпораций в европейских монархиях и их места в механизмах власти и элитного воспроизводства.

Список литературы

1. Андрияйнен, С. В. Российская императорская гвардия в конце XVII — первой половине XIX в.: основные вехи истории. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та, 2020. — 314 с. — EDN: ZSLOKR.
2. Андрияйнен, С. В. Механизмы возникновения и формирования гвардейских частей в Российской императорской армии // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 8. — С. 1–14. — DOI: 10.25136/2409-868X.2023.8.38586.
3. Безугольный, А. Ю., Ковалевский, Н. Ф., Ковалев, В. Е. История военно-окружной системы в России. URL:https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69913/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 16.01.2026).
4. Белосельский-Белозерский, С. С., кн. История л.-гв. Конного полка. Т. 3. — Париж, Изд. Белосельский-Белозерский. 1961. — 32с.
5. Военно-статистический ежегодник армии за 1910–1911 гг. / изд. Гл. штаба. — СПб.: Гл. штаб, 1911–1913. — 25 с.
6. ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 80.
7. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69.
8. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 70.
9. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 113.
10. Герлиц, В. Германский Генеральный штаб = The German General Staff: история и структура, 1657–1945 / В. Герлиц ; пер. с англ. С. В. Лисогорского. — М.: Центрполиграф, 2005. — 476с.
11. Зайончковский, А. М. Подготовка России к мировой войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам). — М.: Гос. воен. изд-во, 1926. — 425с.
12. Из прошлого. Исторические материалы Лейб-Гвардии Семёновского полка. — URL: https://lgsp.petrobrigada.ru/Iz_proshlogo/iz_proshlogo_index.html (дата обращения: 3.02.2026).
13. Императорская Российская гвардия. 1700–1878. Хронологические таблицы / сост. г.-л. барон В. Штейнгель. — СПб.: типография Канцелярии С.-П.-Б. градоначальника, 1878. — 317 с.
14. Марченко, М. К. Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка для нижних чинов полка / сост. корнет М. К. Марченко. — [СПб., 1891]. — 16 с.
15. Милютин, Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. — М.: Российский фонд культуры, 1999. — 558 с.
16. Потоцкий, П. История Гвардейской артиллерии. 1796–1896 гг. — СПб. Типография В.С. Балашева и К°, 1896. — 424 с.
17. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3245.
18. РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Ед. хр. 58. (Фонд Глазова).
19. Чернов, П. В. Проблемы самопрезентации Российской императорской гвардии в полковых историях // Новый исторический вестник. — 2025. — № 4 (86). — С. 78–90.

— URL: <https://nivistnik.su/index.php/journal/article/view/91> (дата обращения: 20.01.2026).

20. Чувардин, Г. С. Механизмы изучения системы и содержания брачных отношений российского гвардейского генералитета рубежа XIX–XX веков (на примере л.-гв. Семёновского полка): постановка проблемы // Учёные записки Орловского государственного университета. — 2025. — № 1 (106). — С. 105–111. — DOI: 10.33979/1998-272020251061105110.

21. Чувардин, Г. С. Особенности повседневной жизни российской и германской военных элит в конце XIX – начале XX века: сравнительный анализ // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 30, № 2. — С. 479–492. — DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492.

22. Childs, J. The Army of Charles II. URL: <https://archive.org/details/armyofcharlesii0000chil/page/6/mode/2up> (дата обращения: 14.01.2026).

23. Howard, M. War in European History. URL: <https://archive.org/details/warineuropeanhis0000howa> (дата обращения: 15.01.2026).

24. Stone, D. R. A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chechnya. URL: <https://archive.org/details/militaryhistoryo0000ston> (дата обращения: 15.01.2026).

THE IMPERIAL GUARD AS AN ELITE-FORMING STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

The article analyzes the Imperial Guard of the Russian Empire in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries as an elite-forming structure embedded in the system of state power. The study focuses not only on the military organization of the Guard, but also on its institutional parameters that ensured the reproduction of the military-political elite. Drawing on archival materials (attestation records, disciplinary registers, official correspondence) and memoir sources, the paper reconstructs the mechanisms of selection, evaluation, and promotion of officers, and identifies the specific features of corporate solidarity and internal self-regulation within the Guards milieu. The study demonstrates that the Guard combined formalized procedures of service evaluation with stable informal practices, which allowed it to maintain its elite status despite the presence of disciplinary deviations. Particular attention is paid to the Guard's function as a social elevator, facilitating the кадровое reproduction of the Empire's governing core and acting as a factor of political stabilization amid growing internal and external challenges. The article concludes that the Imperial Guard constituted a system-forming element of late imperial statehood, integrating military service, social prestige, and access to power resources. The findings contribute to further research on the political role of elite military structures within systems of state authority, especially in periods marked by foreign policy challenges and domestic instability. **Keywords:** *imperial Guard, Russian Empire, military-political elite, officer corps, social mobility mechanism, corporate solidarity, attestation system, political stability*

References

1. Andriainen S.V. (2020) Rossiiskaya imperatorskaya gvardiya v kontse XVII — pervoi polovine XIX v.: osnovnye vekhi istorii [The Russian Imperial Guard in the Late Seventeenth – First Half of the Nineteenth Century: Major Milestones of Its History]. SPb.: Izdvo Sankt-Peterburgskogo gos. ekon. universiteta. 314 s.

2. Andriainen S.V. (2023) Mekhanizmy vzniknoveniya i formirovaniya gvardeiskikh chastei v Rossiiskoi imperatorskoi armii [Mechanisms of the Emergence and Formation of Guard Units in the Russian Imperial Army]. Genesis: istoricheskie issledovaniya. N 8. S. 1–14. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.8.38586.

3. Bezugolnyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (n.d.) Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii [History of the Military District System in Russia]. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69913/chitat_knigu.shtml (accessed: 16.01.2026)

4. Beloselskii-Belozerskii S.S. (1961) *Istoriya l.-gv. Konnogo polka*. T. 3 [History of the Life Guards Cavalry Regiment. Vol. 3]. Parizh: Izd. Beloselskii-Belozerskii. 32 s.
5. *Voenno-statisticheskii ezhegodnik armii za 1910–1911 gg.* (1911) [Military Statistical Yearbook of the Army for 1910–1911]. SPb.: Gl. shtab. 25 s.
6. GARF (n.d.) F. 646. Op. 1. D. 80.
7. GARF (n.d.) F. 652. Op. 1. D. 69.
8. GARF (n.d.) F. 652. Op. 1. D. 70.
9. GARF (n.d.) F. 652. Op. 1. D. 113.
10. Gerlits V. (2005) *Germanskii Generalnyi shtab: istoriya i struktura 1657–1945* [The German General Staff: History and Structure 1657–1945]. M.: Tsentrpoligraf. 476 s.
11. Zaionchkovskii A.M. (1926) *Podgotovka Rossii k mirovoi voine: ocherki voennoi podgotovki i pervonachalnykh planov (po arkhivnym dokumentam)* [Russia's Preparation for the World War: Essays on Military Preparation and Initial Plans Based on Archival Documents]. M.: Gos. voen. izd-vo. 425 s.
12. *Iz proshlogo. Istoricheskie materialy Leib-Gvardii Semenovskogo polka* (n.d.) [From the Past. Historical Materials of the Life Guards Semenovsky Regiment]. URL: https://lgsp.petrobrigada.ru/Iz_proshlogo/iz_proshlogo_index.html (accessed: 03.02.2026)
13. *Imperatorskaya Rossiiskaya gvardiya. 1700–1878. Khronologicheskie tablitsy* (1878) [The Imperial Russian Guard. 1700–1878. Chronological Tables]. SPb.: tipografiya Kantselyarii S.-P.-B. gradonachalnika. 317 s.
14. Marchenko M.K. (1891) *Kratkii ocherk istorii Leib-gvardii Konnogo polka dlya nizhnikh chinov polka* [A Brief Outline of the History of the Life Guards Cavalry Regiment for the Lower Ranks]. SPb. 16 s.
15. Milyutin D.A. (1999) *Vospominaniya general-feldmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862]. M.: Rossiiskii fond kultury. 558 s.
16. Pototskii P. (1896) *Istoriya Gvardeiskoi artillerii. 1796–1896 gg.* [History of the Guards Artillery. 1796–1896]. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva i K°. 424 s.
17. RGVA (n.d.) F. 3543. Op. 1. D. 3245.
18. RGIA (n.d.) F. 922. Op. 1. Ed. khr. 58 (Fond Glazova).
19. Chernov P.V. (2025) *Problemy samoprezentatsii Rossiiskoi imperatorskoi gvardii v polkovykh istoriyakh* [Problems of Self-Presentation of the Russian Imperial Guard in Regimental Histories]. *Novyi istoricheskii vestnik*. N 4 (86). S. 78–90. URL: <https://nivistnik.su/index.php/journal/article/view/91> (accessed: 20.01.2026)
20. Chuvardin G.S. (2025) *Mekhanizmy izucheniya sistemy i sodержaniya brachnykh otnoshenii rossiiskogo gvardeiskogo generaliteta rubezha XIX–XX vekov (na primere l.-gv. Semenovskogo polka): postanovka problemy* [Mechanisms for Studying the System and Content of Marital Relations of the Russian Guards General Staff at the Turn of the Nineteenth–Twentieth Centuries]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. N 1 (106). S. 105–111. DOI: 10.33979/1998-272020251061105110.
21. Chuvardin G.S. (2025) *Osobennosti povsednevnoi zhizni rossiiskoi i germanskoi voennykh elit v kontse XIX – nachale XX veka: sravnitelnyi analiz* [Features of the Everyday Life of Russian and German Military Elites in the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye nauki. T. 30. N 2. S. 479–492. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492.
22. Childs J. (1976) *The Army of Charles II*. URL: <https://archive.org/details/armyofcharlesii0000chil/page/6/mode/2up> (accessed: 14.01.2026)

23. Howard M. (1976) War in European History. URL: <https://archive.org/details/war-neuropeanhis0000howa> (accessed: 15.01.2026)

24. Stone D.R. (2006) A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chechnya. URL: <https://archive.org/details/militaryhistoryo0000ston> (accessed: 15.01.2026)

Об авторах

Чувардин Герман Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России ФГБОУ «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», E-mail: wodantag@mail.ru

Гончарова Ирина Валентиновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, НИИ государственной политики и управления отраслевой экономикой ФГБОУ «Государственный университет управления», E-mail: 79208195393@yandex.ru

Chuvardin German Sergeevich – Professor, Department of Russian History Turgenev Orel State University, E-mail: wodantag@mail.ru

Goncharova Irina Valentinovna – Chief Research Fellow, Research Institute of State Policy and Management of Sectoral Economics State University of Management, E-mail: 79208195393@yandex.ru

Якутина Е.Н., кандидат исторических наук, доцент, Московский гуманитарный университет (Россия)

ФАШИСТСКАЯ ЦЕНзуРА В ИТАЛИИ: ОТ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ К ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ ДАВЛЕНИЮ

В статье изучается эволюция и особенности фашистской цензуры в Италии 1922-1939 гг. в целях углубления понимания пропагандистского воздействия государства на общество. История фашистской цензуры исследована с её развитием и структурировании властями как всеобъемлющая система партийно-государственного контроля за всеми сферами жизни общества. Введены в научный оборот ранее неиспользованные архивные документы. В марте 1933 г. в Германии было создано министерство пропаганды, после визита его главы Геббельса в Италию стало ужесточение цензуры и назначение главой Комитета по печати Г. Чиано, который провел реформу ведомства по аналогии с министерством Геббельса. Процесс концентрации и централизации управления цензурой получил логическое завершение в 1935 г., когда комитет был преобразован в министерство. В стране были полностью ликвидированы возможности легального распространения альтернативных фашизму идейных ценностей. Репрессивный аппарат, включая цензуру, создал такую общественную инфраструктуру, которая допускала и стимулировала быстрое развитие лишь одной субкультуры – фашистской. Исследование показывает, что система тотального идеологического давления была в большей степени карательной, выполняла контрольно-запретительные и манипулятивные функции, была подчинена цели построения общества согласия.

Ключевые слова: история Италии, фашизм, цензура, консенсус, структурное насилие

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-97-115

Введение. В условиях тоталитарного общественного устройства отсутствие непосредственного террора не исключает формирования у системы значительного внутреннего резерва устойчивости. Это позволяет режиму сохранять свою жизнеспособность на протяжении длительного периода, даже при наличии негативных внутренних и внешних обстоятельств. В связи с этим актуализируется комплекс недостаточно изученных вопросов, касающихся характера взаимодействия тоталитарной системы, сложившейся в Италии, с гражданским обществом и его отдельными элементами. В частности, представляет интерес анализ механизмов адаптации и сопротивления различных социальных групп в условиях тоталитарного контроля. Исследование данного взаимодействия позволит глубже понять динамику тоталитарных режимов и их отношения с обществом. Во времена фашистского режима в Италии (1922–1943 гг.) система цензуры жестко

ограничивала свободу печати, радио- и телевидения, публичных собраний, выражения мнений на площадях и улицах, а также права на объединения, митинги и религиозные практики. Этот механизм контроля не являлся новшеством Муссолини и сохранил влияние даже после краха диктатуры, глубоко изменив повседневную жизнь итальянского общества. Мало изученная в отечественной литературе проблема фашистской цензуры в аспекте консенсуса режима и общества, формирует цель данного исследования: выявить эволюцию и особенности функционирования цензуры в Италии 1922-1939 гг. Задачей стало описание особенности итальянской модели цензуры, определение её форм и методов, раскрытие того, как цензура была интегрирована в систему государственного управления для достижения политических целей.

Фашистская цензура в Италии преследовала ключевые задачи: формирование положительного образа режима через

оперативное устранение любых материалов, критикующих, сомневающих в фашизме или потенциально оппозиционных; непрерывный мониторинг настроений общества для оценки уровня поддержки власти; ведение общенациональных и региональных картотек, где фиксировались характеристики граждан — их убеждения, поведение, связи (включая дружеские и интимные), а также любые действия, расцененные как подозрительные или компрометирующие. Таким образом, цензура служила основой для построения полицейского государства. Фашистская цензура боролась с любым идеологическим содержанием, не связанным с фашизмом или пораженческим национальным имиджем, а также с любыми другими произведениями или материалами, которые могли пропагандировать культурные темы, считавшиеся тревожными.

Фашистская цензура расширила сферы надзора, уже контролируемые в либеральную эпоху (мораль, суды, королевская семья, армия), включив дополнительные темы, зависевшие от эволюции идеологии и политики режима. В частности, она беспощадно вычищала любое идеологическое содержание, противоречащее фашизму или вредящее национальному престижу, а также культурные проявления, расценённые как угроза установленному порядку.

Сначала искореняли материалы, компрометирующие режим (о Дуче, войне, патриотизме, национальной гордости), затем — упоминания, негативно затрагивающие материнство, демографическую политику, автаркию и подобные приоритеты. Особо пристальное внимание уделялось произведениям и спектаклям, где проскальзывали мотивы индивидуализма, подрывающие принцип приоритета государства — краеугольный камень фашистской доктрины. «Итальянская журналистика свободна, потому что

она служит только одной цели и одному режиму: она свободна, потому что в рамках законов режима она может осуществлять и осуществляет функции контроля, критики и побуждения», - говорил Муссолини в своей речи 10 октября 1928 г.

Среди видов цензуры существовали: цензура общественных коммуникаций, книгоиздания, марксистской идеологии, прессы, переводов, частной переписки и частных разговоров, театра, позже — художественных и фотографических изображений.

Изучение феномена фашизма обладает высокой практической значимостью. Оно позволяет глубоко анализировать массовые движения и тоталитарные режимы первой половины XX века, проследить генезис Второй мировой войны, разоблачать преступную сущность фашизма и активно противодействовать его реинкарнации в форме современных неофашистских течений.

Объекты и методы исследования.

В качестве источников при написании данной статьи были использованы Конституция Итальянской республики соответствующего периода, «Официальная газета Королевства Италия» (*Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia*), в которой публиковались принимаемые законы; итальянские архивы¹; интернет-порталы Италии, где данные законы можно проследить с даты их первой публикации с изменениями, сделанными властями в последующем, например, <https://www.normattiva.it>; сайты оцифрованных газет, издававшихся в период фашизма.

Привлеченные исследования цензуры в Италии 1922-1939 гг. позволили оценить степень и объем осмысления проблемы, авторы раскрыли роль идеологического насилия режима над населением и характер вовлеченности масс в деятельность фашистского государства.

О фашистской системе и структуре цензуры писали Бонсавер и Гордон [20,

¹ Archivio centrale dello stato, Roma; Archivio Storico Arnoldo Mondadori Editore; Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori, Milano; Archivio di stato, Milano; Digital Repository of the Politecnico di Torino.

21, 22], Фабре [31, 32, 33], Тальбот и Мюллер [49].

Наиболее исследованным является вопрос театральной цензуры в фашистской Италии. Источники собраны в специальном фонде Центрального государственного архива в Риме¹. Среди авторов книг и статей о данной теме необходимо назвать Д. Альфиери [16], С. Бенелли [17, 18], С. Д'Амико [29], П. Лаччо [39], Л. Зурло [51].

Цензуру в книгоиздании и литературе изучали Дж. Бонсавер [21], Дж. Фабре [31], И. Розе [43]. О цензурировании книг писали М. Кениг [2013], П. Муральди [41]; о культуре перевода К. Рандл [44, 45, 46]. К данному исследованию были привлечены справочники и иные публикации, посвященные издателям газет и книг [48].

Аспекту «Муссолини как цензор и редактор» посвящен труд Дж. Бонсавер [22].

О юридических аспектах цензурирования, о еврейском вопросе писал Дж. Фабре [31], М. Чезари [25] исследовал период, выстраивая временные рамки развития процесса.

Общеметодологической основой являются труды Э. Джентиле [35, 36], Р. Де Феличе [30], П. Тольятти [14], а также Л. С. Белоусова (Белоусов, 2000), В. П. Любина, Н.Г. Тереховой [11], В. И. Михайленко [12].

Зарубежной и отечественной историографии характерно исследование такого проявления цензуры, как манипуляция массовым сознанием [2, 8, 9]. А. М. Воробьев [4] выделяет в современной западной науке два взгляда на цензуру, первый из которых понимает явление цензуры как тесно связанной с политикой и государственной властью [6]. Второй подход предполагает более широкое понимание цензуры и опирается на постструктуралистские работы М. Фуко, П. Бурдьё, Г.

Маркузе. Этот подход предлагает рассматривать любой механизм культурного регулирования как форму цензуры [24, 37].

В 1995 г. была защищена диссертация И. Я. Левченко [7], в которой проблемы цензурной политики и цензуры рассмотрены в теоретическом аспекте. В докторской диссертации Т. М. Горяевой на базе истории советской политической цензуры 1917-1991 гг. цензурная деятельность рассматривается как действенный механизм влияния на массовое сознание через посредство формального и неформального ограничения и целенаправленного регулирования информационного пространства культуры [5].

В работах Е. П. Цумаревой [15], М. В. Зеленова [10] анализируется многоаспектность понятия цензуры, раскрывается системный подход в ее изучении. А. И. Неретин впервые в отечественной антропологии предпринял попытку ввести в научный оборот тему структурного насилия в изучении Италии эпохи фашизма [13].

Е. А. Агапова осмысливает цензуру как феномен в философско-культурном плане и рассматривает проявление данного феномена в отношении европейских тоталитарных государств XX в. к печати и инакомыслию, в том числе в фашистской Италии [1, 2], обозначает цензуру как инструмент власти и государства [2, с. 114].

Аспект амбивалентности цензуры состоит в том, что «как ее наличие, так и ее отсутствие детерминируют ментальную, и институционально-социальную в различных векторах. Смысл и значение термина «цензура» переиначивается и искажается в зависимости от ситуационных потребностей того, кто им пользуется» [2, с. 109]. Агапова осмысливает формирование общества тоталитарного типа в Италии и Германии при помощи жесткой цензуры, для реализации требуется создание

¹ Archivio Centrale dello Stato, MinCulPop, DG teatro e musica, fondo censura teatrale, b. 654, f. 12483; b. 426, f. 8054.

новых или уничтожение старых организационно-политических структур и механизмов взаимодействия власти с гражданским обществом, и перечисляет меры: репрессивный аппарат, комплекс законодательно закрепленных ограничений и мер принудительного характера; единственно допускаемая, унитарная идеология и мифотворчество в качестве основы агрессивной пропаганды и жесткой цензуры, а также механизм их внедрения; массовые, идеологизированные, социально ориентированные объединения (партия, профсоюзы, проведение досуга и т.д.); система воспитания нового поколения; механизм управления и контроля над процессом производства» [2, с. 111].

Анализ проблемы цензуры общественного мнения в фашистской Италии не отражает актуальную роль данного феномена в политической и социальной динамике современного общества. Существующие работы не в полной мере охватывают масштабы и последствия цензурирования, а также его влияние на формирование общественного дискурса и политической культуры. Интересно изучение механизмов контроля за информацией, применяемых фашистским режимом, и их сопоставление с современными методами манипулирования общественным сознанием. Необходимо учитывать эволюцию цензуры от прямых запретов и ограничений до более изощренных форм пропаганды и дезинформации. Таким образом, исследования в данной области представляются крайне важными для понимания закономерностей функционирования политической власти и защиты свободы выражения мнений в современном мире.

Результаты и их обсуждение. С падением фашистского режима цензура в Италии не исчезла полностью: демократические власти Итальянской Республики продолжали сохранять отдельные положения Кодекса Рокко¹.

Ограничения гражданских свобод существовали еще в культурной политике Савойской династии до объединения страны и в либеральный период перед приходом Муссолини к власти.

Декреты фашистского режима о прессе, вступившие в силу в 1924 г., и специальное законодательство о защите государства фактически привели к закрытию в Италии анархической газеты «Уманита нова» (*Umanità Nova*) [*Chiusura Umanità Nova 1924, su umanitanova.org.*], которая впоследствии издавалась во Франции и США. В 1925 г. началась длинная череда конфискаций и принудительных закрытий газет, не согласных с режимом. 8 ноября было приостановлено распространение газет «Унита» (*L'Unità*) и органа Итальянской социалистической партии «Аванти!» (*Avanti!*). 31 декабря 1925 г. вступил в силу закон №2307 о прессе, который гласил, что газеты могли издаваться, писаться и печататься только в том случае, если у них был ответственный, признанный префектом, то есть правительством. Те, кто не имел префектурного признания, считались незаконными². Режим усилил свой контроль также с помощью запугивания и косвенного давления, как это произошло в 1925 г., когда Луиджи Альбертини, в связи со статьями о преступлении Маттеотти, был вынужден уйти с поста директора «Коррьере делла сера» (*Corriere della Sera*) и

¹ Основной набор норм уголовного права, названный в честь министра изящств и юстиции правительства Муссолини, который в основном курировал его расширение, Альфредо Рокко; королевский указ № 1398 был издан 19 октября 1930 г., технически реализован под руководством Манзини, вступил в силу 1 июля 1931 г. [*Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia N. 251 del 26 ottobre 1930 parte prima*], прямо заявил о себе в пользу свободы выражения мнений, закрепленной в статье № 21 Конституции Итальянской Республики [URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1947/en/13703>, дата обращения 12.08.2025].

² <https://www.normattiva.it/eli/id/1926/01/05/025U2307/ORIGINAL>, дата обращения 12.08.2025].

покинуть издательскую компанию, которая перешла в собственность Креспи.

В октябре 1926 г. неудавшееся покушение на Муссолини в Болонье дало режиму повод для запрета газеты «Аванти!» (органа ИСП, Итальянской социалистической партии) и независимой газеты «Иль мондо ли Рома» (*Il Mondo di Roma*). До конца того же года была временно закрыта и газета «Л'Ора ди Палермо» (*L'Ora di Palermo*). С принятием королевского декрета №384 от 26 февраля 1928 г.¹ Установлены условия для полного контроля над СМИ: новое постановление допускало в коллегии журналистов лишь тех, кто не вел деятельность, идущую вразрез с национальными интересами. Заявки на вступление проверяла специальная комиссия, назначенная министром, — она одобряла их, опираясь на данные префектур о «политическом поведении» кандидатов.

6 ноября 1926 г. был издан Единый закон о общественной безопасности (*Testo unico di Pubblica sicurezza*, текст Т. У., пересмотрен королевским декретом №773 от 18 июня 1931 г.). В отношении изъятия печатных изданий он содержал следующие положения: статья 111 устанавливала, что для занятия «типографским искусством» и «любым искусством печати или механического или химического воспроизведения в многочисленных экземплярах» требовалась «лицензия квестора»; статья 112 запрещала «изготавливать, ввозить на территорию государства, приобретать, хранить, экспортировать», а также выставлять в витринах «письменные работы, рисунки, изображения или другие предметы любого рода, противоречащие политическому, социальному или экономическому устройству государства, наносящие ущерб престижу государства или власти или оскорбляющие национальные чувства» [31, p. 19].

Право на изъятие публикации принадлежало местным органам общественной безопасности.

В 1930 году запретили распространение книг с марксистской или схожей идеологией, хотя такие издания разрешалось хранить в публичных библиотеках в особых отделах, недоступных для широкой аудитории. Аналогичный подход применялся к конфискационным книгам. Читать их можно было лишь с одобрения властей, выданного после подачи обоснованных научных или культурных мотивов [25]. Автор отмечает, что не смотря на ограничения, такие разрешения выдавали довольно просто.

С 1926 по 1934 год произошел ключевой сдвиг полномочий: Министерство внутренних дел (включая Службу общественной безопасности) утратило контроль над этой сферой, которую Муссолини перевел в Президиум Совета министров. Поворотным стал циркуляр от 3 апреля 1934 г. (*Circ. 442/9532*), подписанный Бенито Муссолини. Он поручил цензуру публикаций Пресс-службе Президиума (*Ufficio stampa della Presidenza del Consiglio*), которая отныне действовала параллельно с префектами (и могла на них воздействовать). Кроме того, ввели превентивную конфискацию: «все издатели или типографы любых публикаций или рисунков, даже периодических, должны перед продажей [или] распространением представить три экземпляра в префектуру» [31, p.122].

Сохранили видимость норм действующего закона, где печать формально оставалась свободной, но изъятие допускалось до выхода к читателям. Уголовных санкций не предусматривали, чтобы не менять законодательство.

Переход к новой системе занял около двух лет. За это время Пресс-служба Президиума расширила компе-

¹ <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1928-02-26;384>, дата обращения 10.08.2025.

тенции и эволюционировала в Министерство народной культуры. Префектов обошли: все рычаги сосредоточились у ведомства под руководством Дино Альфьери.

Цензура в публичных коммуникациях лежала на Министерстве народной культуры (Минкультпроп) — органе, контролирувавшем контент для газет, радио, литературы, театра, кино и большинства других форм общения или искусства.

Итальянская пресса подвергла себя самоцензуре еще до того, как это сделала цензурная комиссия. На самом деле, формально против прессы было предпринято очень мало действий, из-за высоко иерархичной организации газет (находившихся в руках людей, часто друживших с режимом или равнодушных к нему, но боявшихся его), режим мог чувствовать себя достаточно уверенно, очень часто контролируя назначение директоров и лиц, ответственных за цензуру в отдельных изданиях.

Большинство интеллектуалов, которые до и во время первых этапов установления фашизма ясно и свободно выражали свои антифашистские настроения, все же сохранили роль журналистов (за редким исключением, таким как Антонио Грамши) и нашли способ работать в системе, где новости поступали непосредственно от правительства (в бюллетенях новостей, известных как «велины», изготавливаемые как множественные копии на механической пишущей машинке), и нужно было только адаптировать тексты к формам, стилю и культуре средних масс преобладающей аудитории читателей или слушателей.

Независимая (не признанная режимом) пресса использовала подпольное оборудование и подпольные каналы распространения и была связана в основном с деятельностью политических групп. В 1936 г. Министерство народной культуры начало давать точные указания издателям, уделяя внимание даже используемым

прилагательным.

Фашистская цензура предполагала наполнение газет хроникой в политически наиболее деликатные моменты, чтобы отвлечь общественное мнение от опасных для правительства событий. Пресса создавала «монстров» или концентрировалась на пугающих фигурах (серийных убийцах, террористах, педофилах и т.д.). При необходимости подчеркивался образ безопасного и упорядоченного государства, где полиция была способна поймать всех преступников, а поезда, как гласит клише, всегда ходили по расписанию. Все эти маневры обычно управлялись непосредственно Министерством культуры. Что касается сатиры и связанной с ней прессы, фашизм не был столь строг, и известный журнал «Марк Аурелио» (Marc'Aurelio) печатался и распространялся без особых проблем [40, р. 354]. В 1924-1925 гг., в самый жестокий период фашизма (когда отряды применяли насилие против оппозиционеров), журнал, ссылаясь на смерть Джакомо Маттеотти, убитого фашистами, опубликовал серию анекдотов и карикатур, изображающих Муссолини, «раздающего вечный мир». Однако в последующие годы «Марк Аурелио» стал более сдержанным, и в 1938 г. (год принятия расовых законов) часто публиковал статьи и рисунки с вульгарным антисемитским содержанием.

Вмешательство фашистского режима в общественную жизнь Италии, сначала скромное, стало значительным только после 1922 г., с одновременным укреплением режима.

В 1920-е гг. итальянский театр переживал глубокий кризис из-за конкуренции со стороны кино, и только в 1930-е гг. фашистское правительство осознало важность культурного влияния театрального искусства и решило взять на себя руководство театральной деятельностью, приняв ряд мер, таких как государственное финансирование, новая организация любительских театральных трупп, контроль

над труппами во время их гастролей в Италии и за рубежом и, прежде всего, организацией новой эффективной театральной цензуры¹. В театре цензура вызвала возрождение «кановаччо» (сценарий пьесы без реплик актеров) и комедии дель арте: поскольку все истории должны были получить разрешение перед постановкой, истории были переработаны и официально представляли собой импровизации на заданную тему.

До 1930 г. фашизм не имел специальной организации по контролю за театральной продукцией. Наблюдать за тем, что происходило в мире спектаклей, и, в случае необходимости, вмешиваться было задачей местных префектур. Только в 1931 г. Министерство иностранных дел (Ministero dell'interno), возглавляемое чиновником Леопольдо Зурло, который оставался на этой должности до 1943 г., рассмотрел в общей сложности 18 000 текстов итальянских авторов. В 1935 г. этот контрольный орган был переведен под управление Министерства печати и пропаганды, которое в 1937 г. стало Министерством народной культуры. Помимо специально созданных ведомств, режим для своих цензурных мер использовал также другие косвенные и импровизированные источники, такие как переписка и журналистские рецензии, а также общие отзывы зрителей о спектаклях [39, p. 570].

Цензура не была одинаковой для всех авторов, но различалась от случая к случаю с разными результатами даже для одного и того же автора или одного и того же спектакля, в зависимости от контекста, в котором он происходил. Редко произведение автора подвергалось полной цензуре, гораздо чаще вмешательство цензора ограничивалось удалением некоторых реплик или целого акта сценария, либо отдельных деталей, касающихся сцен или костюмов, которые режим считал политически вредными.

Префект Зурло очень тщательно подходил к своей работе: каждое его цензурное вмешательство сопровождалось пояснительными замечаниями. Такие точные вмешательства, естественно, требовали времени, и это объясняет, почему каждое произведение должно было проходить цензуру, представляясь в специальный офис по крайней мере за два месяца до премьеры на сцене. Это также объясняет, почему сами авторы часто подвергали себя самоцензуре и, чтобы не рисковать вредными задержками премьеры своих произведений, вставляли в сценарий скрытые похвалы фашизму, подчеркивая его достоинства и ценности в самом театральном рассказе. В конечном итоге, авторы не оказывали особого сопротивления цензуре, напротив, они предпочитали, чтобы она вмешивалась до представления, сами прося о ее вмешательстве, а не во время представления, когда это могло привести к его приостановке [Ibid, pp. 571-572].

Побочным эффектом цензуры театральных сценариев стало разрешение перед выходом на сцену: они были кратко резюмированы, так что официально они выглядели как импровизации на заданную тему [Pubblicazioni degli Archivi di Stato].

Яркими исключениями из этой ситуации были случаи с Роберто Бракко и Сем Бенелли [47, p. 125; 39, pp. 599-601]. С того момента, как Бенелли порвал с режимом после убийства Маттеотти, фашистская цензура обрушилась на театральные постановки этого автора, который ранее прославлял дуче как гения на вершине пирамиды и бога на земле. В мае 1933 г. было приказано Национальной организации «Дополаворо» (Opera Nazionale Dopolavoro) запретить «всем театральным труппам ставить пьесы Роберто Бракко и Сема Бенелли», подозреваемых

¹ Archivio Centrale dello Stato, MinCulPop, DG teatro e musica, fondo censura teatrale, b. 654, f. 12483; b. 426, f.8054.

в антифашизме и в любом случае «противоречащих образовательным и моральным критериям» фашизма. Бенелли находился под наблюдением OVRA¹, ему было прямо запрещено сочинять другие произведения, хотя двусмысленное отношение режима к искусству позволяло ему время от времени продолжать свою работу. Значительным было то, что произошло с драмой «Орхидея», поставленной в театре «Элизео» (Eliseo) в Риме 20 мая 1938 г. Артуро Боккини, глава полиции, написал Франческо Перуцци, инспектору, ответственному из OVRA: «Как известно, вечером 20 мая в театре «Элизео» в Риме пьеса «Орхидея» Сема Бенелли была встречена зрителями настолько враждебно, что представление пришлось прервать. Затем пьеса была окончательно снята с афиши». На самом деле, при своем дебюте «Орхидея» была хорошо принята публикой; если же теперь она подвергалась освистыванию и крикам несогласия, то это было связано с пятьюдесятью фашистскими отрядами, специально присланными Стараче, национальным секретарем Национальной фашистской партии, и Андреа Ипполито, федеральным судьей Рима. До этих событий фашистская цензура неуклюже поступила и с другой пьесой Бенелли «Слон», поставленной в 1937 г. Из-за недоразумения вырезанные из сценария фразы не были отражены в тексте, который был опубликован и распространен в театре, поэтому зрители, следя за игрой актеров, могли заметить бессмысленность цензурированных фраз, таких как «брак стал фиксацией современной цивилизации».

Большая часть документов о фашистской цензуре происходит из военных комиссий по цензуре. Это объясняется несколькими фактами: во-первых, война создала потребность писать своим семьям, которой раньше не было. Во-вторых, в та-

кой критической ситуации, как война, военные власти были вынуждены активизировать свою деятельность с целью контроля над возможными внутренними противниками, шпионами или (прежде всего) пораженцами. Наконец, исход войны не позволил фашистам скрыть или уничтожить эти документы (что, как предполагается, произошло с другими документами до войны), которые остались в государственных учреждениях, где их нашли оккупационные войска. Поэтому сегодня можно прочесть тысячи писем, которые солдаты отправляли своим семьям, и эти документы оказались уникальным источником знаний об итальянском обществе того периода. Чтение писем было ежедневным, анализ в записке поступал Муссолини или его аппарату, а также другим властным структурам. В этих записках, например, сообщалось, что солдаты думали о некоторых важных событиях, каково было мнение в Италии и тому подобные темы [42, pp. 7 e sgg].

Цензура проникла в книгоиздание, где издатели имели своих собственных контролеров. Некоторые тексты попадали в книжные магазины и в этом случае разветвленная организация цензурных органов в короткие сроки изымала все экземпляры запрещенного произведения. Следует отметить вопрос итальянизации слов, заимствованных из других языков: с введением «автаркии» (общей политики, направленной на самодостаточность и итальянскость) они были запрещены, и любая попытка использовать неитальянское слово приводила к формальной цензуре. Однако цензура не накладывала серьезных ограничений на иностранную литературу, многие иностранные авторы могли свободно издаваться, посещать Италию и писать о ней.

С 1938 г. начались массовые репрессии против книг: произведения, содержа-

¹ Organo di Vigilanza dei Reati Antistatali — «Орган надзора за антигосударственными проявлениями», орган политического сыска в Королевстве Италия времён правления короля Виктора Эммануила III.

щие темы, связанные с еврейской культурой, масонством, коммунистической идеологией, были удалены с потайных полок закрытых отделов книжных магазинов. Но Фабре пишет, что «в отличие от Германии, это было без огня [физического сожжения – *прим. автора*]. В Италии тысячи томов, возможно, миллионы, тонны бумаги исчезли, испарились, и никто никогда больше не говорил о них» [39, 1988, р. 7]. Приказ не выполнялся с большим рвением, поскольку такая политика сделала режим очень непопулярным [25]. Чтобы избежать проверок и конфискации со стороны OVRA, многие библиотекари предпочитали прятать запрещенные произведения, которые во многих случаях были найдены после окончания войны.

С созданием Министерства народной культуры контроль над прессой был централизован в Риме и отобран у префектов. Ведомство, возглавляемое Дино Альфиери, взяло на себя ответственность за все материалы, которые могли появляться в газетах, на радио, в литературе, театре, кино и в целом в любой другой форме коммуникации или искусства. Контроль над политической информацией стал еще более жестким: журналисты теперь могли передавать только новости, присланные министерством, которое также занималось формой, считавшейся наиболее соответствующей фашистским идеалам и методам.

События, в которых итальянские фашисты приняли участие в гражданской войне в Испании, привели к увеличению числа диссидентских журналистов (среди них Индро Монтанелли) и их исключению из реестра: многие, такие как Элио Витторини, в результате ушли в подполье. Из-за того, что руководство газетами находилось в руках людей, назначаемых непосредственно режимом, писали, что итальянская пресса часто подвергалась

самоцензуре [28, р. 104] не беспокоясь, как сказал Эннио Флайано, о том «незначительном большинстве итальянцев», которые были фашистами [34, р. 12].

Хотя режим изначально установил жесткий превентивный контроль над всеми формами периодических изданий и другими формами массовых развлечений, такими как театр и кино, только в 1934 г. он впервые ввел превентивные меры в цензуре книг. Показательно, что именно популярный роман спровоцировал изменение фашистской политики. Роман «Sambadù amore negro» итальянской писательницы Марии Вольпи (писавшей под псевдонимом Мура) был опубликован в том же году известным издательством «Риццоли» (Rizzoli) в качестве приложения к своему иллюстрированному журналу «Новелла» (Novella), который имел яркую иллюстрацию¹ на обложке, с чернокожим мужчиной в западном костюме, обнимающем потерявшую сознание белую женщину, и рассказывал историю злополучного брака между африканским инженером и молодой итальянской вдовой. Муссолини увидел экземпляр романа и был в ярости. Уже велась подготовка к вторжению Италии в Эфиопию в следующем году и дуче счел совершенно неприемлемым, чтобы обложка, явно восхваляющая межрасовую любовь, могла быть опубликована.

Муссолини отдал распоряжение о введении новой системы превентивной цензуры книг. Эти меры не были закреплены законом, но были официально оформлены циркуляром, разосланным всем префектам полиции. Циркуляр №442/9532 от 3 апреля 1934 г., подписанный Муссолини в качестве министра

¹ Обложка воспроизведена в работах [21, р. 98; 31, р. 437]. Изображение обложки в хорошем качестве также можно увидеть на следующей веб-странице: <https://mistergiuseppe.wordpress.com/2016/04/10/i-romanzi-di-novella/> (дата обращения 16.12.2017).

внутренних дел¹. Этот весьма значимый циркуляр, знаменующий собой поворотный момент в фашистской цензуре книг, был обнаружен Джорджо Фабром, и его история реконструирована очень подробно в книге [31, pp. 22–28]. Бонсэйвер сделал замечание, что Муссолини не мог читать эту историю, иначе он бы понял, что, вопреки впечатлению, созданному обложкой, роман был во многом предостережением против межрасовых браков [21, pp. 95–102].

Власти обязывали издателей отправлять три экземпляра каждой напечатанной книги перед её распространением или продажей. Один из этих экземпляров оставался в местной префектуре, один отправлялся в Главное управление общественной безопасности [Direzioe generale della pubblica sicurezza], а один — в пресс-службу премьер-министра². Сложность этой системы заключалась в том, что она позволяла режиму продолжать утверждать, что в Италии нет превентивной цензуры, поскольку, формально говоря, издатели были свободны печатать то, что хотели; им нужно было лишь уведомить власти, прежде чем они могли фактически продать книги. Более того, убедительного воздействия на издателей для осознания того, что их книги отправляются на проверку, обычно было достаточно, чтобы гарантировать, что ничего слишком оскорбительного для режима не будет опубликовано. В случае обнаружения ошибок книга изымалась из печати, а в некоторых случаях конфисковывалась и уничтожалась. В некоторых, более мягких случаях издателю сообщали, что дальнейшая печать экземпляров запрещена, но существующие экземпляры можно было продать [45, p. 94, nota. 43]. Очевидно, что эта система была сопряжена с высоким финансовым

риском для издателей, поскольку они узнавали о запрете книги только после того, как тратили деньги на её печать. Чтобы попытаться смягчить эти случаи, режим согласился разрешить издателям присылать корректуры на проверку, чтобы в случае возникновения проблем они могли вмешаться в работу отдельных страниц, не выбрасывая всю книгу, а также согласился предоставить издателям мотивировку для любых запретов, чтобы можно было избежать подобных проблем в будущем; это свидетельствует о в целом сердечных и партнерских отношениях, которые существовали между издателями и цензором [45, pp. 147–148]. Режим даже иногда доходил до того, что компенсировал издателям финансовый ущерб, понесенный запретом, хотя, вероятно, это касалось только тех издателей, которые имели особенно тесные отношения с цензурой [21, p. 224; 45, p. 202].

Романы не избежали пристального внимания режима. Дино Альфиери заявил, что «убийца ни в коем случае не должен быть итальянцем и не может никак уйти от правосудия» [26, p. 18]. Он также постановил, что на иностранных книгах должны быть наклеены наклейки с текстом: «Нравы и привычки полиции, описанные в этом произведении, не являются итальянскими. В Италии правосудие и общественная безопасность — это серьезные вещи» [Ibid, p. 52].

Существовала цензура частной переписки. Любой телефонный звонок мог быть перехвачен, прослушан, иногда, мог быть прерван цензорами из печально известного «офиса наушников» [Ibid, p. 18]. Не вся корреспонденция проверялась, но и не вся прочитанная цензорами корреспонденция имела обычный штамп, подтверждающий факт проверки. Большая часть цензуры не афишировалась, чтобы

¹ Копию циркуляра можно найти в ACS, MI, DGPS, DAGR, Massime, b. S4 (prov.), f. S4 A 1/1. «Disciplina delle pubblicazioni. Circolari».

² Пресс-служба была предшественником будущего Министерства печати и пропаганды (Ministero per la stampa e la Propaganda) и фактически являлась государственной цензурой того времени.

тайно позволить полиции проводить дальнейшие расследования. Разговоры на улице были очень рискованными, поскольку специальный отдел следил за тем, что люди говорили на улице; обвинение со стороны полицейского, работающего под прикрытием, было очень трудно опровергнуть. Многие были ложно обвинены в антинациональных настроениях только из-за личной заинтересованности шпиона. В результате, после первых случаев люди обычно избегали разговоров на публике.

Итальянцы осознавали, что сообщение может быть записано, проанализировано и, в конечном итоге, использовано против них. Ситуация привела к тому, что со временем цензура стала чем-то, что нужно было учитывать, и вскоре люди начали использовать сленг или другие условные системы, чтобы обойти это правило. Оппозиция выражалась в сатирической форме или с помощью изобретательных юридических уловок, например, одной из которых было публичное исполнение гимна Сардинии, который должен был быть запрещен, поскольку был не на итальянском языке, и в то же время не мог быть запрещен, поскольку являлся одним из символов дома Савойи.

Следует сказать, что в большинстве небольших деревень жизнь продолжалась, как и раньше, поскольку местные власти использовали очень фамильярный стиль при выполнении таких приказов. Даже во многих городских реалиях гражданские чиновники проявляли мало рвения и много человечности, но общий эффект все же был значительным.

С 1937 г. рассматривалась возможность принятия мер в отношении прессы, имеющей расистский оттенок. В 1938 г., между 6 и 8 апреля, Министерство народной культуры издало первый указ, содержащий приказ о конфискации книг еврейских авторов. Он начинался со следующего соображения: «Чтобы устранить из

обращения еврейских писателей, писателей, проповедующих иудаизм, или, в любом случае, писателей с декадентскими наклонностями, необходимо дать четкий приказ директорам газет и журналов, а также издателям» [Ibid, p. 52].

Необходимым инструментом для борьбы с авторами, считавшимися врагами режима, было составление списка запрещенных лиц. В короткие сроки Министерство народной культуры составило список из 355 «предполагаемых» еврей-журналистов, используя в качестве основы профессиональный реестр (обновленный по состоянию на 28 февраля 1938 г.). [19, p. 423].

14 июля появился «Манифест расы» (Manifesto della razza), содержащий «биологическую» интерпретацию антисемитизма, которая впоследствии стала официальной линией фашистского правительства. Перед началом нового учебного года министр национального образования Джузеппе Боттаи издал несколько циркуляров о проведении «переписи» авторов школьных учебников с целью исключения книг, написанных еврейскими авторами. На заседании Большой фашистский совет (Gran consiglio del fascismo) 10 ноября эти циркуляры преобразовал в закон [31, p. 75]. Месяцем ранее Большой совет утвердил первые общие нормы (6 октября 1938 г.), которые затрагивали евреев во всех сферах общественной жизни (работа, брак, наследование и т. д.).

«Перепись» еврейских авторов была проведена в 1938-1939 гг. В ней участвовали все издательства. Они должны были сообщить правительственным органам личные данные всех евреев, входивших в их штат. Правительство рассчитывало на сотрудничество (соучастие) издателей, которые понимали, что у них нет другого выбора.

Что касается собственно издательской деятельности, то указания министерства были четкими: из каталога должны

были быть исключены произведения еврейских авторов. На практике издатели должны были подвергнуть цензуре запрещенных авторов, осуществив своего рода «самоочищение». Исключения допускались только для специализированных (академических, научных) издательств. Они могли продолжать продавать уже изданные произведения еврейских авторов до исчерпания запасов. Кроме того, они могли «завершить издание книг еврейских авторов, заявленных в министерство, которые находились в продвинутой стадии печати». В целом, около 900 произведений были «самоочищены» различными издательствами [Ibid, p. 216, 263].

Министерство также рассмотрело возможность закрытия издательства «Olschki» из-за его названия, но владелец пригрозил перенести всю производство в Швейцарию, что заставило правительство отказаться от своего намерения. Возмещения, предоставленные правительством, покрыли лишь часть убытков, которые были значительными: компания «Чедам» (Cedam) из Падуи заявила, что только в 1939 г. она понесла убытки на сумму более миллиона лир [Ibid, p. 236]. С января 1939 г. самоочищение пошло еще дальше: была запрещена публикация и переиздание даже «будущих книг всех евреев, итальянских и иностранных». В августе того же 1939 г. Муссолини издал приказ изъять из обращения все книги еврейских авторов, изданные с 1850 г. [Ibid, p. 236, 266]. Таким образом, по оценкам, были стерты четыре поколения еврейских писателей. Эти две последние меры так и не были преобразованы в закон [Ibid, p. 301].

После 1940 г. вопрос антисемитизма стал предметом в основном рутинных проверок, касающихся почти исключительно новых произведений. В период с 1940 по 1942 гг. издательские каталоги подверглись процессу сильной арианизации [Ibid, p. 304, 347]. От этого процесса не были избавлены даже библиотеки: с 1937 г. конфискованные публикации

больше не могли выдавать на дом и должны были размещаться на специальных полках, недоступных для публики. С 1938 г. все публичные библиотеки получили приказ удалить произведения еврейских авторов [23, p. 77].

Запрет на хранение книг о еврейской культуре в библиотеках был признаком серьезного ущемления свободы, поскольку «библиотеки, места, по определению предназначенные для хранения книг, могут стать наиболее эффективным инструментом исключения» [50, p. 15].

В Италии не было таких громких акций с кострами книг для уничтожения книг еврейских авторов. Костер, устроенный фашистами, все же имел место в Италии, в Турине, на площади Карлина в 1943 г. Однако этот эпизод опровергается некоторыми свидетелями того времени, такими как Альберто Кавальон, который подтверждает некоторые рейды по еврейской библиотеке в 1943 г., но говорит, что большая часть этих книг была спасена издателем Андреа Виглонго, антифашистский журналист Бруно Сегре также утверждает, что в 1943 г. пожара не было, поскольку библиотека уже была почти полностью разрушена бомбардировками союзников [31, pp. 413-414].

На протяжении большей части существования режима не существовало специальной процедуры цензурирования для переводных книг. Переводы просто контролировались с использованием тех же методов и параметров, что и для книг итальянских авторов. Только в 1937 г. режим впервые ввел меры, специально направленные на переводы, и в 1940 году были объявлены первые ограничения. Одна из причин заключалась в беспокойстве режима о количестве публикуемых переводов, а не о их содержании. Однако режим рассматривал издателей как лояльную и заслуживающую доверия группу и не хотел вводить разрушительные ограничения. Первой институциональной мерой, которую удалось обнаружить К.

Рандлу [46, р. 12] и которая была бы направлена конкретно против переводов, стал циркуляр, разосланный издателям в январе 1937 г. государственным цензором Министерства народной культуры, который требовал от них ежемесячно отправлять список всех новых публикаций, четвертый экземпляр каждой книги сверх трех, которые они уже обязаны были отправлять в префектуру для получения разрешения на их распространение; и, что немаловажно, заранее информировать Министерство каждый раз о принятии решения о переводе книги¹. Шаг, сигнализирующий о желании Министерства начать отслеживать точное количество переводимых книг; и, возможно, дать издателям почувствовать, что за ними более пристально наблюдают. Дальнейшие шаги были предприняты в следующем году, в январе 1938 г., когда Министерство потребовало от издательств предоставить список всех опубликованных ими к настоящему моменту переводов и всех тех, которые они планировали опубликовать в будущем. Это уже сигнализировало о более зловещем интересе к реальным цифрам, касающимся переводов. Запрос был сделан телеграммой издателям от Герардо Казини, руководителя отдела книг Министерства народной культуры². Два месяца спустя, в марте 1938 г., Министерство массовой культуры ввело систему предварительного разрешения на распространение всех переводов – меру, которую издатели успешно обошли годом ранее³. В августе 1938 г. министр образования Джузеппе Боттаи заставил издателей изъять все школьные учебники еврейских авторов [Ibid, pp. 167–170].

Заключение. Проблема режима заключалась в том, как создать массовую культуру, которая могла бы привлечь

массы и при этом сохранить основные ценности фашизма. В этом проекте можно утверждать, что режим оказался втянутым в обстоятельства, неподвластные ему. Несмотря на всю энергию, потраченную на мониторинг и цензуру всего, что итальянцы могли читать, смотреть или слышать; несмотря на запуск колониальной экспедиции, которая должна была поднять Италию до статуса мировой державы, но обернулась экономической и политической катастрофой, итальянцы упорно отказывались стать той военной расой, о которой мечтал Муссолини, и отстраниться от культурных мифов, которые они сами для себя создавали: сначала Веймарская Германия, а затем современная Америка, и гламурный, декадентский образ жизни, который они представляли. Все цензурированные зоны проходят как линия разлома в этом контексте, обнажая провалы фашистского культурного проекта и несостоятельность режима.

Субкультурные идеологизированные образования (либеральная, социалистическая, религиозная) последовательно вытеснялись новой, фашистской субкультурой. Для достижения данной цели были задействованы механизмы тоталитарного режима, а именно: мощный и адаптивный репрессивный аппарат, цензура, идеологическое конструирование и мифотворчество, система воспитания, правовая система, а также всеобъемлющее государственное вмешательство.

В данной статье обобщаются ключевые результаты исследования фашистской цензуры в Италии (1922–1939 гг.): эволюция цензуры от разрозненных мер к централизованной системе партийно-государственного контроля; влияние визита Геббельса (1933 г.) на ужесточение мер и

¹ Циркуляр датирован 30 января 1937 года. Копию можно найти в ASMi, PMG I, b.716 ‘Rassegna Bibliografica. Elenco delle pubblicazioni’.

² AME, SAM, f. «Ministero della Cultura Popolare».

³ Circolare n. 1135 del 26 marzo 1938. ACS, MI, DGPS, DAGR, Massime, p. C4 103 A (prim.), f. S4 B5, ‘Tradizione e diffusione nell’ambito della creatività degli autori di stranieri’. Cit. [31, p. 32; 32, pp. 27–28].

реформы Г. Чиано; трансформация Комиссариата прессы в Министерство народной культуры (1935 г.); полное устранение альтернативных идеологий; создание репрессивной инфраструктуры для доминирования фашистской субкультуры; демонстрация цензуры как инструмента тотального идеологического давления с контрольными, запрещающими и манипулятивными функциями для построения общества консенсуса.

Вклад автора в науку заключается в комплексном анализе развития цензуры как всеобъемлющей системы контроля над обществом, введении в оборот ранее неиспользованных архивных документов и углублении понимания пропагандистского воздействия государства на обще-

ство в контексте фашистского тоталитаризма. Эти результаты имеют высокую научную значимость, поскольку уточняют механизмы формирования фашистского консенсуса через структурное насилие и цензуру, дополняют отечественную и зарубежную историографию и подчеркивают преемственность тоталитарных практик.

Дальнейшая исследовательская программа предполагает: сравнительный анализ итальянской цензуры с нацистской и советской; изучение роли самоцензуры в повседневной жизни итальянцев; исследование цензуры в период 1940–1945 гг. (война и кризис режима); публикацию полного корпуса архивных документов с комментариями.

Список литературы

1. Агапова Е.А. Феномен цензуры. Южный федеральный ун-т, Пед. ин-т. Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 181 с.
2. Агапова Е.А. Феномен цензуры в тоталитарных режимах Европы XX века // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 109–115.
3. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: Издательство Московского университета, 2000. 366 с.
4. Воробьев А.М. Религиозная цензура как явление русской культуры XVIII – первой четверти XIX в. Дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург : УРФУ, 2018. 195 с.
5. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 405 с.
6. Дарнтон Р. Цензоры за работой. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 333 с.
7. Левченко И.Я. Цензура как общественное явление. Дисс. канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995. 144 с.
8. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
9. Журавлев Ф. Социологическое рассмотрение цензуры и самоцензуры // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. Т 1, № 12. С. 114-118.
10. Зеленов М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. №1 (31). С. 94-103.
11. Любин В. П., Терехова Н. Г. Дуче, фашизм и политика памяти в Италии // Историческая экспертиза. 2018. Т. 4. С. 30-51.
12. Михайленко В.И. Современные исследования тоталитаризма // Известия Уральского государственного университета. 2011, №1(86). С. 181-192.
13. Неретин А.И. Структурное насилие эпохи фашизма и итальянская идентичность : дис. ... кандидата исторических наук : 5.6.4. Москва, 2024. 273 с.
14. Тольятти П. Лекции о фашизме. М.: Политиздат, 1974. 200 с.
15. Цумарева Е.П. К вопросу о цензуре: понятие, системный подход к изучению, историография функционирования цензуры на территории Беларуси в период 1905-

- 1917 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. 2(56). С. 126-135.
16. Alfieri D. (1939) *Il teatro italiano* // Scenario, n. 6, giugno. p. 247.
  17. Benelli S. (1946b) *L'Orchidea*. Commedia in tre atti. Verona: Arnoldo Mondadori Editore. 244 s.
  18. Benelli S. (1946a) *L'Elefante*. Commedia in tre atti. Verona: Arnoldo Mondadori Editore. 260 s.
  19. Bianchi G. (1972) *Perché come cadde il fascismo: 25 luglio crollo di un regime*. Milano: Mursia. 921 s.
  20. Bonsaver G. & Gordon R. (eds.) (2005) *Culture, censorship and the state in twentieth-century Italy*. London: Legenda. 216 s.
  21. Bonsaver G. (2007) *Censorship and literature in Fascist Italy*. Toronto: University of Toronto Press. 405 s.
  22. Bonsaver G. (2013) *Mussolini censore. storie di letteratura, dissenso e ipocrisia*. Bari: Laterza Editore. 216 s.
  23. Canfora L. (1994) *Libro e libertà*. Bari: Laterza. 96 s.
  24. Müller B. (2004) *Censorship and Cultural Regulation: Mapping the Territory* // *Censorship and Cultural Regulation in the Modern Age*. Amsterdam ; New York: Rodopi. pp. 1-31.
  25. Cesari M. (1978) *La censura nel periodo fascista*. Napoli: Edizioni Liguori. 130 s.
  26. Crovi L. (2000) *Delitti di carta nostra: una storia del giallo italiano*. Vigonza: Ed. Puntozero. 127 s.
  27. Crovi L. (2002) *Tutti i colori del giallo: il giallo italiano da De Marchi a Scerbanenco a Camilleri*. Venezia: Marsilio. 363 s.
  28. Chiatti P. (2009) *Pensare e costruire la democrazia*. Perugia: Morlacchi Editore. 170 s.
  29. D'Amico S. (1945) *Il teatro non deve morire*. Roma: Edizioni dell'Era Nuova. 186 s.
  30. De Felice R. (1975) *Nell'Intervista sul fascismo*. RomaBari: Laterza, 1975. 141 s.
  31. Fabre G. (1998) *L'elenco. Censura fascista, editoria e autori ebrei*. Torino: Silvio Zamorani Editore. 499 s.
  32. Fabre G. (2007) *Censorship and Translation. Modes of Censorship. National Contexts and Diverse Media*, edited by Francesca Billiani. London: Routledge. pp. 27–59.
  33. Fabre G. (2018) *Il censore e l'editore. Mussolini, i libri, Mondadori*. Milano: Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori. 525 s.
  34. Flaiano E. (1977) *Diario notturno e altri scritti*. Milano: Rizzoli. 225 s.
  35. Gentile E. (2002) *Fascismo. Storia e interpretazione*. Roma: Editori Laterza. 340 s.
  36. Gentile E. (2003) *The Struggle for Modernity: Nationalism and Fascism in Italy*. Westport: Praeger. 224 s.
  37. Holquist M. (1994) *Corrupt Originals: The Paradox of Censorship* // *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*, № 1 (109). pp. 14–25.
  38. Koenig M. (2013) *Censura, controllo e notizie a valanga. La collaborazione tra Italia e Germania nella stampa e nella radio 1940–41*, in *Italia contemporanea*, n. 271, pp. 233–255.
  39. Laccio P. (1986) *La censura teatrale durante il fascismo*, in *Storia contemporanea*, n. 4, agosto.
  40. Marcucci E. (2005) *Giornalisti grandi firme: l'età del mito*. Soveria Mannelli: Rubbettino Editore. 502 s.
  41. Murialdi P. (1986) *La stampa del regime fascista*. Roma: Laterza. 246 s.
  42. Pardini G. (2001) *Sotto l'inchiostro nero: fascismo, guerra e censura postale in Lucchesia (1940-1944)*. Milano: MIR Edizioni. 247 s.
  43. Rose J. (2003) *Il libro della Shoah italiana. I racconti di chi è sopravvissuto*. Milano: Sylvestre Bonnard. 471 s.

44. Rundle C. (2000) The censorship of translations in Fascist Italy, in *The Translator*, 6 (1). pp. 67–86.
45. Rundle C. (2010) *Publishing translations in Fascist Italy*. Oxford: Peter Lang. 252 s.
46. Rundle C. (2018) *Stemming the Flood: the Censorship of Translated Popular Fiction in Fascist Italy* // *PERSPECTIVES*, 26 (6). pp. 838-851.
47. Scarpellini E. (1989) *Organizzazione teatrale e politica del teatro nell'Italia fascista*. Firenze: La Nuova Italia. 385 s.
48. *Storia degli editori italiani. Dall'Unità alla fine degli anni Sessanta (2000)*. Rome and Bari: Laterza. 578 s.
49. Talbot G. (2007) *Censorship in Fascist Italy, 1922–43*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. 251 s.
50. Zuccotti S. (1998) *L'Olocausto in Italia*. Milano: Mondadori. 373 s.
51. Zurlo L. (1952) *Memorie inutili. La censura teatrale nel ventennio*. Roma: Edizioni dell'Ateneo. 379 s.

Источники

- Конституция Итальянской Республики. URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1947/en/13703> (дата обращения 30.07.2025).
- ACS, MI, DGPS, DAGR, Massime, b. S4 (prov.), f. S4 A 1/1. «Disciplina delle pubblicazioni. Circolari».
- Archivio Centrale dello Stato, MinCulPop, DG teatro e musica, fondo censura teatrale, b. 654, f. 12483; b. 426, f. 8054.
- ASMi, PMG I, b. 716 'Rassegna Bibliografica. Elenco delle pubblicazioni'.
- Digital Repository of the Politecnico di Torino. URL: <http://digit.biblio.polito.it/3351/> (дата обращения 30.07.2025).
- Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia
- Pubblicazioni degli Archivi di Stato - Strumenti CLX - Archivio Centrale dello Stato, Censura teatrale e fascismo (1931-1944), (2004) *La storia, l'archivio, l'inventario* / a cura di Patrizia Ferrara. Roma: Ministero per i beni e le attività culturali Direzione generale per gli archivi.

Сокращения

- ACS - Archivio Centrale dello Stato, Roma
AME - Archivio Storico Arnoldo Mondadori Editore
ASMi - Archivio di stato, Milano
DRPT - Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori, Milano

FASCIST CENSORSHIP IN ITALY: FROM A SYSTEM OF CONTROL TO IDEOLOGICAL PRESSURE

The article studies the evolution and features of fascist censorship in Italy 1922-1939. in order to deepen the understanding of the propaganda impact of the state on society. The history of fascist censorship has been studied in its development and structuring by the authorities as a comprehensive system of party-state control over all spheres of society. Previously unused archival documents were put into scientific circulation. In March 1933, a propaganda ministry was created in Germany, after the visit of its head Goebbels to Italy, censorship was tightened and G. Ciano was appointed head of the Press Committee, who carried out a reform of the department by analogy with the Goebbels ministry. The process of concentration and centralization of censorship management received a logical conclusion in 1935, when the committee was transformed into a ministry. In the country, the possibilities of the legal spread of ideological values alternative to fascism were completely eliminated. The repressive apparatus, including censorship, created such a public infrastructure that allowed and stimulated the rapid development of only one subculture - the fascist. The study shows that the system of

total ideological pressure was more punitive, performed control-prohibitive and manipulative functions, was subordinated to the goal of building a society of consent.

Keywords: history of Italy, fascism, censorship, consensus, structural violence

References

1. Agapova E.A. (2008) Fenomen cenzury [Phenomenon of Censorship]. Yuzhny`j federal`ny`j un-t, Ped. in-t. Rostov-na-Donu : IPO PI YuFU. 181 s.
2. Agapova E.A. (2012) Fenomen cenzury v totalitarnyh rezhimah Evropy HH veka [Phenomenon of Censorship in the Totalitarian Regimes of Europe in the 19th Century]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2, pp. 109–115.
3. Belousov L.S. (2000) *Rezhim Mussolini i massy`* [Mussolini regime and masses]. M.: Moscow University Publishing House. 366 s.
4. Vorob'ev A. M. (2018) Religionznaja cenzura kak javlenie russoj kul'tury XVIII – pervoj chetverti XIX v. [Religious Censorship as a Formation of Russian Culture in the 18th – First Quarter of the 19th Century] (doctoral dissertation). URFU, Ekaterinburg. 195 s.
5. Goryaeva T.M. (2009) Politicheskaya cenzura v SSSR: 1917–1991 gg. [Political censorship in the USSR: 1917-1991]. M. : Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N). 405 s.
6. Darnton R. (2017) Cenzory` za rabotoj [Censors at work]. M. : Novoe literaturnoe obozrenie. 333 s.
7. Zhirkov G.V. (2001) Istoriya cenzury` v Rossii XIX–XX vv. [History of censorship in Russia XIX-XX centuries]. M.: Aspekt Press. 368 s.
8. Zhuravlev F. (2020) Sociologicheskoe rassmotrenie cenzury` i samocenzury` [Sociological consideration of censorship and self-censorship]. *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. T 1, № 12. pp 114-118.
9. Zelenov M.V. (2013) Cenzura: podxody` k opredeleniyu ponyatiya [Censorship: approaches to defining a concept]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. №1 (31). pp. 94-103.
10. Levchenko I. J. (1995). *Cenzura kak obshhestvennoe javlenie* [Censorship as a general phenomenon] (doctoral dissertation). URFU, Ekaterinburg. 144 s.
11. Lyubin V.P., Terehova N.G. (2018) Duche, fashizm i politika pamyati v Italii [Duce, fascism and the politics of memory in Italy]. *Istoricheskaya e`kspertiza*. T. 4. pp 30-51.
12. Mikhailenko V.I. (2011) Sovremennyye issledovaniya totalitarizma [Modern studies of totalitarianism]. *News of the Ural State University*. №1(86). pp 181-192.
13. Neretin, A. I. (2024). Strukturnoe nasilie jepohi fashizma i ital'janskaja identichnost' [Structural violence of fascism and Italian identity:] (doctoral dissertation). MGU, Moscow. 273 s.
14. Togliatti P. (1974) *Lekcii o fashizme* [Lectures on fascism]. M.: Politizdat. 200 s.
15. Czumareva E.P. (2023) K voprosu o cenzure: ponyatie, sistemny`j podxod k izucheniyu, istoriografiya funkcionirovaniya cenzury` na territorii Belarusi v period 1905-1917 gg. [On the issue of censorship: the concept, systematic approach to study, historiography of the functioning of censorship in Belarus in the period 1905-1917]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(56). pp. 126-135.
16. Alfieri D. (1939) Il teatro italiano. *Scenario*, n. 6, giugno, 247.
17. Benelli S. (1946b) *L'Orchidea. Commedia in tre atti*. Verona: Arnoldo Mondadori Editore. 244 s.
18. Benelli S. (1946a) *L'Elefante. Commedia in tre atti*. Verona: Arnoldo Mondadori Editore. 260 s.
19. Bianchi G. (1972) *Perché come cadde il fascismo: 25 luglio crollo di un regime*. Milano: Mursia. 921 s.

20. Bonsaver G. & Gordon, R. (eds.) (2005) *Culture, censorship and the state in twentieth-century Italy*. London: Legenda. 216 s.
21. Bonsaver G. (2007) *Censorship and literature in Fascist Italy*. Toronto: University of Toronto Press. 405 s.
22. Bonsaver G. (2013) *Mussolini censore. storie di letteratura, dissenso e iposcisia*. Bari: Laterza Editore.
23. Canfora L. (1994) *Libro e libertà*. Bari: Laterza. 96 s.
24. Müller B. (2004) Censorship and Cultural Regulation: Mapping the Territory. *Censorship and Cultural Regulation in the Modern Age*. Amsterdam ; New York: Rodopi. pp. 1-31.
25. Cesari M. (1978) *La censura nel periodo fascista*. Napoli: Edizioni Liguori. 130 s.
26. Crovi L. (2000) *Delitti di carta nostra: una storia del giallo italiano*. Vigonza: Ed. Puntozero. 127 s.
27. Crovi L. (2002) *Tutti i colori del giallo: il giallo italiano da De Marchi a Scerbanenco a Camilleri*. Venezia: Marsilio. 363 s.
28. Chiatti P. (2009) *Pensare e costruire la democrazia*. Perugia: Morlacchi Editore. 170 s.
29. D'Amico S. (1945) *Il teatro non deve morire*. Roma: Edizioni dell'Era Nuova. 186 s.
30. De Felice R. (1975) *Nell'Intervista sul fascismo*. RomaBari: Laterza, 1975. 141 s.
31. Fabre G. (1998) *L'elenco. Censura fascista, editoria e autori ebrei*. Torino: Silvio Zamorani Editore. 499 s.
32. Fabre G. (2007) Censorship and Translation. *Modes of Censorship. National Contexts and Diverse Media*, edited by Francesca Billiani. London: Routledge. pp. 27–59.
33. Fabre G. (2018) *Il censore e l'editore. Mussolini, i libri, Mondadori*. Milano: Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori. 525 s.
34. Flaiano E. (1977) *Diario notturno e altri scritti*. Milano: Rizzoli. 225 s.
35. Gentile E. (2002) *Fascismo. Storia e interpretazione*. Roma: Editori Laterza. 340 s.
36. Gentile E. (2003) *The Struggle for Modernity: Nationalism and Fascism in Italy*. Westport: Praeger. 224 s.
37. Holquist M. (1994) Corrupt Originals: The Paradox of Censorship. *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*. № 1 (109). pp. 14–25.
38. Koenig M. (2013) Censura, controllo e notizie a valanga. La collaborazione tra Italia e Germania nella stampa e nella radio 1940–41. *Italia contemporanea*, n. 271. pp. 233–255.
39. Laccio P. (1986) La censura teatrale durante il fascismo. *Storia contemporanea*, n. 4, agosto.
40. Marcucci E. (2005) *Giornalisti grandi firme: l'età del mito*. Soveria Mannelli: Rubbettino Editore. 502 s.
41. Murialdi P. (1986) *La stampa del regime fascista*. Roma: Laterza. 246 s.
42. Pardini G. (2001) *Sotto l'inchiostro nero: fascismo, guerra e censura postale in Lucchesia (1940-1944)*. Milano: MIR Edizioni. 247 s.
43. Rose J. (2003) *Il libro della Shoah italiana. I racconti di chi è sopravvissuto*. Milano: Sylvestre Bonnard. 471 s.
44. Rundle C. (2000) The censorship of translations in Fascist Italy. *The Translator*, 6 (1). pp. 67–86.
45. Rundle C. (2010) *Publishing translations in Fascist Italy*. Oxford: Peter Lang. 252 s.
46. Rundle C. (2018) Stemming the Flood: the Censorship of Translated Popular Fiction in Fascist Italy. *PERSPECTIVES*, 26 (6). pp. 838-851.
47. Scarpellini E. (1989) Organizzazione teatrale e politica del teatro nell'Italia fascista. Firenze: La Nuova Italia. 385 s.
48. *Storia degli editori italiani. Dall'Unità alla fine degli anni Sessanta* (2000). Rome

and Bari: Laterza. 578 s.

49. Talbot G. (2007) *Censorship in Fascist Italy, 1922–43*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. 251 s.

50. Zuccotti S. (1998) *L'Olocausto in Italia*. Milano: Mondadori. 373 s.

51. Zurlo L. (1952) *Memorie inutili. La censura teatrale nel ventennio*. Roma: Edizioni dell'Ateneo. 379 s.

Об авторе

Якутина Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории рекламы массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета, E-mail: yakutinaelena@gmail.com.

Yakutina Elena Nikolaevna - Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Advertising Theory of Mass Communications, Moscow University of the Humanities, E-mail: yakutinaelena@gmail.com.

УДК 94(47)

Измозик В.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского Государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича (Россия)

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЦЕНЗУРЕ

Рецензия на сборник «Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов» (СПб.: РНБ, 2025. Вып. 12. 544 с.)

Рецензируемый сборник посвящен истории цензуры в России на протяжении двух столетий. Анализируются проблемы доступа к информации; конкретные ситуации взаимоотношений цензуры с российскими писателями, издательствами, газетами и журналами, театрами; публикуются документы и справочные материалы из истории цензуры; рецензии на книги и обзоры различных мероприятий по проблемам цензуры.

Ключевые слова: История цензуры, публикации, юбилеи, рецензии и обзоры, библиография и справочные материалы

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-116-124

В конце 2025 г. вышел очередной, 12-й по счету, сборник «Цензура в России». Напомню, что эти труды выходят уже 25 лет, с 2001 г., под эгидой Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. В этом, конечно, прежде всего заслуга доктора философских наук М.Б. Конашева и доктора исторических наук Н.Г. Патрушевой, а также редактора Г.А. Мамонтовой. К тому же, издателям удастся поддерживать уровень публикаций на весьма достойном уровне, что, согласитесь, не просто выдержать на протяжении многих лет. Традиционно сборник имеет солидный объем (35 п.л.), и основному тексту предшествует обращение «От составителей», содержащее краткую аннотацию. В данном случае здесь имеются четыре раздела: статьи по истории цензуры, публикации, юбилеи, рецензии и обзоры. Для удобства читателей есть Список сокращений и Сведения об авторах. Продолжая статистику, начатую мной в предыдущей рецензии, (см.: Измозик В.С. Проблемы российской цензуры: рецензия на сборники научных трудов «Цензура в России: история и современность» (Вып. 10, 2021. Ч. 1, Ч. 2. Вып. 11, 2023) //

Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 171 – 175), отмечу, что в данном издании появились публикации восьми новых участников, что составляет ровно треть по отношению ко всему авторскому коллективу. Это, конечно, не может не радовать. Одновременно новые материалы предоставили «ветераны» сборников: Д.А. Бадалян, Н.А. Гринченко, Г.В. Жирков, М.В. Зеленев, М.Б. Конашев, А.И. Кондратенко, Н.Г. Патрушева, Е.С. Сони́на, Ф.К. Ярмолич. Безусловными «рекордсменами» в данном сборнике являются Н.А. Гринченко (две публикации документов: «Отчеты цензурного ведомства как источник сведений об организации цензурного надзора и по статистике российского книгоиздания (1829 – 1861 гг.)» и «Прошения разных лиц о зачислении на вакансию цензора (1853 – 1861 гг.)», Н.Г. Патрушева, которой принадлежит и статья, и обзор научной конференции «XXIII Павленковские чтения: книжное дело в России в XIX – начале XX века», прошедшей в РНБ в октябре 2023 г.; и Е.Г. Федяхина (публикация протоколов заседаний Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати в марте – сен-

тябре 1917 г. и обзор Второй научно-практической конференции по истории драматической цензуры «Разрешить нельзя запретить», прошедшей 18 октября 2024 г. в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке (СПбГТБ)).

Перейду теперь к обзору каждого из разделов. Раздел «Статьи» включает 13 материалов и занимает 40 % всего объема. Естественно я не могу по причине ограниченного объема дать характеристику каждой из них. Поэтому пусть меня простят авторы, которых я обойду молчанием, за субъективный выбор.

Статья доктора исторических наук Н.Г. Патрушевой «Изучение истории цензуры иностранных изданий в России в XX и в XXI веке» [3, с. 16 – 44], как нам представляется, означает определенный поворот в многолетней работе Натальи Генриховны по истории цензуры. Пожалуй, впервые, она обратилась к данному историографическому сюжету, стремясь проследить и выявить «исследовательскую литературу по истории цензуры иностранных изданий в России в разные исторические периоды». Начало этого она относит к 1921 г. и прослеживает до настоящего времени. В поле ее зрения попали сочинения многих десятков авторов, выступавших, как персонально, так и в составе авторских коллективов. В заключение Наталья Генриховна указывает на следующую задачу в этом направлении: «на очереди стоит изучение архивов в городах, где функционировали учреждения по иностранной цензуре, исследование запрещенных изданий на разных языках, особенно восточных, а также по разным отраслям знаний, например, по медицине». Пожелаем ей успеха в этой работе.

Статья кандидата исторических наук Д.А. Бадаляна «III отделение и цензура «Московского сборника» 1852 года» посвящена выяснению отношений власти и славянофилов в начале 1850-х гг. [3, с. 45 – 66]. Любопытно, что еще с 1847 г. славянофилы не только находились под наблюдением III

отделения и московской полиции, но некоторые из них были подвергнуты арестам, хотя издания западников продолжали выходить, несмотря на революции в Европе в 1848 – 1849 гг., что, на первый взгляд, выглядит нелогично. Дмитрий Александрович предлагает свое объяснение этого. Он отмечает, со ссылкой на В.Г. Чернуху, что в тогдашней России вместо правительства в строгом понятии этого термина существовали «ведомства, зачастую, расходившиеся во взглядах» и император, как верховный арбитр. Автор подчеркивает, что позицию III отделения, имевшему право контролировать органы цензуры, и московского генерал-губернатора А.А. Закревского определяло их негативное отношение к славянофилам. Причину этого он видит в принадлежности Л.В. Дубельта, реально управлявшего III отделением, в принадлежности к т.н. «немецкой партии», которая как угрозу себе воспринимала любые попытки развития национального сознания. Вместе с тем, в ближайшем окружении Николая I был граф Д.Н. Блудов, в данное время главноуправляющий II отделения С.Е.И.В. канцелярии, покровительствовавший славянофилам и убеждавший императора, что эта «диванная партия» не представляет опасности для государства. Мне кажется, что необходимо было поэтому более четко прописать позицию императора, далеко не всегда следовавшего советам представителя одной из т.н. «партий», а также напомнить, что лучшие представители славянофилов и западников испытывали глубокое уважение друг к другу. Лишь к полемическому запалу могу отнести фразу, что «ни один из журналистов-западников не был тогда арестован», ибо самому жестокому разгрому был подвергнут в 1849 г. кружок М.В. Петрашевского, безусловно, в целом западнического направления, к которому принадлежал и ряд деятелей литературы.

Статья доктора филологических наук Г.В. Жиркова «Ф.И. Тютчев и А.В.

Никитенко на цензурном Олимпе» раскрывает внутреннее противоборство в «коридорах власти» в пору попыток реформировать цензурное ведомство при Александре II [3, с. 58 – 110]. Интересно, что они оба, слывшие либералами в делах цензуры, оказались решительными противниками министра народного просвещения А.В. Головнина. В их отзывах А.В. Головнин удостоивается эпитетов «подлец», «дурак», «глупец». В результате, как мне кажется, читатель может получить одностороннее представление об этом государственном деятеле. Под пером других исследователей, между тем, он предстает, как один из важных участников «Великих реформ» первой половины 1860-х гг., в частности, Университетского устава 1863 г. Да и отзывы о нем А.В. Никитенко не были столь однозначными. После первой встречи с ним 28 января 1862 г. он записал в дневнике: «Прежде три четверти времени уходило на болтовню и пустые словопрения. Теперь же читается бумага, приводится справка и если все мнения согласны, то делу и конец; если же не согласны, то собираются голоса». Еще более выразительна реакция А.В. Никитенко 17 февраля 1872 г. на прочтение в Государственном Совете мнения А.В. Головнина о новых Временных правилах о цензуре: «Мнение это написано с замечательным умом, правдою и твердостью. Оно все проникнуто мыслью в защиту свободы печати, разумеется, в известных пределах, и пагубности репрессивных против нее мер». Добавим здесь же и суждение А.Ф. Кони в некрологе на смерть А.В. Головнина: «редкое по своей солидности образование, и глубина взглядов, дававшая чувственное биение теплого сердца, не умевшего стареть и успокаиваться в сознании своего личного довольства и почета» [1, с. 77 – 78].

Статья кандидата исторических наук И.К. Богомолова «Дипломатическая цензура газетных телеграмм в годы Первой

мировой войны», кроме небольшого предисловия, является публикацией двух докладных записок управляющему отделом печати и осведомления МИДа Ю.А. Нелидову и самого Ю.А. Нелидова директору Дипломатической канцелярии при ставке князю Н.А. Кудашеву, раскрывающих проблемы, связанные с этим видом цензуры [3, с. 168 – 184]. Как человеку, имеющему некоторое отношение к данному сюжету, мне эти бумаги, извлеченные из Архива внешней политики Российской империи, показались весьма интересными. Однако, на мой взгляд, следовало дать биографические справки на авторов записок, а также, по возможности, на лиц, упомянутых в текстах. Например, цензор Вейнер – это редактор-издатель журнала «Старые годы», создатель Музея Старого Петербурга, Петр Петрович Вейнер (1879 – 1931), расстрелянный 7 января 1931 г. в Ленинграде.

На мой взгляд, интересной и весьма дискуссионной является статья доктора философских наук М.Б. Конашева «II съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров и информационная война» [3, с. 199 – 217], отражающая определенное направление в современной историографии. Небольшое вступление о случае, произошедшем 1 февраля 1972 г. в МГУ в ходе заседания указанного съезда, когда во время лекции американского генетика М. Грина и демонстрации фильма с вводными словами Ф.Г. Добржанского, крупного ученого, «невозвращенца», вышел из строя проекционный аппарат, стало основанием для размышлений об «информационной войне», «которую капиталистический Запад во главе с США денно и нощно вел против СССР и которая была важной и в определенном отношении даже главной составной частью холодной войны» [3, с. 202], а также о том, «какие ошибки были допущены ... руководством КПСС, и какой могла бы и должна была быть информационная политика СССР?» [3, с. 203].

В этой связи Михаил Борисович

формулирует ряд тезисов: 1. «Информационная политика СССР ... представляла собой централизованную партийно-государственную информационную систему»; 2. «... на самом деле информационная политика СССР ... не совсем соответствовала ни подлинно марксистской ..., ни советской информационной политике, какой она могла бы и должна была бы быть»; 3. «реально совершенная в октябре 1917 г. рабоче-крестьянская коммунистическая революция и как ее результат первая фаза ... коммунизма ... в действительности сильно отличалась от тех представлений ..., что содержались в трудах классиков марксизма». Из причин этого автор выделяет то, что все 70 лет СССР находился в «перманентном и тяжелом положении „осажденной крепости“», а также то, что руководство КПСС оказалось неспособно «на ... теоретически верное осмысление» возникших противоречий и проблем. Сразу встает вопрос, с какого времени, по мнению автора, это произошло? «Ни власть, ни население не были обеспечены знанием о социальной, экономической и международной реальности, в которой находилась страна». Казалось бы, последний тезис, даже не касаясь экономической стагнации страны, неспособности насытить потребительский рынок даже в самый благополучный период с 1965 по 1985 гг., указывает на серьезные предпосылки краха СССР. Но Михаил Борисович поддерживает точку зрения, что «СССР ... мог ... продолжить успешно развиваться, если бы не фактический сговор его *внутренних* (курсив наш. — В.И.) и внешних врагов и его разрушение в результате ... номенклатурной контрреволюции» и с одобрением цитирует С.Г. Кара-Мурзу и Г.В. Осипова: «советская система была убита ... союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части «интеллигенции («западников») и преступного мира». Подобные выводы, на мой взгляд, весьма далеки от попытки научного подхода.

Встав на определенную идеологическую платформу, автор загоняет себя в тупик. 70 лет руководство страны искало и репрессировало «врагов», воспитывало массы в духе преданности идеалам марксизма-ленинизма, а как только гайки были ослаблены, из всех щелей вылезли враги, и система рухнула. Получается, что 290 млн советских граждан, за небольшим исключением предателей и преступников, какие-то оловянные солдатики, которыми можно спокойно манипулировать! Я согласен, что поскольку каркасом государственной системы являлась партия-государство, то решения XIX партконференции о передаче власти Советам в той ситуации, при нерешенности экономических и социальных проблем, были серьезнейшей ошибкой. Но партия была настолько «выдрессирована» Сталиным и последующими руководителями, что никаких серьезных возражений не последовало. Посмотрите книгу «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2008». С каким восторгом члены Политбюро встречали записки и размышления Горбачева на протяжении ряда лет! Почему Пленум ЦК (июнь 1987 г.) дружно голосовал за выборность руководителей предприятий, что нанесло мощный удар по экономике? Неужели никто не понимал, к чему это приведет? Что мешало членам ЦК сместить генерального секретаря? Почему Верховный Совет РСФСР почти единогласно принял «Декларацию о суверенитете РСФСР»? Почему в декабре 1991 г. все три Верховных Совета России, Украины и Белоруссии, при минимальных голосах против, ратифицировали Беловежские соглашения? Почему десятки и сотни тысяч граждан не вышли на улицы в защиту СССР? Все это говорит о серьезнейшем системном социально-экономическом и политическом кризисе советской системы и подменять этот анализ конспирологическими суждениями о

«врагах» и «предателях» не стоит. Отметим в этой связи недавние фундаментальные труды доктора исторических наук А.С. Пученкова: «М.С. Горбачев: PRO ET CONTRA : Личность, деяния и эпоха М. С. Горбачёва в оценках современников и исследователей : антология. 2-е изд., испр. / сост., вступ. статья, коммент. А.С. Пученкова. – СПб.: РХГА, 2023. 799 с.» и «Генсек и Президент: М.С. Горбачев в 1990 – 1991 гг. : монография. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2024. 590 с.», где с возможной объективностью исследуется время «Перестройки», в том числе и на основании бесед со 150-ю активными участниками политической жизни того времени, сторонниками и противниками М.С. Горбачева.

Статья кандидата исторических наук Ф.К. Ярмолича «Иностранные источники информации в СССР 1950 – 1960-х гг.» [3, с. 218 – 229], по сути, продолжая предыдущую тему, анализирует ситуацию после смерти Сталина. Новое руководство страны, провозгласив курс на «мирное сосуществование», вынуждено было ослабить «железный занавес». Возникают такие организации, как Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (1958 г.), Бюро международного молодежного туризма «Спутник» (1958 г.); резко расширяет сферу своей деятельности «Интурист», активно занимаются зарубежным туризмом профсоюзы, иницируется переписка советской молодежи с зарубежными сверстниками, многократно возрастает обмен гастролями советских и зарубежных артистов, взаимная стажировка молодых ученых. Все это ставило перед советскими органами управления крайне сложную задачу: развивать официальные формы контактов советских людей с населением иностранных государств, сохранять целенаправленный контроль за ними и всячески препятствовать распространению нежелательной информации, в том

числе из неофициальных зарубежных источников. Федор Кузьмич к неофициальным источникам относит зарубежные радиопередачи и печатную продукцию, не имевшую разрешительных документов. К официальным: допущенные в СССР иностранные кинофильмы, музыкальные произведения, переводную литературу, выставки, контакты в ходе туристических поездок.

Серьезную озабоченность властей вызывало прослушивание передач на языках всех союзных республик, переписка граждан с родственниками или друзьями. В середине 1960-х гг. такую переписку вели, например, около 350 тыс. человек в Литовской ССР. За 1965 г. из посылок, бандеролей, писем было конфисковано более 2,5 тыс. книг, журналов, листовок и более 1 тыс. входящих писем. Не меньшую обеспокоенность вызывали разнообразные контакты в ходе туристических поездок, на выставках, при обмене делегациями и т.п. В 1963 г. американский историк Р. Пайпс прочел четыре лекции на историческом факультете ЛГУ, которые, по словам культуролога и философа Б.М. Парамонова, вызвали огромный интерес у слушателей [2], и недовольство партийных органов [3, с. 221]. Еще одной проблемой для советских руководителей стала насыщенность советского киноэкрана и театров иностранной продукцией. Здесь также существовало сложное противоречие: требование идеологической чистоты сталкивалось с необходимостью выполнения промфинплана, т.е. доходности учреждения культуры. Это же относилось к переводной литературе. Комиссия ЦК КПСС 5 апреля 1958 г. обращала внимание, что Министерство культуры и издательства при планировании выпуска иностранной литературы на первое место ставят коммерческие интересы и «недостаточно учитывают идейное и художественное качество произведения». Этот упрек повторил в 1962 г. зам. заведующего Отделом пропаганды и агитации

И.В. Снастин в записке секретарям ЦК. Свою лепту в защиту «идеологической чистоты» вносили и некоторые представители советской культуры, хотя их истинные мотивы могли различаться от реальной убежденности до стремления защитить свои имущественные интересы (зам. министра культуры СССР Г.И. Владыкин отверг обвинения хореографа Л.С. Школьниковой, жаловавшегося в 1968 г. секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву на распространение идей английского хореографа А. Мура). Как говорил историк К.Н. Тарновский, в СССР не было многопартийности, но была многоподъездность. Различные ведомства сталкивались между собой и в вопросах допущения иностранной информации. В результате в силу целого ряда факторов, в том числе и политики «разрядки международной напряженности», доля доступной советским гражданам иностранной информации продолжала расти. Заметим, что в ситуации столкновения пропагандистских лозунгов и реальности часть советских граждан воспринимала с доверием и ту часть иностранной информации, которая также являлась пропагандой.

В разделе «Публикации» все семь материалов по-своему интересны. Для изучения истории цензуры и книгоиздательского дела в России весьма полезны будут «Отчеты цензурного ведомства как источник сведений об организации цензурного надзора и по статистике российского книгоиздания (1829—1861 гг.) / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Гринченко» [3, с. 230 – 284]. Здесь распоряжения по внутренней цензуре, статистические данные о ввезенных в Россию зарубежных изданиях, сведения о персональном составе С.-Петербургского цензурного комитета, обширный статистический материал о российском книгоиздании 1830—1860-х гг. Из таблицы видно, что к 1861 г. произошло более чем трехкратное увели-

чение общего количества названий сочинений. После смерти Николая I нарастает издание зарубежной литературы. Из данных за 1830 – 1835 гг. видна роль в тот период иностранных языков в книгоиздании с учетом особенностей Российской империи: на первом месте переводные сочинения на французском языке (524), на втором – на польском (268), на третьем – на латинском (234), на четвертом – на французском (208), на пятом – на еврейском (194), и на английском – всего лишь 9.

Екатерина Игоревна Вожик, сотрудник ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, впервые выступающая в сборнике, в публикации «Театральные рецензии и Придворная цензура в 1843 – 1844 гг.» [3, с. 285 – 306] поместила девять документов из переписки лиц, ответственных за соблюдение журналистами установленных правил. Но проблема, как показывает автор во вступительной статье, была в том, что «Множественность контролирующих инстанций, а также недостаточность формулировок действующего Устава о цензуре (1828), ... приводили к неопределенности положения театральной критики: единого представления о допустимом – как у чиновников, так и среди журналистов – не было». Даже пользовавшийся покровительством властей Ф.В. Булгарин находился в положении человека, которому было необходимо учитывать интересы театральной дирекции, III отделения, императорского двора и лично императора, непосредственно участвующего в составлении театрального репертуара. Приведу характерный пример отношения верховной власти к показу истории на театральной сцене. Из отношения начальника III отделения и шефа Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфа министру Двора П.М. Волконскому 15 апреля 1844 г.: «Государь Император, прочитав № 82 „Северной пчелы“ ..., отозваться изволил, что статья „Боярин Федор Васильевич Басенок“, сочиненная Р. Зотовым [Р.М. Зотов (1795 –

1871) – романист, драматург и театральный критик], не должна была одобряться к напечатанию, ибо Его Величество находит, что, хотя статья эта и писана благонамеренно, не менее того обнаруживает, что правительство во времена великого князя Василия Васильевича Темного само прибегало к средствам ослепления и таким образом давало некоторый повод действовать наоборот с толиким же варварством Шемяке в отношении великого князя Василия [Речь идет о междуусобной войне в 1425 – 1453 гг. между потомками Дмитрия Донского, в которой, в конечном счете победу одержал Василий II Темный, ослепивший своего двоюродного брата Василия Косого]. Его Величество высочайше мне повелеть соизволил доложить Вашей светлости, что вообще разбор театральных пьес должен относиться к похвале или умеренному осуждению сочинения и игры артистов, а не к истории, которую г. критик без всякой нужды присоединил к предмету, который из сферы чисто театральной выходить не должен».

Доктор филологических наук А.П. Дмитриев поместил 15 неопубликованных писем графини А.Д. Блудовой к И.С. Аксакову за январь – октябрь 1861 г. [3, с. 332 – 370]. Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1813 – 1891), фрейлина императрицы Марии Федоровны, церковно-общественная деятельница, писательница, дочь графа Д.Н. Блудова, убежденная сторонница славянофильства, излагает свои взгляды на ситуацию в стране, дает советы о тактике поведения. Например, в письме от 16 мая она так наставляет своего корреспондента: «Одна только постоянная, осторожная и разумная трезвенность умственная может быть благотворна для охранения и постепенного привития мысли важной и необветшалой к большинству мыслящих людей, а со временем и к массе людей, не размышляющих сами, но принимающих ревностно готовые и обставляемые прилично мысли. Вот почему я так глубоко убеждена, что нужно с

великою любовью и еще бóльшим снисхождением воспитать ветреную и пустую публику нашу ко принятию живительного слова и мысли — а не трубным звоном» [Курсив письма].

Кандидат богословия Д.А. Карпук в материале «Мнение духовных цензоров о духовной цензуре (1870 г.)» [3, с. 371 – 399] впервые опубликовал полный текст Записки по реформированию духовной цензуры, подготовленный специально учрежденной Комиссией под председательством известного богослова и церковного историка, архиепископа Литовского, впоследствии митрополита Московского Макария (Булгакова), в мае 1870 г. Во вступительной статье Дмитрий Андреевич подчеркивает, что «содержание записки ... являет факт того, что в церковной среде было достаточно лиц, понимающих и видящих тот вред, который наносили духовные цензоры — вольно или невольно — русской богословской и духовно-религиозной литературе. ... члены Комиссии не призывали полностью отказаться от наблюдения за собственно богослужебной, канонической и догматической литературой, т. е. имеющей самое непосредственное отношение к церковной жизни, однако предлагались довольно существенные послабления и корректировки существующих правил в сфере духовной цензуры». На основании данной записки Святейший Синод 20 января 1871 г. издал указ о довольно кардинальных и существенных преобразованиях в области духовной цензуры. Например, в указе предписывалось в столичных городах ввести карательную или наблюдательную цензуру, т. е. сделать ровно то, что уже было сделано в сфере гражданской цензуры. Но, в конечном счете, этот документ в силу так и не вступил, а 20 мая 1881 г. Синод этот указ аннулировал.

Меня заинтересовала, предоставленная доктором исторических наук М.В. Зеленовым, запись совещания в Секретари-

ате Комиссии ЦК КПСС по идеологическим вопросам 17 февраля 1953 г. редакторов литературно-художественных журналов [3, с. 473 – 486]. Среди присутствующих были главные редакторы журналов «Знамя» В.М. Кожевников, «Нового мира» А.Т. Твардовский, зам. главного редактора журнала «Октябрь» П.А. Казымов, секретарь Союза писателей СССР А.В. Софронов. На повестке дня стоял вопрос о теоретических статьях в этих изданиях, освещающих идеологические вопросы. Выступления позволяют лучше почувствовать атмосферу времени, оценить возможности партийной цензуры в реальных условиях. Редакторы жаловались на отсутствие достойных авторов, на сухость и однотипность статей по идеологическим вопросам. А.Т. Твардовский спросил о возможности «печатания в меру переводной, главным образом разоблачительной, литературы». Председатель Комиссии А.М. Румянцев, член ЦК КПСС, будущий сторонник и проводник идей еврокоммунизма, социолог, осторожно ответил: «Конечно, можно, но увлекаться ... этим делом также не следует».

С удовольствием присоединяюсь к поздравлениям по случаю 70-летия доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Отечественной истории Брянского университета Валерия Федоровича Блохина. Мы познакомились с ним в конце 1980-х гг. через посредство доктора исторических наук, профессора Б.В. Леванова и с тех пор поддерживаем научные, товарищеские контакты. Валерий Федорович – прекрасный ученый и великолепный человек.

Раздел «Рецензии и обзоры» содержит рецензии Е.С. Сониной на монографию: Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1: Цензура в дореволюционной России. Вып. 2: Конец 1820-х гг. — 1855 г. Интернет-издание. 2023 [3, с. 499 – 504]; Н.А. Гринченко на сборник материалов и

докладов, изданный по результатам Международной научно-практической конференции по истории драматической цензуры, С.-Петербург, 21 октября 2022 г. : сб. материалов и докладов / С.-Петерб. театральная б-ка. СПб., 2023 [3, с. 505 – 511]. Он выложен на сайте <http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/14808-razreshit-nelzya-zapretit>. И.В. Алферова поместила Краткий обзор результатов исследовательской работы в рамках гранта Российского научного фонда (РНФ), 2022—2023 гг. по теме «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914 – 1917 гг.) [3, с. 512 – 523]. Е.Г. Федяхина, С.В. Соколов, Н.Г. Патрушева дали краткие обзоры прошедших конференций: «Вторая научно-практическая конференция по истории драматической цензуры «Разрешить нельзя запретить», прошедшая 18 октября 2024 г. в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке (СПбГТБ)) [3, с. 524 – 531], «Научно-практическая конференция «Спецхран: прошлое и настоящее в ИНИОН РАН» [3, с. 532 – 538], «Исследования по истории цензуры, представленные на научной конференции XXIII Павленковские чтения: Книжное дело в России в XIX – начале XX века» [3, с. 539 – 541].

Поздравив организаторов и авторов с несомненным успехом и пожелав им продолжать свою полезную для российской культуры деятельность, по законам жанра пора перейти к замечаниям. Главное из них касается круга авторов. По моим подсчетам, в сборнике приняло участие 24 человека. Из них 16 (75 %) – из Санкт-Петербурга, по 3 человека представляют Брянск и Москву, по 1 человеку – Орел и Саратов. Да и питерские авторы в большинстве (11 человек) трудятся в трех учреждениях: РНБ (5), Пушкинский Дом (3) и Санкт-Петербургский университет (3). По разным причинам, видимо, исчезли иностранные авторы. Думается, что издатели должны

озаботиться расширением авторской географии. За Волгой находятся такие крупнейшие научные центры, как Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Томск, Хабаровск, Владивосток и другие. Уверен,

что там, безусловно, есть потенциальные авторы, занимающиеся сюжетами российской цензуры, в том числе, на региональном материале. Так что составителям есть над чем работать.

Список литературы

1. Головнин А.В. Записки для немногих / Вступ. статья Б.Д. Гальпериной // Вопросы истории. 1996. № 1.
2. Ефремов Е. «Крах СССР не предсказал никто»: памяти Ричарда Пайпса // Livejournal. URL: <https://evgeniy-efremov.livejournal.com/130884.html> (Дата обращения 22.02.2026).
3. Цензура в России: история и современность : Сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2025. Вып. 12. 544 с.

RUSSIAN SCHOLARS ON CENSORSHIP

Review of the collection "Censorship in Russia: History and Modernity. A Collection of Scientific Papers". Vol. 12. St. Petersburg: Russian National Library, 2025. 544 p.

Peer-reviewed collection are devoted to the history of censorship in Russia for two centuries. It analyzes the problems of access to information; specific situations of censorship relations with Russian writers, publishing houses, newspapers and magazines, theaters; documents and reference materials from the history of censorship are published; book reviews and reviews of various events on censorship issues.

Keywords: Censorship history, publications, anniversaries, reviews, bibliography and reference materials

References

1. Golovnin A.V. Zapiski dlya nemnoghih / Vstup. stat'ya B.D. Gal'perinoj // Voprosy istorii. 1996. № 1.
2. Efremov E. «Krah SSSR ne predskazal nikto»: pamyati Richarda Pajpsa // Livejournal. URL: <https://evgeniy-efremov.livejournal.com/130884.html> (Дата обращения 22.02.2026).
3. Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost' : Sb. nauch. tr. SPb.: RNB, 2025. Vol. 12. 544 s.

Об авторе

Измозик Владлен Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского Государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, E-mail: izmozik@mail.ru

Izmozik Vladlen Semenovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications (Russia), E-mail: izmozik@mail.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их **значимость (оценка) для науки**. Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег**, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы**.

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок**: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

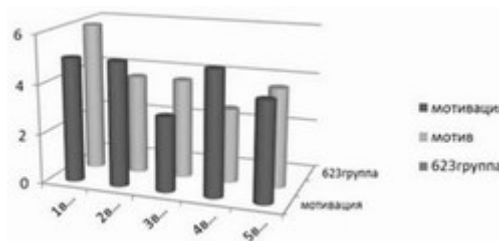

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; E-mail: gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (67) 2026

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.03.2026.

Дата выхода журнала в свет: 31.03.2026.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 16,0. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+